

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки
№ 2

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2020

Редакционная коллегия серии

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (главный редактор); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
М. А. Анипкин, д-р социол. наук, проф., Волгоградский гос. ун-т, Эссексский университет, Великобритания; *М. В. Берендеев*, канд. социол. наук, доц., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *К. Ю. Волошенко*, канд. экон. наук, директор центра моделирования социально-экономического развития региона, БФУ им. И. Канта; *Т. С. Волчецкая*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, Юридический институт, БФУ им. И. Канта; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *А. Жуковски*, д-р полит. наук, проф., президент Польской ассоциации политической науки, Польша; *О. И. Зазнаев*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой политологии, Казанский (Приволжский) федеральный ун-т; *Ю. В. Кривошеев*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой исторического регионоведения, СПбГУ; *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., профессор кафедры европейских исследований, СПбГУ; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политических институтов, СПбГУ; *Е. Р. Россинская*, д-р юр. наук, проф., директор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина; *Р. Саква*, д-р полит. наук, проф., Кентский университет, Великобритания; *П. Тамаш*, д-р социологии, проф., Академия наук Венгрии, Венгрия; *А. Е. Шашитко*, д-р экон. наук, проф., экономический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Адрес редакции:

236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

Миказян Р. С. Правовое регулирование деятельности в Арктике с учетом санкционного фактора	5
---	---

Ярошенко Т. В. Сделки, удостоверяемые в нотариальном порядке: проблемные вопросы	13
--	----

3

Актуальные проблемы современной экономики

Гонтарь Н. В., Горочная В. В. Кластеры в системе экономического и инновационного развития АПК в Ростовской области и Краснодарском крае	21
---	----

Михайлов А. С., Михайлова А. А., Хвалей Д. В. Разумный подход к развитию территориального капитала города: адаптивная политика с использованием географии знания	38
--	----

Исторические науки

Шуняков Д. В. Послевоенная демобилизация офицерских кадров Вооруженных сил СССР и связанные с ней проблемы (1945–1948 годы)	53
---	----

Максимов И. П. Истоки и исторические предпосылки немецкого федерализма	61
--	----

Мегем М. Е. История Литвы в дореволюционной отечественной историографии второй половины XIX — начала XX века	68
--	----

Общество и политика

Тарасов И. Н. Эксклавность как вызов и ресурс международного позиционирования Калининградской области	77
---	----

Зимовина Е. П., Щекотуров А. В., Кришталь М. И. Пространственная мобильность и миграционные установки реформенного поколения и поколения миллениалов Калининградской области	86
--	----

Фидря Е. С., Фидря О. О. Устойчивость культурных установок локальных сообществ в отношении рисков: опыт применения модели «группа / решетка»	106
--	-----

CONTENTS

State and law

<i>Mikaelyan R.S.</i> Legal regulation of activities in the Arctic in the context of sanctions.....	5
<i>Yaroshenko T.V.</i> Some issues of the notary certified transactions.....	13

Current economic problems

<i>Gontar N.V., Gorochnaya V.V.</i> Clusters in the system of economic and innovation development of agriculture in the Rostov Region and the Krasnodar Region.....	21
<i>Mikhaylov A.S., Mikhaylova A.A., Hvalej D.V.</i> Sustainable development of the city territorial capital: adaptive policy through the geography of knowledge	38

Historical sciences

<i>Shunyakov D.V.</i> The issues of the post-war demobilization of military officers (1945 – 1948).....	53
<i>Maksimov I.P.</i> Origins and historical background of German federalism.....	61
<i>Megem M.E.</i> The history of Lithuania in the national historiography of the second half of the 19th – early 20th century.....	68

Society and politics

<i>Tarasov I.N.</i> Exclavity as a challenge and a resource for foreign positioning of the Kaliningrad region.....	77
<i>Zimovina E.P., Krishtal M.I., Shchekoturov A.V.</i> Mobility and migration intentions of the Reform Generation and Millennials of the Kaliningrad region	86
<i>Fidrya E.S., Fidrya O.O.</i> Resilience of cultural attitudes of local communities to risks: the «group / grid» model.....	106

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АРКТИКЕ С УЧЕТОМ САНКЦИОННОГО ФАКТОРА

Рассмотрено влияние санкционного фактора на законодательную базу, регулирующую ведение совместной хозяйственной деятельности по освоению Арктики силами Российской Федерации и Европейского союза. Проводится анализ основополагающих документов, посредством которых реализуются совместные проекты с Евросоюзом. Цель работы состоит в анализе изменений нормативной базы ведения совместной деятельности в Арктике со стороны России и ЕС, а также выявлении соответствующих ограничений. По итогам исследования сделан вывод о минимальном влиянии санкционного фактора, поскольку основные ограничения накладываются на сферу шельфовой нефтедобычи, которая из-за своей дороговизны пока не может эффективно развиваться. В остальных направлениях деятельности рассмотренные меры не приносят серьезного ущерба, позволяя развивать совместные проекты почти на докризисном уровне. По мнению автора, влияние санкционного фактора слишком преувеличено, а возможности для дальнейшей совместной деятельности России и ЕС сохраняются и на современном этапе.

The article explores the sanction factor impact on the legislative framework regulating Russian and European joint economic activities in the Arctic. The fundamental documents on the joint projects with the European Union get analyzed in the context of the sanction factor. The paper focuses on changes in the legislative framework for Russian – EU joint activities, as well as relevant restrictions. The author concludes that the sanction factor is hardly affective as the main restrictions are imposed on the offshore oil production sector, which cannot yet be developed effectively due to its high cost. The considered measures do not seriously challenge any other economic areas, allowing the joint projects develop at almost the same level. According to the author, the influence of the sanction factor is exaggerated, which means further joint activities of Russia and the EU may have the same prospects.

Ключевые слова: правовое регулирование, Арктика, ограничительные меры, ЕС, санкции, международное право, ведение совместных проектов.

Keywords: legal regulation, the Arctic region, restrictive measures, EU, sanctions, international law, joint projects.

С конца XX в. наблюдается повышенный интерес ряда стран к использованию природных ресурсов и территорий, находящихся в пределах Арктики. Это связано прежде всего с успехами геологоразведки, обнаружившей как на континентальном шельфе, так и в морях этого региона многочисленные запасы углеводородов и каменного угля, как и морских биоресурсов. В то же время не стоит забывать об изменении

климата, которое оказало положительное влияние на Арктический регион, в результате чего оказался полностью доступен Северный морской путь — транспортная артерия, с помощью которой можно удешевить и ускорить грузоперевозки, что для ряда стран будет особенно выгодно. С этим и связан активный интерес в первую очередь арктических государств (Россия, Канада, Дания, Норвегия, США) и некоторых иных стран (например, Китая), готовых активно инвестировать в развитие соответствующей инфраструктуры.

Необходимо помнить о важной роли Арктики для всемирной экологии, ведь игнорирование этого вопроса может привести к непоправимым последствиям. Рациональное использование имеющихся ресурсов региона зависит в первую очередь от законодательства заинтересованных сторон (арктических государств), в котором должны быть прописаны нормы, касающиеся как разумного использования всех видов ресурсов, так и максимального сохранения экосистемы этого региона. Соответственно, важен другой фактор — наличие определенных международных норм, которые будут согласовываться между собой, чтобы разные законодательства на национальном уровне не противоречили друг другу [6, с. 81].

Вопрос законодательного регулирования деятельности в Арктическом регионе на международном уровне исследовался многими выдающимися правоведами, среди которых можно выделить А.А. Конопляника, В.С. Селина, А.Н. Вылегжанина, С.А. Гуреева, А.Л. Колодкина, А.И. Губанова и многих других.

На данный момент в международном праве насчитывается свыше ста договоров, которые в какой-либо степени касаются Арктики, однако единого договора международного уровня, который устанавливал бы правила по использованию ее ресурсов и охране экосистемы, до сих пор нет.

К.А. Семенова отмечает, что феномен отношения к Арктике в системе имеющихся международных договоров некоторыми специалистами называется «мягким правом», что подразумевает рекомендательный характер многих существующих норм и правил, а также отсутствие обязательности юридической силы для государств, прямо или косвенно их нарушающих [14, с. 143].

Деятельность в Арктическом регионе регулируется частично, в разрезе каких-либо конкретных вопросов. В частности, международные договоры по Арктике могут касаться обеспечения охраны экологии, разведки полезных ископаемых, безопасного мореплавания, вылова морских биоресурсов.

Для обеспечения поступательного развития законодательного регулирования деятельности в Арктике в 1996 г. была подписана Оттавская декларация, положившая начало функционированию Арктического совета — своеобразного межправительственного форума, взявшего на себя роль обеспечения регионального управления в части неполитических направлений деятельности. В него входят 8 государств, среди которых Россия и страны ЕС (Швеция, Дания, Финляндия), а также ряд представителей других государств, львиную долю которых представляют страны Европейского союза [2, с. 91].

С подачи Арктического совета был принят ряд деклараций, целью которых является координация совместной деятельности в области охраны арктических экосистем и сохранения биоресурсов региона. К ним можно отнести Икалуитские декларации министров государств — членов Арктического совета, принятые в 1998 г. и затем в 2015 г.; Инувикская декларация 1996 г., касающаяся защиты окружающей среды и обеспечения устойчивого развития Арктики; Нуукская декларация министров государств — членов Арктического совета, утвержденная в 2011 г. Последняя обратила внимание на необходимость создания постоянного секретариата организации, который был организован в норвежском Тромсё. Кроме того, были определены четкие критерии для принятия новых стран-наблюдателей в Совет. Также в этой же декларации закреплён принцип признания суверенных прав арктических государств, что полностью соответствует целям Арктического совета [17, р. 207].

Можно заметить, что деятельность этой организации касается только некоторых направлений, большая часть международных договоров лишь упоминает Арктику, но не нацелена на законодательное регулирование деятельности в этом регионе. Например, любая деятельность, касающаяся добычи нефти и газа в условиях моря / шельфа, в международных договорах прописана в глобальном масштабе, а особые регионы вроде Арктики обнаруживаются лишь в некоторых спецразделах. Это касается следующих документов: Конвенция ООН по морскому праву (1982), Конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью (1969), Конвенция по предотвращению загрязнения моря с судов (1973 / 1978), Конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью в результате разведки и разработки минеральных ресурсов морского дна (1976) [13, с. 207].

Современное видение законодательного регулирования в Арктическом регионе со стороны международного сообщества не подразумевает необходимости разработки особого правового режима в этой части планеты.

А. И. Губанов отмечает, что в 2008 г. Арктические государства приняли Илулиссатскую декларацию, которая описывала управление морскими пространствами региона. Документ констатирует отсутствие необходимости создания международно-правового режима, регулирующего использование Северного Ледовитого океана: согласно декларации, морские воды региона ничем не отличаются от вод в других частях планеты, соответственно, на них распространяются одинаковые правила [5, с. 103].

В соответствии со ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву (1982), предусматривается возможность определения недискриминационных законов, согласно которым устанавливаются правила в пределах исключительных экономических зон, благодаря чему Северный морской путь попадает под данное определение, соответственно, требования к судоходству определяются законодательством Российской Федерации [8].

Остальные части Конвенции не напрямую касаются использования таких территорий Арктических стран, как архипелаги, острова, конти-

нентальный шельф. За основу берется принцип соблюдения суверенитета, под которым подразумевается безусловное право Арктического государства в пределах своей границы, шельфа и исключительных экономических зон владеть имеющимися природными ресурсами и использовать их по своему усмотрению.

Одним из важных стимулов для консолидации международных правовых норм в развитии судоходства в Арктическом регионе стал вступивший в действие с 2017 г. Полярный кодекс, в котором не только урегулированы вопросы безопасности плавания судов в указанном регионе, но и учтена экологическая составляющая — определены повышенные требования к сбросу отходов, что является шагом вперед в вопросе усиления охраны арктических вод [10, с. 81].

В принципе, перечисленные международно-правовые договоры регулируют основные направления деятельности в Арктике, создавая понятные и благоприятные условия для развития совместных проектов по освоению региона между Европейским союзом и Российской Федерацией.

В то же время необходимо учесть появившийся санкционный фактор: 31 июля 2014 г. Советом Европейского союза был утвержден регламент № 833/2014 «Об ограничительных мерах в свете действий России по дестабилизации ситуации в Украине», который коснулся ведения совместных проектов РФ и ЕС по освоению Арктических территорий. В частности, в ст. 3 прописаны условия, при которых Евросоюзу запрещено передавать России технологии, связанные с добычей нефти как глубоководным способом, так и на континентальном шельфе (в условиях арктического климата). В п. 3 ст. 3 того же регламента приведен перечень технологий, которые предположительно можно использовать для целей нефтедобычи в сложных условиях. Соответственно, любая их передача запрещена [4, с. 45].

В ст. 5 содержатся косвенные ограничения возможности ведения совместной хозяйственной деятельности — на любые операции с рядом российских компаний и банков, касающиеся оборота ценных бумаг, а также на иные взаимодействия, в том числе проведение инвестиционных операций [11, с. 36].

На первый взгляд кажется, что подобные меры делают невозможным развитие любых совместных проектов в области освоения природных ресурсов Арктики, ведь российские сырьевые компании исключены из технологического взаимодействия, а российские банки лишены доступа к краткосрочным займам. Конечно, в определенном контексте санкционный фактор сказывается: отечественные добывающие компании серьезно зависят от иностранных технологий, а также от международных инвестиций. Более того, ведение хозяйственной деятельности по освоению добычи углеводородов в Арктике — это масштабный и дорогостоящий проект, который не под силу одной стране, необходимы международная кооперация, обмен опытом и технологическими разработками.

Это фактор усугубляется особенностями российского законодательства: так, закон РФ № 2395-1 от 21.02.1992 г. «О недрах» определяет порядок ограничения перечня компаний, которые могут претендовать на

прохождение лицензирования на право использования участков недр континентального шельфа, принадлежащего Российской Федерации. Полный допуск на сегодняшний день есть только у ПАО «Газпром» и ПАО «НК Роснефть». Каждая из компаний владеет парой десятков лицензионных участков, однако доведен до стадии промышленной добычи только один проект – месторождение «Приразломное», разработкой которого занимается «Газпром». Соответственно, у «Роснефти» нет ни одного подобного проекта [1, с. 38].

Кроме того, введенный режим ограничительных мер не позволяет привлечь ни одну из международных нефтяных компаний для ведения разведки и дальнейших мероприятий по промышленной добыче углеводородов. Привлечение других российских компаний также затруднено, в том числе по причинам опасений последних попасть в санкционный список, что может нанести окончательный удар по их деятельности.

Главную роль в замедлении интереса добывающих компаний к Арктическому региону играет такой важный фактор, как уровень рентабельности добычи углеводородного сырья. Активное обсуждение вопросов нефтедобычи на континентальном шельфе в Арктике особенно активно велось в период высоких цен на нефть, когда стоимость барреля превышала порог 90–100 долларов. Хотя уже тогда независимые специалисты говорили о рентабельности подобных проектов только при стоимости нефти от 110–140 долларов за баррель, однако мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. обрушил подобные перспективы [10, с. 87].

Из-за высокой волатильности цен на углеводороды проекты добычи в сложных условиях начали сворачивать: еще до введения санкционного режима в 2014 г. был приостановлен масштабный проект разработки Штокманского месторождения. Кроме того, успешное внедрение технологий по добыче сланцевой нефти окончательно закрепило политику невысоких цен на углеводородное сырье.

Активное влияние на сворачивание подобных проектов также оказал взрыв нефтяной платформы *Deepwater Horizon* в 2010 г., закончившийся крупным разливом нефти и масштабной экологической катастрофой, с которой даже при благоприятных климатических условиях в Мексиканском заливе не смогли вовремя справиться: не хватило ресурсов и совершенных технологий [16, с. 817].

Если касаться природно-климатических условий Арктического региона, то они, даже несмотря на потепление климата, остаются суровыми, почти экстремальными. При самых совершенных технологиях добычи в сложных участках совершенно не развиты методы борьбы с разливом нефти в арктических условиях, что может грозить глобальной катастрофой не только в пределах рассматриваемого региона [15].

Сложилась интересная ситуация: санкционный фактор вроде бы и присутствует во взаимодействии Российской Федерации и Европейского союза при освоении Арктики, но касается лишь одного направления – добычи углеводородов в сложных условиях, а также сопутствующей деятельности (технологический обмен, международное инвестирува-

ние, кредитование). Но критического влияния на положение дел это не оказывает, так как нефтедобыча в Арктике почти не развита, а отсутствие доступа к технологиям, финансированию, методикам ликвидации экологических катастроф в экстремальных условиях и нерентабельность деятельности сказываются на невостребованности этого направления [12, с. 5].

Остальные договоренности, касающиеся охраны природы, обеспечения безопасности мореплавания, транспортировки грузов и вылова морских ресурсов, не претерпели серьезного влияния санкционного фактора.

Как отмечает А. А. Конопляник, основная цель введенного санкционного режима состоит в активном воздействии на ограничение роста экономики Российской Федерации и в снижении политического влияния страны на международной арене, а в совокупности указанных факторов — в создании негативной социально-экономической ситуации внутри государства. Механизмы этих ограничительных мер ударяют по доступности дешевого финансирования, свободе передвижения физических лиц, связанных с государственной деятельностью, а также отсекают РФ от рынка продвинутых технологий, в том числе в сфере добычи нефти и газа. Если касаться воздействия на хозяйственную деятельность в Арктике, то характер этих ограничительных мер является скорее косвенным [9, с. 131].

Причина кроется в ограниченном проценте добычи полезных ископаемых на Арктическом шельфе в общей совокупности прибыли, генерируемой благодаря этой деятельности. Поскольку речь о наращивании добычи арктической нефти не идет, а рынок углеводородов обладает высокой волатильностью цен, что пока не сможет оправдать потенциальные вложения инвесторов в развитие шельфовых месторождений, о прямом характере санкций можно говорить только в среднесрочной или долгосрочной перспективе [3, с. 77].

Так, добыча нефти на шельфе России в 2014 г. составляла всего 3 % от общего объема, в текущем состоянии можно констатировать только подтверждение запасов и развитие их разработки, но никак не активную добычу [9, с. 37].

Соответственно, введенный санкционный режим не оказал такого серьезного влияния, как рассчитывали его разработчики. Относясь в основном к ведению добычи углеводородов, регламент об ограничительных мерах коснулся лишь одного развивающегося направления, которое перестало быть привлекательным из-за ряда проблем (рентабельность, развитие технологий, методики ликвидации последствий техногенных катастроф в экстремальных условиях) еще до событий, повлекших принятие этого документа [7, с. 62].

Определенные проблемы получили российские банки и добывающие компании, привыкшие полагаться на дешевое фондирование от западных банков, однако при поддержке со стороны государства эти потери оказались не столь значительными, как ожидалось ранее.

Таким образом, ведение совместной деятельности в Арктике по большинству направлений урегулировано рядом международно-пра-

новых договоров. Часть из них инициирована Арктическим советом, но главная проблема состоит в отсутствии обязательной юридической силы большинства из них. Тем не менее прописанные в этих договорах нормы стараются соблюдать, максимально отказываясь от излишней политизации. Ведь даже режим ограничительных мер со стороны Евросоюза, несмотря на их ультимативный характер, принес ущерб совсем не того масштаба, что ожидался. В то же время регулирование хозяйственной деятельности в Арктическом регионе следует развивать далее, и Россия должна принять в этом процессе самое непосредственное участие.

Список литературы

11

1. Бердинских С.В. Надзор за исполнением законодательства на особо охраняемых природных территориях // Законность. 2016. №4. С. 38 – 39.
2. Веретенников Н.П., Геращенко Л.В., Горячевская Е.С. Северный морской путь: история, экономика, геополитика, безопасность // Геополитика и безопасность. 2015. №2 (30). С. 88 – 94.
3. Годованник Е.Д. Экономические санкции: исторический аспект // Национальная экономика: теория и практика. 2015. №20. С. 64 – 87.
4. Горбунова О.А. Воздействие санкций на функционирование российских компаний нефтегазового сектора на мировом рынке нефти и газа // Вестник Евразийской науки. 2018. №2. С. 43 – 48.
5. Губанов А.И. Разграничение континентального шельфа в Арктике: Международно-правовые проблемы и перспективы : монография. М., 2015.
6. Добромыслова В.Ю. Некоторые вопросы государственной политики Российской Федерации в Арктической зоне // Экономические стратегии. 2010. №12. С. 76 – 92.
7. Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. М., 2015.
8. Конвенция ООН по морскому праву (от 10.12.1982 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 23.07.1997. №7. Ст. 5493.
9. Конопляник А.А., Бузовский В.В., Попова Ю.А., Трошина Н.В. Влияние антироссийских санкций на освоение нефтегазового потенциала российского арктического шельфа — и развилки энергетической политики России. М., 2015.
10. Нуреев М.Р. Экономические санкции против России: ожидания и реальность : монография. М., 2017.
11. Пронин А.В. О правовой природе санкций ЕС в отношении РФ // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №2 (24). С. 33 – 36.
12. Раджабова К.А., Тагаев Т.А., Андреева Л.О. Освоение арктического шельфа в условиях санкций // Науковедение. 2016. Т. 8, №6. С. 1 – 7.
13. Савельев А.Н., Селин В.С., Щеголькова А.А. Геоэкономические обстоятельства и политические тенденции регионального присутствия России в Арктике // Экономика и предпринимательство. 2013. №12-2 (41-2). С. 205 – 209.
14. Семенова К.А. Проблемы развития арктического законодательства: история, современность и перспективы // Проблемы права в современной России : сб. ст. междунар. межвуз. науч.-практ. конф. СПб., 2014. С. 140 – 143.
15. Стратегия развития Арктической Зоны Российской Федерации и обеспечения Национальной Безопасности на период до 2020 года : указ Президента РФ от 12.05.2009 №537 (ред. от 01.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.03.2015. №3. Ст. 452.

16. Федулов Н.Н. Освоение нефтегазовых ресурсов российской Арктики в условиях санкций и низких цен на нефть // Экономика и предпринимательство. 2016. №7. С. 816–821.

17. *Arctic security matters* // EU Institute for Security Studies, report №24, 2015. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Report_24_Arctic_matters.pdf (дата обращения: 05.11.2019).

Об авторе

Роман Самвелович Микаэлян — асп., Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Россия.

E-mail: mikaelyan.r@yandex.ru

The author

Roman S. Mikaelyan, PhD Student, St. Petersburg State Marine Technical University, Russia.

E-mail: mikaelyan.r@yandex.ru

Т. В. Ярошенко

СДЕЛКИ, УДОСТОВЕРЯЕМЫЕ В НОТАРИАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

13

Раскрыты понятие и значение нотариата в удостоверении сделок. Рассмотрены следующие проблемные вопросы: сделки как институт гражданского права и гражданского процесса, электронные сделки, роль нотариата в цифровом пространстве при удостоверении сделок. Особое внимание уделено проблематике сделок, требующих обязательного нотариального удостоверения, а также сделок с недвижимостью. Исследуются общие правила нотариального удостоверения сделок, их особенности, проблематика взаимодействия суда и нотариата по вопросу удостоверения сделок. Проанализированы базовые положения Основ законодательства РФ о нотариате, Гражданского кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ, внесены некоторые предложения по совершенствованию законодательства.

Автор приходит к выводу, что нотариальное удостоверение сделок занимает ведущее место среди других нотариальных действий; особому исследованию требуют проблема удостоверения сделок по отчуждению объектов недвижимого имущества с предложением их обязательного нотариального удостоверения, необходимость активного использования электронного нотариата при удостоверении сделок, а также практика широкого применения цифровых сделок.

The article reveals the concept and place of the notary in certified transactions. It considers such problematic issues as transactions, civil law and civil process, electronic transactions, the role of the notary public in the digital space when certifying transactions. Particular attention is paid to transactions requiring mandatory notarization, as well as real estate transactions. The general rules for transactions notarization, their features and interaction between the court and the notary public regarding the certification of transactions are investigated. The article analyzes the main provisions of the Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries, the Civil Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, makes some suggestions for improving the legislation.

Notarial certification of transactions is primary among other notarial acts; certification of transactions on the alienation of real estate with the proposal of their mandatory notarization require a special approach and research; the paper also focuses on the need for electronic notaries in certifying transactions, as well as the digital transactions.

Ключевые слова: нотариат, удостоверение сделок, сделки с недвижимостью, электронная сделка, гражданский процесс, Основы законодательства о нотариате, Гражданский кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ.

Keywords: notary public, certification of transactions, real estate transactions, electronic transaction, civil procedure, Fundamentals of legislation on notaries, Civil Code of the Russian Federation, The Code of Civil Procedure of the Russian Federation.

Нотариат занимает ведущее место в жизнедеятельности общества, активно включаясь во все его сферы. Проблематика нотариата весьма активно исследуется, так как нотариальная деятельность играет большую роль в развитии общества государства и права.

Нотариат — это комплексный институт, понятию и значению которого уделяется достаточное внимание в юридической науке. Можно назвать таких ученых, как А. М. Денисова [1], В. В. Ралько, Н. В. Репин, А. В. Дударев и др. [2]. Целью данной статьи является изучение проблематики нотариального удостоверения сделок, особенностей законодательства, судебной и нотариальной практики, внесение рекомендаций по совершенствованию данного института.

Согласно Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (ст. 35) [3], этот институт в лице нотариусов совершает 32 нотариальных действия (дан их примерный перечень). Речь идет о предметной компетенции нотариата, которая представляет совокупность нотариальных действий, предусмотренных законом. Среди них значимое место отводится удостоверению сделок, на которое приходится более 50 %. Данный институт активно исследуется в гражданском праве и гражданском процессе [4, с. 314]. Тем не менее проблематика сделок как института нотариата заслуживает отдельного внимания в связи с тем, что в судебном порядке в исковом и особом производстве сделки подлежат обжалованию или отмене.

Сделки как институт гражданского права, регулируемый Гражданским кодексом Российской Федерации (гл. 9) [5], исследуются в науке гражданского права. Согласно закону, сделки по форме заключения делятся на устные и письменные. Нас интересует письменная форма сделки, точнее нотариальная форма.

Электронные сделки — достаточно новое явление в праве, их весьма удобно и целесообразно использовать при совершении нотариальных действий. В современных условиях информатизации и цифровизации нотариат активно встраивает цифровые технологии в свою работу. Речь идет об электронном нотариате, для которого характерно широкое использование электронной цифровой подписи [6]. Кроме того, в Российской Федерации сегодня наметился тренд к предоставлению государственных услуг в электронном виде, и нотариусы могут получить возможность предоставлять ряд услуг через Интернет. И как результат работы можно увидеть существенное увеличение скорости гражданского оборота, повышение комфорта для заявителей при совершении нотариальных действий. Следует особо отметить, что в отношении завещания правила электронной сделки не действуют, что является весьма объяснимым и направлено на защиту граждан от угрозы заключения неправомерных сделок.

Сделки, требующие обязательного нотариального удостоверения, предусмотрены нормами гражданского и семейного законодательства. Например, согласно Семейному кодексу РФ [7], требуют обязательного удостоверения следующие виды сделок: брачный договор, соглашение об уплате алиментов, согласие супруга на отчуждение недвижимости, согласие родителей на усыновление ребенка и некоторые другие. Нор-

мами Гражданского кодекса также установлены виды сделок, требующих обязательного нотариального удостоверения: договор залога, договор ренты, некоторые виды доверенностей, договор уступки требования, договор перевода долга, соглашение об изменении и расторжении нотариально удостоверенного договора, предварительный договор (если основной договор в последующем будет заключаться в нотариальной форме), завещание и др.

Наиболее распространенными видами сделок в гражданском обороте выступают завещания и доверенности. Их заключение детально урегулировано в гражданском законодательстве. Важно обеспечить законность сделки, чтобы в дальнейшем не прибегать к судебным процедурам восстановления нарушенных прав. Это возможно в исковом, приказном и особом судопроизводстве.

В случае, если между физическим и (или) юридическим лицом была заключена сделка, совершенная в нотариальной форме, и в дальнейшем достигнуто соглашение между должником и кредитором об уступке требования, форма такой уступки права подлежит обязательному нотариальному удостоверению.

Со 2 июня 2016 г. нотариальному удостоверению подлежат сделки по отчуждению одной или нескольких долей в праве общей собственности на объект недвижимости, независимо от того, происходят ли сделки внутри круга участников общей собственности или доли отчуждаются третьим лицам. Данное положение предусмотрено ст. 24 федерального закона от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [8].

К таким сделкам относятся сделки по продаже, дарению, мене долей в праве общей собственности на объекты недвижимости.

Одна из актуальных проблем в гражданском праве, нотариате, гражданском процессе — *сделки с недвижимостью*. Этому вопросу уделялось пристальное внимание на протяжении многих лет не только в российской, но и в зарубежной науке. Подход к форме сделке менялся медленно. В настоящее время законодательством РФ предусмотрена простая письменная форма сделки, что вызывает ряд вопросов. Безусловно, сделка удостоверенная нотариусом, надежнее, потому что нотариус обеспечивает юридическую чистоту. При этом анализ зарубежного опыта показывает, что более чем в 80 % европейских государств предусмотрено обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью. Среди лидеров — Германия и Франция.

Вернемся к российской практике нотариального удостоверения сделок. Нотариус использует сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости (ст. 41.1. Основ законодательства о нотариате). Помимо этого нотариусу, удостоверившему договор или сделку, объектом которой является недвижимое имущество, предоставлено право законного представительства в федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном Правительством Российской Федерации на осуществление государственного кадастрового учета, государственной регистрации прав и его территориальных органах или подведомственных ему государственных бюджетных учреждениях.

Правовое регулирование сделок с недвижимостью предусмотрено в настоящее время Постановлением Правительства РФ от 01.06.2009 г. № 457 «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» [9], а также указом Президента РФ от 25.12.2008 г. № 1847 «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» [10].

Одной из проблем нотариального удостоверения сделок с недвижимостью является достаточно длительный срок подготовки нотариального договора и проверки всех значимых обстоятельств для ее заключения (14 дней). Этот срок целесообразно сократить, внося изменения в ст. 53 Основ законодательства о нотариате.

Следует также оговорить *общие правила нотариального удостоверения сделок*. При нотариальном удостоверении сделок применяются определенные правила. К ним относятся время, место, сроки совершения нотариальных действий. Например, место совершения сделки отчуждения недвижимости предусмотрено в ст. 56 Основ и является исключением из общих правил, предусмотренных ст. 40 Основ. Речь идет о территориальной компетенции нотариусов, иными словами — их исключительной компетенции. К общим правилам совершения нотариальных действий относится также проверка правоспособности юридических лиц и установление дееспособности граждан, что особенно важно при совершении сделок. В условиях единой информационной системы нотариата правила удостоверения сделок намного облегчаются.

При удостоверении сделки нотариус совершает удостоверительную надпись по определенной форме [11]. Такая надпись служит подтверждением выполнения нотариусом своих обязанностей, предусмотренных Основами законодательства Российской Федерации о нотариате. Удостоверительная надпись нотариуса служит подтверждением законности заключаемой сделки и наличия прав у сторон на ее совершение. Таким образом, нотариус как публичное и квалифицированное лицо обеспечивает стабильность заключаемой сделки, возможность ее дальнейшего исполнения.

Поскольку нотариально удостоверенная сделка носит публичный характер, заинтересованной стороне облегчается доказывание своего права, так как содержание сделки, время / место ее совершения и ряд иных значимых обстоятельств официально удостоверяются уполномоченным на то лицом — нотариусом. В современных реалиях развития общества все чаще стали заключаться сделки в сфере предпринимательской деятельности, что говорит о переосмыслении нотариата как органа, связанного с защитой и охраной прав граждан.

Важно обсудить также *вопросы взаимодействия при нотариальном удостоверении сделок*. По вопросу о соотношении судебной и нотариальной формы автор настоящей статьи писала ранее [12, с. 12]. Следует обратить внимание на то, что при нотариальном удостоверении сделок нотариат напрямую связан с судебной деятельностью. В научной литературе иногда высказывается мнение о судебном контроле как об ос-

новой форме контроля [13, с. 29]. Большой процент гражданских дел приходится на изучение нотариальных действий в исковом, приказном и особом производстве. В исковом производстве рассматриваются спорные дела о признании сделок недействительными по различным основаниям. Чаще всего в судебной практике встречаются дела о признании недействительными завещаний, брачных договоров и т.д. В последнее время участились случаи обращения граждан с исковыми заявлениями о признании недействительными договоров отчуждения недвижимости. Все это говорит о необходимости законодательного закрепления правил обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью. Примером тому служит предыдущий Гражданский кодекс РФ, о том же свидетельствует широкая зарубежная практика. Такое закрепление обеспечит повышение правовой защищенности участников сделки, тем не менее мнения по этой проблеме неоднозначны, законодатель в настоящее время сохраняет простую письменную форму сделки.

17

В приказном производстве рассматриваются заявления по требованиям, основанным на нотариальной форме сделки (ст. 122 ГПК РФ). Речь идет о бесспорности, скорости и целесообразности рассмотрения данных заявлений. Одно из немаловажных преимуществ такого вида судопроизводства — отсутствие стадии судебного разбирательства. Следовательно, для обеспечения скорости и эффективности защиты гражданских прав нотариальная сделка выступает определенной гарантией.

В особом производстве рассматриваются заявления физических и юридических лиц, связанные с отказом в совершении нотариального действия, в том числе и по удостоверению сделок (например, ст. 310—312 ГПК РФ) [14]. Особое производство — это бесспорное одностороннее производство, нотариус не является стороной процесса, его явка не является обязательной в суде. В связи с этим отдельными авторами обосновано мнение о необходимости рассмотрения жалоб на действия нотариуса или отказ в их совершении не в особом, а в административном порядке, в соответствии с нормами КАС РФ [15]. Это объясняется тем, что нотариус наделен властными полномочиями и является представителем государственной власти, а рассматриваемой категории дел присущи черты производства, вытекающего из публичных правоотношений [4, с. 294].

Одной из актуальных проблем цифровизации является взаимодействие суда и нотариата по вопросам обеспечения доказательств, что особо важно относительно сделок. Электронное взаимодействие нотариата и суда активно используется в доказательственной деятельности в целях обеспечения доказательств, которые на момент судебного рассмотрения могут утратить свое первоначальное значение (ст. 102—103 Основ законодательства РФ о нотариате, ст. 64—66 ГПК РФ).

В настоящее время проводится реформирование законодательства, осуществляется судебная реформа, происходит так называемая процес-

суальная революция, связанная с созданием новых видов судов [16]. Нотариат активно встраивается в данную систему. Эти перемены должны способствовать более эффективному судебному разбирательству дел, связанных с нотариальной деятельностью.

Подчеркнем также, что нотариальное удостоверение сделок в России коренным образом отличается от стран англосаксонской системы, где большую роль играют судебный прецедент и судебные доказательства. Иными словами, отсутствует институт нотариального удостоверения сделок. Это весьма интересно, так как законодательство англосаксонской модели весьма стабильно. Нотариальные документы здесь не имеют значимой силы, основное внимание уделяется свидетельским показаниям как средству доказывания. Например, нотариусы США вообще не участвуют в оформлении сделок с недвижимостью. В Англии функции нотариуса и адвоката при оформлении сделок смешиваются. Следовательно, латинский и англосаксонский нотариат сильно отличаются, тем не менее опыт нотариата англосаксонской модели весьма привлекателен.

Выводы

1. Нотариальное удостоверение сделок занимает ведущее место среди других нотариальных действий и является самым распространенным и востребованным в нотариальном обороте.

2. Перечень сделок, требующих обязательного нотариального удостоверения, четко определен в законодательстве, тем не менее любая сделка по желанию сторон может быть нотариально удостоверена (так называемая факультативная нотариальная сделка).

3. Особого исследования требует проблема удостоверения сделок по отчуждению объектов недвижимого имущества. В целях обеспечения гарантированности прав участников сделки, по моему мнению, следует на законодательном уровне закрепить правило об обязательном нотариальном удостоверении данного вида сделок. Данная проблема является дискуссионной на протяжении многих лет, тем не менее законодателем она пока не воспринята.

4. Проблема электронного нотариата и электронных сделок. По моему мнению, *электронный нотариат* — это совокупность нотариальных действий (компетенция нотариусов), которые совершаются с использованием современных информационных технологий. Это понятие применимо и к нотариальному удостоверению сделок. Данная проблема заслуживает особого внимания исследователей.

5. Широкое использование электронной цифровой подписи предоставляет возможность нотариату гарантировать безопасность сделки, ускорить процесс совершения нотариальных действий и дать определенные гарантии обратившимся лицам.

6. В латинском нотариате, к традиции которого относится и Российская Федерация, необходимо обращать большее внимание на изучение опыта нотариата англосаксонской модели.

Предложения

1. Внести изменения в ст. 35 и 53 Основ законодательства о нотариате, дополнив их перечнем сделок, подлежащих обязательному нотариальному удостоверению. Данные сделки должны быть систематизированы в основном законе о нотариате, а не в разрозненных нормах материального права (в других федеральных законах).

2. Внести изменения в Гражданский кодекс РФ, закрепив обязательное нотариальное удостоверение сделок по отчуждению недвижимого имущества. Данные изменения законодательства не являются новыми, так как предыдущий ГК РФ предусматривал эту норму. При этом рекомендуется использовать опыт европейских государств (Германия, Франция и др.).

3. В целях более эффективного рассмотрения гражданских дел в особом производстве, связанных с обжалованием нотариальных действий, целесообразно срок на обжалование действий нотариуса увеличить до одного месяца, как это предусмотрено при подаче апелляционной жалобы. Исходя из этого внести в ч. 2 ст. 310 ГПК РФ соответствующие изменения: «Заявление подается в суд в течение месяца со дня, когда заявителю стало известно о совершенном нотариальном действии или об отказе в совершении нотариального действия».

4. В нотариальной деятельности при удостоверении сделок следует активно применять положения электронного нотариата. К настоящему времени принят закон о введении онлайн-нотариата в РФ (Федеральный закон от 27.12.2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации»), открывший новый этап в реформировании нотариальной деятельности.

5. Положения, закрепленные в проекте закона «О цифровом нотариате», должны соответствовать основному закону о нотариате, чтобы возникающие разночтения не требовали внесения новых изменений в законодательство, как зачастую происходит на практике.

Все эти меры должны способствовать защите интересов физических и юридических лиц при совершении различных нотариальных действий, включая нотариальное удостоверение сделок.

Список литературы

1. Денисова А. М. Правовые проблемы российского нотариата на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургской Юридической академии. 2015. № 1 (26). С. 51 – 54.

2. Нотариат : учебник / В. В. Ралько, Н. В. Репин, А. В. Дударев, В. А. Фомин. М., 2016.

3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ от 11.02.1993 г. № 4462-1) (ред. от 27.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации / под ред. Е. А. Борисовой [и др.]. М., 2016.

5. *Гражданский кодекс Российской Федерации* (ч. 1) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ (далее — СЗ РФ). 05.12.1994. №32. Ст. 3301.

6. *Об электронной подписи*: федер. закон от 06.04.2011 г. №63-ФЗ (ред. от 23.06.2016 №220-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *Семейный кодекс Российской Федерации*: федер. закон от 29.12.1995 г. №223 (ред. от 02.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. *О государственной регистрации недвижимости*: федер. закон от 13.07.2015 г. №218-ФЗ (ред. от 02.08.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. *О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии*: постановление Правительства РФ от 01.06.2009 г. №457 (в ред. от 08.05.2019) // СЗ РФ. 22.06.2009. №25. Ст. 3052.

10. *О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии*: указ Президента РФ от 25.12.2008 г. №1847. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.08.2019).

11. *Об утверждении форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах и порядка их оформления*: приказ Минюста России от 27.12.2016 г. №313 (ред. от 05.07.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Ярошенко Т. В. К вопросу о соотношении судебной и нотариальной формы защиты и охраны гражданских прав // *Нотариус*. 2019. №2. С. 11 — 13.

13. Бобров И. В., Руденко А. С. К вопросу о сущности нотариата, судебных разбирательствах по заявлениям о совершенных нотариальных действиях, либо об отказе в их совершении // *Территория права*: сб. науч. ст. Курск, 2015. Вып. 2. С. 27 — 35.

14. *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации* от 14.11.2002 г. №138-ФЗ (ред. от 02.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. *Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации* от 08.03.2015 г. №21-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 09.03.2015. №10. Ст. 1391.

16. Вараксин М. Новые суды и «процессуальная революция»: как прошла судебная реформа. URL: <https://pravo.ru/story/207857/?cl=AV> (дата обращения: 01.02.2020).

Об авторе

Татьяна Владимировна Ярошенко — канд. юр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: t.yaroshenko2011@yandex.ru

The author

Dr Tatiana V. Yaroshenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: t.yaroshenko2011@yandex.ru

УДК 338.436.33

Н. В. Гонтарь, В. В. Горочная

КЛАСТЕРЫ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ АПК В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

21

Проблематика регионального развития предполагает исследование драйверов роста с учетом конкурентной, инновационной и открытой среды. В данных условиях в качестве таковых рассматриваются кластерные формы интеграции как центры экономического и инновационного регионального развития. В статье исследуется специализированный АПК, складывающийся на межрегиональном уровне на побережье Азовского и Черного морей – в Краснодарском крае и Ростовской области. Цель работы – анализ структуры акторов, предпосылок и траектории процесса кластерогенеза, факторов его акселерации и торможения. Гипотезой исследования стал тезис о сравнительной эффективности кластерных форм для развития АПК двух исследуемых регионов в условиях глобальной конкуренции. Основываясь на методологических подходах классических исследований по кластерной проблематике и эмпирическом материале как общероссийской и региональной статистики, так и данных компаний реального сектора, действующих в исследуемых регионах, авторы сформировали бикомпонентную модель кластерного развития АПК (включая «достройку» базовых сфер АПК и собственно кластерные форматы развития). Установлено, что сегодня инновационные векторы развития комплекса часто соотносятся с крупными аэрохолдингами, которые также выступают заказчиками НИОКР в отрасли. Выявлено отсутствие (несмотря на наличие формальных стратегий регионального и кластерного развития) консенсуса относительно взаимодействия в отрасли и стратегии ее развития. Установлено наличие рисков для кластерного компонента развития в сфере регулирования. Обозначены актуальные векторы развития этого процесса. Полученные результаты могут использоваться при выработке механизмов региональной экономической политики в сфере кластеризации в АПК.

The issue of regional development involves the study of growth drivers in a competitive, innovative and open environment. In these conditions, cluster forms of integration are considered as centers of economic and innovative regional development. The article examines a specialized agro-industrial complex that is developing at the interregional level on the coast of the Azov and Black Seas – in the Krasnodar Territory and the Rostov Region. The aim of the work is to analyze the actors, prerequisites and trajectory of the cluster-genesis process, factors of its acceleration and inhibition. The study focuses on the comparative efficiency of cluster forms for the development of the agro-industrial complex in the two regions in the global competition context. Given

the methodological approaches to classical cluster studies, empirical material of both all-Russian and regional statistics, and data from real sector companies operating in the regions under study, the authors formed a bi-component model of cluster development for the agro-industrial complex (including the "completion" of basic spheres in the agro-industrial complex and the actual cluster development formats). Today the innovative vectors of the complex development often lay along the large agricultural holdings, which also act as customers of R&D in the industry. The lack (despite the presence of formal strategies for regional and cluster development) of consensus on interaction in the industry and its development strategy was revealed. The cluster development component runs some certain risks in regulations. The authors indicate actual vectors of the development process. The obtained results can be used in working out the mechanisms for regional economic policy in the agro-industrial clustering.

Ключевые слова: АПК, экономическое развитие, кластеры, кластеризация, Ростовская область, Краснодарский край, инновации, глобализация, конкурентоспособность, самоорганизация.

Keywords: agricultural sector, economic development, clusters, clustering, Rostov region, Krasnodar region, innovations, globalization, competitiveness, self-organization.

Введение

Современное глобальное позиционирование экономики России формируется как внешними ограничениями (санкции и антисанкции в отношениях со странами Запада), так и рядом внутренних факторов (структурный кризис, сырьевая модель, пространственные диспропорции развития), существенно замедляющих темпы экономического роста. Актуальной в этой связи остается проблематика драйверов экономического роста, способных придать новое качество развитию экономики РФ. В особой мере поиск таких инструментов актуален для регионов западного порубежья России [1] — особого макрорегиона концентрации диверсифицированного экономического потенциала и одновременно — ареала плотного торгово-экономического взаимодействия России с ее важными торговыми партнерами (ЕС, Турция, страны Северной Африки и Ближнего Востока). На Юге России реализация геоэкономической и геостратегической миссии РФ в рамках данного ареала принадлежит наиболее развитым экономикам Краснодарского края и Ростовской области.

Ключевым фактором позиционирования регионов в условиях глобальной открытости и конкуренции выступает инновационный вектор развития, как правило, увязываемый с кластеризацией в технологически сложных отраслях. Однако для Юга России доминирующей специализацией было и остается сельское хозяйство и переработка, в связи с чем в настоящей статье остановимся на факторах, проблемах и подходах к выстраиванию кластерного формата развития базового для макрорегиона сектора экономики — АПК.

Сегодня АПК является сферой применения таких технологий, как «умная ферма», GPS, точное земледелие, дистанционное картографирование

и анализ почвогрунтов, удаленное пилотирование техники, селекционные технологии, роботизация в уходе за животными, информатизация бизнес-процессов¹.

В исследуемых регионах имеет значение также масштаб производства: при доле в территории РФ в 1 % и в населении 6,9 % они производят 12,1 % продукции сельского хозяйства (16,8 % продукции растениеводства и 7,3 % — животноводства)². Кроме того, они располагают максимально благоприятными условиями наращивания производства в контексте задач обеспечения России отечественной агропродукцией. Такая задача крайне актуальна в силу того, что сегодня до $\frac{2}{3}$ потребляемых в РФ овощей импортируется; с учетом нормы потребления в РФ необходимо производство дополнительно 20 млн т молока (сегодня при потреблении 40 млн т молока перерабатывается около 17 млн т, а еще около 8—9 млн т импортируется [2]); импортными остается 90 % ягод, значительная часть виноградного сырья, 60 % яблок.

Вместе с тем конкретные пространственные факторы и условия развития АПК и его кластеризации требуют детального анализа с выявлением проблем и приоритетов акселерации данного процесса.

Теория вопроса

Современные исследования кластеризации в АПК доказывают значимость данного формата развития отрасли, в том числе посредством производства новой добавленной стоимости [3; 4]. Особое место в литературе занимает анализ кластеризации АПК как инструмента развития не только отрасли, но и специализированных регионов [5; 6]. Собственно отрасль АПК как основа пространственной структуры рассматривается и в качестве ключевого актора кластерной трансформации экономики [7], в том числе в силу того, что кластеризация, формируемая в АПК, затрагивает ряд смежных сфер, наиболее часто упоминаемой из которых является туризм (сельский, аграрный, винный) [8; 9].

Значительное внимание в анализе проблематики кластеризации АПК уделяется сопутствующим условиям данного процесса. Так, согласно современным представлениям, значимостью наряду с развитием системы образования и науки, институтов и инфраструктур кластеризации обладают следующие факторы: квалифицированный консалтинг в области кластерных инициатив [10], формирование посреднической деятельности при интеграции разнородных акторов кластера [11], развитие менеджмента знаний как условие инноватики в агрокластере [12], а также защита интеллектуальной собственности ввиду знаниеемости возникающего кластера [13]. Следует подчеркнуть, что не только региональное, но и глобальное измерение кластерных стратегий рассматривается как условие конкурентоспособности [14].

¹ Коровина А. Коровы с GPS, big data для троечников и хмелевой хлеб: как в России приходят к успеху. URL: <https://knife.media/leaders-social/> (дата обращения: 30.03.2019).

² Регионы России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.12.2019).

В российской управленческой практике кластеризация стала одной из концепций Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ №2227-р от 08.12.2011 г.). В 2012 г. Правительство РФ определило для поддержки 25 кластеров федерального уровня, к которым позже добавились еще два. На втором этапе выявления кластеров российского уровня поддержаны 11 суперкластеров. В то же время целый ряд кластеров формируется в регионах России на основе самоорганизующихся процессов без федеральной поддержки, обнаруживает конкурентоспособность и способствует наращиванию регионального экспорта. Этот опыт нуждается в изучении. Преимущества кластеризации для стратегических перспектив отрасли обуславливают актуальность анализа данной проблематики применительно к регионам, где данная сфера развита в максимальной мере, располагая в том числе предпосылками кластеризации.

Методы и данные

Анализ процессов кластеризации предполагает опору на данные как о региональном развитии (в частности, Ростовской области и Краснодарского края)³, так и о развитии сельского хозяйства, сферы АПК, в целом о процессах кластеризации в регионах и в отрасли. Анализ опирается на сравнительную статистику (данные Госкомстата РФ)⁴, региональную статистику [27; 28]; материалы Сельскохозяйственной переписи РФ (2016)⁵, оперативную статистику министерств сельского хозяйства и органов статистического учета исследуемых регионов.

В масштабах РФ и регионов Юга России учитывались позиции крупного аграрного бизнеса (в рейтингах РА «Эксперт») [15], включая параметры динамики крупнейших бизнесов отрасли. Кроме того, исследование учитывало мнения экспертного сообщества [16]. Ключевыми методами стали сравнительный структурный анализ параметров пространственного и отраслевого развития регионов, а также институциональный анализ отраслевого и формирующегося кластерного развития АПК обоих регионов, в том числе с учетом норм государственного регулирования⁶.

³ Регионы России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 30.03.2019).

⁴ Там же.

⁵ Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/vsxp2014/vsxp2016.html (дата обращения: 30.03.2019).

⁶ Об утверждении стратегий развития приоритетных территориальных кластеров Ростовской области на 2016—2020 годы : постановление от 18.02.2016 г. №104 (в ред. постановления Правительства Ростовской области от 13.10.2016 г. №6960) ; Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года : приложение к Закону Краснодарского края «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года».

Факторы кластеризации в АПК Ростовской области и Краснодарского края

Рассматриваемые регионы располагают ключевыми преимуществами, обуславливающими как их общероссийскую специализацию в АПК, так и потенциал кластеризации в отрасли. К таким преимуществам можно отнести:

- естественно-географические условия (почвенные, климатические, водообеспеченность);
- уровень развития отраслей, позиции компаний на рынках, наличие кадров, производителей сопутствующих товаров и услуг, профильные вузы и научно-исследовательские институты;
- территориальное соседство (с учетом масштаба АПК) компаний кластера, а также наличие компаний, заинтересованных во взаимодействии и координации.

В АПК рассматриваемых регионов имеется отраслевое ядро в виде моно- или многопрофильных производителей, которые часто представляют собой вертикально интегрированные комплексы «от поля до прилавка» с транспортными, сбытовыми, экспортными, управленческими подразделениями; здесь представлены отраслевые научные организации, компании ИТ, кадровые агентства, университеты, компании региональной инновационной и кластерной инфраструктуры, селекционные подразделения и питомники, производители агрохимии, удобрений, техники. В целом эти условия формируют значимый уровень развития АПК и доли регионов в производстве продуктов комплекса в РФ (табл.).

**Динамика объема и доли в РФ Ростовской области и Краснодарского края
по производству продукции сельского хозяйства в 2010 – 2017 гг.
(в хозяйствах всех категорий; в фактически действовавших ценах, млн руб)**

Территория	Продукция сельского хозяйства в 2010 г.	2017		
		Продукция сельского хозяйства	в том числе	
			растениевод- ства	животновод- ства
Ростовская область и Краснодарский край, всего	316 797	618 963	437 313,3	181 649,7
Доля в РФ, %	12,1	12,1	16,8	7,2

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 30.03.2019).

Согласно сельскохозяйственной переписи 2016 г.⁷, на два лидирующих аграрных региона Юга приходилось свыше 10 % всех посевных

⁷ Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/vsxp2014/vsxp2016.html (дата обращения: 30.03.2019).

площадей России, в том числе под зерновыми и зернобобовыми — 12 %, техническими культурами — 12,8 %, овощными и бахчевыми — 13 %, площади теплиц и парников — 8 %.

Сельское хозяйство к 2018 г. обеспечивало 247 тыс. рабочих мест в Краснодарском крае и 233 тыс. в Ростовской области (9,5 % и 11,9 % занятости соответственно при показателе 7,1 % в РФ). Доля сельского хозяйства в ВРП — 14,2 % в Ростовской области и 13,4 % в Краснодарском крае к 2017 г.

Локализованные на Дону и Кубани компании «Тандер», «Агрокомплекс» и ОАО «Ростсельмаш» входят в список 199 системообразующих организаций, согласно данным Министерства экономического развития РФ. В регионах сосредоточено 15 компаний (в том числе 5 — в Ростовской области) из списка крупнейших 400 бизнесов РФ, согласно РА «Эксперт» [15]. Из них три компании представляют аграрную сферу (АСТОН, Агрокомплекс им. Н.И. Ткачева, МЭЗ Юг Руси), Ростсельмаш — крупнейший поставщик сельхозтехники, а Новороссийский морской торговый порт — «ворота» для экспорта агропродукции РФ. Из 250 компаний крупного бизнеса ЮФО 13 представляют исключительно сектор АПК.

Регионы являются лидерами по производству базовых для РФ видов сельскохозяйственного сырья. В рекордном по урожайности 2017 г. валовый сбор зерновых (прежде всего — пшеницы) достиг 14,1 млн т в Краснодарском крае и 13,5 млн т в Ростовской области. Сахарной свеклы на Кубани было собрано 10 млн т при 0,8 млн т на Дону. Оба региона также специализируются на сборе подсолнечника и овощей.

Регионы сосредотачивают значительное поголовье скота (свыше 1,1 млн голов КРС, 1 млн. голов свиней, свыше 1,5 млн голов овец и коз, до 49 млн голов птицы), производя существенные объемы мясомолочной продукции (0,37 млн т мяса скота и птицы в крае и 0,27 млн т — в области; 1,38 млн т молока в крае и 1,1 млн т в области в 2017 г.).

Востребованность АПК Юга подтверждается и со стороны спроса. Таковой предьявляет, прежде всего, население самих регионов, составляющее 9,8 млн чел. (в целом в Южном и Северокавказском федеральных округах проживает 26,3 млн чел.). Краснодарский край также привлекает около 17 млн туристов в летний сезон и до 1,5 млн — в зимний. В общероссийском масштабе Краснодарский край является ключевым поставщиком сахара, растительного масла и круп, Ростовская область — растительного масла и мясной продукции.

Оба региона формируют и существенную долю аграрного экспорта РФ, который в 2018 г. достиг 25,8 млрд дол. (рост более чем на 20 % к 2017 г.). В 2017 г. в сумме оба региона обеспечивали 7,8 % экспорта и 9 % импорта РФ. Ключевыми инфраструктурами внешней торговли выступают морские порты Черного и Азовского моря (в том числе контейнерные и зерновые терминалы в Новороссийске, Туапсе, Тамани, портах Азова, Ростова, «Кавказ», «Темрюк»). Грузооборот морских портов Азово-Черноморского бассейна составил в 2018 г. 272,2 млн т ($\frac{1}{3}$ от грузооборота российских портов), в том числе Новороссийска — 154,9 млн т⁸.

⁸ Грузооборот морских портов России за январь-декабрь 2018 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/vsxp2014/vsxp2016.html (дата обращения: 30.03.2019).

Структурной особенностью АПК регионов является значимая роль вертикально организованных агрохолдингов («Агрокомплекс», «Степь», «Юг Руси», «Покровский» и др.). Их особенность — многопрофильность (так, «Агроконцерн Каневской» экспортирует сельхозпродукцию и возводит логистический центр для хранения и переработки овощей; производитель риса АФГ «Националь» сформировал стратегию резкого наращивания производства яблок в ближайшие 5 лет с параллельным двукратным ростом мощностей фруктохранилищ (до 10 тыс. т).

Вертикализация позволяет эффективно решать проблемы развития. Так, винодельческая компания «Юбилейная» планирует формирование сети сбыта в городах-миллионниках, поскольку ритейлеры часто не могут полно представлять широкий ассортимент компании, а развитие собственного питомника призвано заместить покупки посадочного материала у итальянских поставщиков, вдвое удешевив посадки.

В целом вертикальная интеграция становится ресурсом оптимизации бизнес-процессов, инструментом самообеспечения агроцикла и концентрации ресурсов для экспансии на рынках.

В ряде секторов вместе с тем имеет место спектр сравнительно равнозначных «игроков», включая небольших производителей. Так, согласно данным администрации Краснодарского края, в регионе виноград выращивают свыше 40 предприятий, производят винодельческую продукцию — 44, имеется 26 производителей полного цикла (ЗАО «Абрау-Дюрсо», ОАО АПФ «Фанагория», ОАО «Аврора» и др.).

Отдельные значимые для АПК активы регионов включаются в интегрированные структуры федерального уровня. Так, ПАО «Новороссийский комбинат хлебопродуктов» (НКХП) фактически находится в стадии перехода в собственность группы ВТБ, так что речь может идти о построении единой цепочки для зерновых экспортных потоков: скупка, хранение, транспортировка и перевалка. Группа ВЭБ стала собственником ранее крупного производителя мяса индейки и утки «Евродон», управляя сегодня более чем 5 тыс. рабочих мест в Ростовской области.

Важно отметить, что вертикально интегрированные компании АПК регионов фактически выступают инструментом межрегиональной интеграции, что позволяет рассматривать область и край как единый пространственно-отраслевой комплекс [17]. Так, ростовский холдинг «Степь» имеет 4 молочно-товарные фермы с объемом производства 40 тыс. т молока в год в дополнение к ростовским площадкам в Краснодарском крае; краснодарская фирма «Агрокомплекс» в свою очередь имеет подразделения на Дону; «Агроконцерн Каневской» (25 хозяйств в 13 районах Краснодарского края), несмотря на краснодарскую «прописку», входит в аграрный бизнес ростовского многопрофильного концерна «Покровский» (как и Агروفирма «Должанская»).

Формы и перспективы кластеризации АПК Ростовской области и Краснодарского края

В целом анализ трендов кластеризации в исследуемых регионах можно структурировать на две составляющие:

- анализ процессов доформирования подотраслей АПК как предварительное условие кластеризации;

- анализ собственно кластерных процессов как аттрактора интеграционных трендов в отрасли.

Оба элемента развития можно рассматривать как этапные, однако взаимосвязанные процессы (рис.).

Рис. Взаимоувязанные компоненты кластерного развития АПК

Говоря о первом аспекте (отраслевой «достройке» АПК), отметим, что речь идет прежде всего об инвестиционном процессе. В 2017 г. суммарные инвестиции в сельское хозяйство (базовая отрасль АПК) составили (без учета МП) в Краснодарском крае 28,1 млрд руб., в Ростовской области — 9,9 млрд руб., что вместе составило 8,6 % от суммы инвестиций в агросферу РФ. Однако исследование южного растениеводства, проведенное Аналитическим центром «Эксперт Юг», показало, что большая часть хозяйств не планирует инвестиций в развитие: 48 % респондентов говорят о рентабельности в 0—10 %; усилия отрасли концентрируются скорее на том, что даст быстрый результат, — повышении урожайности [16].

Отражением проблем инвестирования в сельхозпредприятиях является их недооснащенность техникой, износ которой достигает 70 %

[18]. Не менее важной проблемой является кадровое обеспечение (часто удаленные от крупных городов сельхозпредприятия испытывают дефицит кадров). Так, комплекс теплиц в Тарасовском районе Ростовской области («Донская усадьба») столкнулся с кадровым дефицитом практически на всех уровнях, что побудило компанию взаимодействовать с биржей труда, Донским аграрным университетом и Миллеровским техникумом агропромышленных технологий и управления, где реализуется курс «Технология выращивания овощных культур в защищенном грунте» по профессии «Овощевод защищенного грунта» [19].

Крупное АО «Фирма "Агрокомплекс"» также отмечает дефицит механизаторских кадров, несоответствие квалификации действующих специалистов сложности техники. Кадровый дефицит по отдельным предприятиям достигает 10–15 % [20]. Отмечается и отсутствие технологов, которые могли бы работать с высокопродуктивным поголовьем с использованием компьютеров; нет кадров, способных квалифицированно управлять технологическими линиями, оборудованием доения и комбикормового производства.

В то же время оба региона располагают развитой базой образовательных и исследовательских учреждений в сфере АПК. Здесь действуют Донской государственный аграрный университет, Кубанский государственный аграрный университет, опорный вуз — Донской государственный технический университет с пулом базовых кафедр и специальностями, ориентированными на аграрный сектор, имеются специализированные образовательные и научно-исследовательские учреждения (две кафедры в вузах, два НИИ) виноградно-винодельческого подкомплекса. Однако не все специализации, практикуемые АПК регионов, поддерживаются образовательными программами (так, нет программ подготовки специалистов по работе на защищенном грунте).

Потенциал инновационного обеспечения АПК регионов также достаточно велик. Так, из 60 научных организаций Краснодарского края 25 имеют компетенции в АПК, 18 обслуживают нужды растениеводства, 5 — животноводства, еще два заняты инноватикой в области создания техники для сельского хозяйства.

Отсутствие полного спектра образовательных программ и кадров ограничивает вместе с тем потенциал научного обеспечения, в частности селекционной работы, тогда как практически все подотрасли агросферы обоих регионов критически зависят от импорта посадочного материала (для сахарной свеклы — на 98 %, кукурузы — на 70 %). Отвечая на данную проблему, агрофирма «Южная», открыла питомник саженцев, способный на 70 % обеспечить потребности Краснодарского края в виноградных саженцах [21]. Инвестиции в проект достигли 0,5 млрд руб. Площадь плодоносящих виноградников предприятия составляет около 8 тыс. га, в течение ближайших лет она вырастет до 12 тыс. га.

Для животноводства, в свою очередь, актуально развитие центров по получению эмбрионов. Элементом достройки инфраструктуры селекции выступает здесь создание современного селекционного центра для воспроизводства, например свиней, других видов скота. В животноводстве сказываются и такие проблемы, как дефицит кормового обеспе-

чения, недостаточная интеграция животноводства и растениеводства, которые составляют единый цикл (что является причиной недовнесения органических удобрений). Направлением необходимой перспективной «достройки» комплекса выступают также мощности хранения и логистика.

Говоря о доформировании условий развития, следует отметить и фактор внешней среды. Это, например, инфраструктурные отрасли (так, в тепличном производстве развитие сдерживают несколько факторов, один из которых — нестабильные отношения с ресурсоснабжающими организациями, в том числе изменение условий предоставления ресурсов, что разрушает экономику реализуемых проектов [19]). Также существенна потребность в наращивании поставок комплектующих. Здесь примерами кооперации тепличных хозяйств с местными производителями является компания по производству туманообразующего оборудования теплиц «Туманко», которая действует в Таганроге (стоимость ее систем туманообразования на 40—70 % ниже аналогов из Турции и Италии). Производство отечественных субстратов обеспечивает базирующаяся в Ростовской области корпорация «Технониколь», которая вывела в 2016 г. на рынок российские субстраты SPELAND. Отечественные компоненты повышают качество, насыщают рынок и делают производство более рентабельным [22].

Формирование кластерных структур в АПК Краснодарского края и Ростовской области

Ключевым индикатором кластеризации в АПК, как отмечалось, выступает формирование постоянно действующих кооперационных взаимосвязей не только внутри собственно производственных подразделений, но и с отраслями, формирующими специфические признаки кластерной организации с характерной для кластерной экономики опорой на человеческий капитал, инновации и достижение конкурентоспособности на основании формирования новой добавленной стоимости. Среди сфер, обеспечивающих соответствующий вектор развития, — ИТ, сфера робототехники, цифровые технологии управления, новые технологии переработки первичного сырья, селекция и генетика, НИОКР и внедренческие практики.

Министерство сельского хозяйства РФ, учитывая данные тренды, разработало федеральную научно-техническую программу до 2025 г., предусматривающую рост объемов производства сельхозпредприятий на 25 % за счет внедрения в АПК программ цифрового земледелия, роботизации и автоматизации [23].

На Юге России инновационные технологии в сельском хозяйстве применяют 12—15 % крупных предприятий и 1—3 % фермеров. В то же время, по данным Агрофизического НИИ Петербурга, в ЕС цифровое земледелие охватывает около 80 % фермеров, в США — 60 %. При помощи роботизации, согласно компании J'son & Partners Consulting [23], эффективность бизнес-процессов в сельском хозяйстве можно повысить на 50—70 %. Использование роботизированных комплексов позволяет

контролировать расход ГСМ, потребление воды, электроэнергию, сбор урожая. При оптимизации основных рабочих процессов с помощью роботизированных систем можно повысить урожайность в 1,5–2 раза, до 80 % сократить стоимость посадки культур.

Роботы задействованы в доении и кормлении коров, анализе содержания удобрений в почве и их внесении, посеве семян, анализе здоровья посевов, их прореживании и борьбе с сорняками, уборке урожая. В России сегодня активно используются полуавтономные машины, например сельхозтехника, оснащенная механизмом автоматического разворота или подруливания. Создание беспилотного управления техникой в рамках роботизации непосредственно реализуется интеграцией IT, аграриев и машиностроителей (внедрение роботизации в процессы контроля скорости передвижения и траектории, корректирования курса движения комбайна) [23]. Создание аппаратно-программных средств управления беспилотной сельхозтехникой реализуется Ростсельмашем в сотрудничестве с холдингом «Росэлектроника» («Ростех»).

Среди освоенных технологий — мультикоптеры для наблюдения за полями, которые рисуют электронные контуры полей и ведут мониторинг техники, реализуют автоматическое вождение техники, отслеживают посевы, осуществляют дистанционное зондирование земель, дифференцируют внесение агрохимии и высев семян.

Сегодня роботы внедрены в Павловском районе Краснодарского края, где они используются для доения коров уже пять лет (во время доения производится автоматический учет надоев и анализ молока на предмет болезней скота). В 2017 г. планировалось внедрить роботов на двух сельхозпредприятиях Ростовской области. В агрохолдинге «Кубань» с 2017 г. наблюдение над полями ведется с помощью дронов и спутников, что упорядочивает агрономические данные, позволяет дозировать внесение удобрений, экономя до 50 млн руб. в год.

Более широкому внедрению роботов на российских (в том числе кубанских и донских) предприятиях препятствует сочетание высокой цены роботов и относительно низкой заработной платы работников АПК. В свою очередь слабое распространение роботов осложняет их обслуживание и ремонт.

Второе ключевое направление модернизации отрасли — автоматизация системы управления, контроля и закупок: так, агрохолдинг «Степь», автоматизировав проведение закупок, второе уменьшил время подготовки документов. Один из лидеров по производству сахара, краснодарский холдинг «Продимекс», организовал электронный «Сканархив» для упрощения работы с контролирующими органами (документооборот компании — более 1 млн документов в год), что позволило сократить трудозатраты на подготовку к проверкам вдвое.

Неотъемлемыми компонентами кластеризации современного АПК являются НИОКР. Фактором активизации здесь могут служить интересы крупного агробизнеса. Так, агрохолдинг «Кубань» — пример бизнеса, который ведет селекцию семян (создана база для селекции семян гибридов кукурузы «Ладожский»), внедряет программу эмбриотрансфера, автоматизирует учет жизнедеятельности коров и результативно

апробирует «точное земледелие». Ежегодно на научные изыскания и внедрение современных технологий холдинг направляет более 15 млн руб. [24]. При этом научная деятельность холдинга ориентирована на взаимодействие с профессиональным научным сообществом, решение проблем на основе научных подходов и непосредственно научную организацию труда. Специалисты холдинга «Кубань» с 2008 г. разработали и зарегистрировали 27 новых гибридов, с 2015 г. компания сотрудничает с лидером мировой селекции — французской «Майсадур Семанс», экспортируя семена в Анголу, Францию, Казахстан и Киргизию.

Пример формирования собственного семеноводства демонстрирует и ОАО «Донское» из Ростовской области, открыв семенной завод по производству элитных семян. ОАО «Донское» входит в число 300 наиболее крупных и эффективных сельскохозяйственных предприятий России. Оно заключило договор с краснодарским НИИ сельского хозяйства им. П. П. Лукьяненко. Получаемые элитные семена, в отличие от семян первой репродукции, дают прирост к урожаю в 3–5 %. В 2017 г. ОАО «Донское» подписало договор и с Германским семенным альянсом по выращиванию гороха. Хозяйству необходимо было ежегодно закупать почти 2100 т семян при средней стоимости элиты около 17 тыс. руб. за тонну. Это свыше 35 млн руб. расходов, которые теперь экономятся [16]. КФХ «Исток» также работает над качеством семенного фонда, являясь базовым хозяйством для зонального Северо-Кавказского НИИ, который занимается селекцией. Данные мероприятия одновременно решают задачу «достройки» цикла и выступают элементом кластерного взаимодействия.

Примером своего рода «классического» кластерообразования в регионах, в частности в виноградарско-винодельческой отрасли, стал проект «Винной деревни» под Анапой по схеме «винодельня — розлив — магазины». Здесь имеется ограниченная оборудованная территория с набором увязанных в отраслевом взаимодействии самостоятельных предприятий разного профиля; планируется создание 100 малых виноделен и сопутствующих объектов; «деревня» должна стать ядром виноградарско-винодельческого производственного кластера Краснодарского края.

Наиболее «естественным» межотраслевым взаимодействием для данной подотрасли является туризм, что демонстрирует центр винного туризма «Абрау-Дюрсо» (ок. 120 тыс. посетителей ежегодно), включающий отель «Империял», рестораны на берегу озера Абрау, школу гастрономического мастерства, гостиничного и ресторанного дела «Абрау-Дюрсо», *Abrau Deluxe Club* — коттеджный поселок класса «делюкс» у оз. Абрау. ООО «Лефкадия» формируется также не только как винодельческое предприятие, но и как курорт (используя условия местности — побережья двух морей, климат, близость заповедника, озера, источники, лечебные грязи); кроме того, ООО «Лефкадия» занялось молочным животноводством и сыроделием.

Винный туризм сегодня охватывает преимущественно хозяйства в Анапском, Крымском, Темрюкском районах, а также в окрестностях Геленджика и Новороссийска. В 2016 г. на Кубани была разработана

концепция развития сельского (аграрного) туризма до 2020 г. В 2018 г. планировался запуск новых винных маршрутов, сформированных региональной Ассоциацией агротуризма [25]. В то же время пока не реализуются кластерные векторы развития подотраслей, например в части переработки вторичных ресурсов виноделия, получения виноградного масла и дрожжевых осадков, в производстве косметических ингредиентов.

Обсуждение. Проблемы перспективной кластеризации в АПК регионов

Реализация кластерных инициатив в АПК обоих ключевых регионов Юга зависит от ряда факторов, которые сегодня оказывают сдерживающее влияние в ряде подотраслей.

Так, в рыночном поле часто весьма высокая рентабельность экспорта необработанной растительной продукции не стимулирует хозяйства к углублению переработки и кластеризации (в зерноводческих хозяйствах рентабельность может достигать 50–60 %, для пшеницы – 60–80 %, подсолнечника и сахарной свеклы – 100–120 %). Однако сразу ряд факторов указывает на неустойчивость стратегии ориентации на производство необработанного сырья: это политика экспортеров, влекущая снижение доходов производителей; флуктуации цен на рынке; погодные условия, которые на большей части Ростовской области ведут к засухам и падению урожайности и рентабельности. Новым уровнем формирования добавленной стоимости, одновременно нивелирующим риски флуктуации рентабельности сбыта сырья, является глубокая переработка сырья. Примеры такого рода – производство в Ростовской области заводом «Донбиотех» продуктов глубокой переработки зерна (с 2019 г.), а также переработка зерна кукурузы донской компанией «Амилко». Развитие глубокой переработки обеспечивает, в свою очередь, кормами и аминокислотами животноводческие комплексы регионов.

Также рыночные факторы (включая решения менеджмента) способны стать фактором торможения развития отрасли и кластерных процессов. В частности, в Ростовской области в последние несколько лет процессам перехода собственности, ограничения деятельности (в том числе ввиду долговой нагрузки) подверглись прежние лидеры агорынка РФ «Юг Руси» и лидер рынка производства индюшиного и утиного мяса «Евродон». Изменения рыночной конъюнктуры привели и к приостановке проекта создания молочного кластера в Ростовской области краснодарским «Агрокомплексом».

Фактор институциональной среды в части как процессов самоорганизации, так и государственного регулирования является иным существенным условием перспективной кластеризации. В первую очередь речь идет о профессиональных отраслевых объединениях (только в Краснодарском крае имеется более 20 отраслевых союзов и ассоциаций). Однако, согласно отраслевым опросам, у самих аграриев такие инструменты, как развитие кооперации или работа отраслевых организаций по изучению новых технологий, оказываются существенно менее востребованными по сравнению с деятельностью государства. Как

следствие, даже в рамках одной подотрасли взаимодействие часто остается несовершенным (так, участники виноградно-винодельческой подотрасли регионов отмечают отсутствие координации СРО виноделов и сомелье).

В сфере государственного регулирования отрасли следует отметить своего рода дихотомию формального и неформального регулирования. Так, формально, например в Ростовской области, утверждены стратегии развития пяти инновационных кластеров, в том числе в сфере АПК — кластеров биотехнологий, производства и переработки молочной продукции; сформирована идея винного кластера «Долина Дона». Обновленная Стратегия развития Краснодарского края до 2030 г. также сформирована с учетом кластерного подхода. Кроме того, в соответствии с Законом Краснодарского края от 04.06.2012 г. № 2501КЗ «О технопарках (агротехнопарках) Краснодарского края» и постановлениями ЗС Краснодарского края, статус технопарков присвоен 18 организациям, осуществляющим инновационную деятельность в области сельскохозяйственного производства и переработки сельхозпродукции. Принят также ряд программ стимулирования профильных отраслей (Целевая программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 — 2020 гг.» и др.).

Вместе с тем в сфере государственной политики, прежде всего федерального уровня, можно отметить ее косвенное (однако от этого не менее значимое) влияние на процессы как «достройки» отрасли, так и ее кластеризации. В первом случае риском выступает, например, неустойчивость государственной политики: так, до 2019 г. практиковались льготное кредитование и возмещение части прямых затрат, понесенных на создание и (или) модернизацию объектов АПК. За время действия программы в 2015 — 2019 гг. Минсельхоз РФ отобрал 95 инвестиционных проектов промышленных теплиц с объемом субсидий 20,1 млрд руб. (рост отечественного производства свежих овощей в 2014 — 2018 гг. достиг 1,5 раз). Но в связи с отменой Минсельхозом РФ компенсации части капитальных затрат при строительстве тепличных комбинатов с 2019 г. экономика новых проектов ухудшилась.

Отдельные регуляторные меры, вызывая нагрузку на компании, часто влекут расходы, перекладываемые на сами компании. Так, введение ветеринарных сертификатов на молочную продукцию с 1.01.2018 г. было оценено отраслью как дорогое и неэффективное. Здесь же следует упомянуть искусственное законодательное разделение, например, виноделия и виноградарства; производство вина из собственного винограда не считается сельскохозяйственным производством; виноделие курируется органом по регулированию алкогольного рынка, а виноградарство — Минсельхозом; как следствие, для получения субсидий и льгот компании вынуждены создавать новые юридические лица (ОАО АПФ «Фанагория», ЗАО «Абрау-Дюрсо», ОАО «Южная») [26].

Отметим при этом, что подлинно необходимые производителям меры, такие как борьба с фальсификатом (например, в молочной отрасли

и виноделии, составляющими элементы базовой специализации АПК рассматриваемых регионов), не обеспечиваются в должной мере контролирующими структурами и более эффективно реализуются собственными компаниями отрасли.

В части влияния на формирование нового качества производства в АПК (в частности, в сельском хозяйстве) государственное регулирование выступает ограничителем доступа производителей к зарубежным разработкам, что ограничивает, например, спектр имеющихся средств защиты растений (препараты устаревают, поскольку сроки их регистрации достигают 5 лет).

В целом, таким образом, развитие кластерного формата АПК Ростовской области и Краснодарского края имеет существенные и отчасти реализованные предпосылки, дифференцированные по подотраслям комплекса, однако характеризуется отсутствием общего видения стратегии развития подотраслей и комплекса в целом (в том числе в части использования потенциала межрегиональной интеграции), наличием сдерживающих факторов процесса в виде недоформированности основных сфер деятельности, отсутствием достаточно широкого взаимодействия потенциальных акторов кластеризации.

35

Заключение

Рассмотрение современных процессов в АПК взаимосвязанных регионов-лидеров отрасли, процессов и факторов кластерогенеза позволяет говорить об актуальности дальнейших исследований в таких направлениях, как факторы и риски кластерогенеза в АПК, роль государственного регулирования как фактора содействия и фактора риска для процессов кластерогенеза, проблематика интеграции агропредприятий разного формата в интересах повышения производительности. Дальнейшего исследования (в контексте кластерной тематики) требуют вопросы взаимодействия основного производства АПК (сельского хозяйства) и сопряженных и вспомогательных секторов и отраслей. Соответствующий анализ может быть при этом продуктивным с учетом региональной специфики комплексов, особенно в ситуации доминирования отрасли (в частности, в Ростовской области и Краснодарском крае) в общероссийском масштабе.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 19-010-01083 «Проблемы инновационной безопасности и механизмы кластерного экономического развития приграничных регионов Европейской части России».

Список литературы

1. Druzhinin A.G., Gorochnya V.V., Mikhaylov A.S. et al. Economic clusters in coastal areas of the European part of Russia: Typological invariance and specifics of localization // *Espacios*. 2017. Vol. 38, № 59. P. 5.
2. Быков А., Козлов В. Продовольственная безопасность на волоске // *Эксперт Юг*. 2017. № 4 (402). С. 12–15.

3. Dorzhieva E. V., Dugina E. L. The formation of agro-food clusters as a competitiveness growth factor // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. Vol. 5, №3S. P. 238–247.
4. Hu C., Zhang X., Reardon T., Hernandez R. Value-chain clusters and aquaculture innovation in Bangladesh. Food Policy. 2019. Vol. 83. P. 310–326. doi: 10.1016/j.foodpol.2017.07.009.
5. Betakova J., Haviernikova K., Jaskova D. et al. Potential for clustering in the agricultural sector assessment: The case of Slovakia // Economic Annals-XXI. 2018. Vol. 167, №9–10. P. 23–27. doi: 10.21003/ea.V167–05.
6. Bojar E., Bojar M., Bojar W. Cluster initiatives in eastern Poland: Good practices in agriculture and food-processing industry // Food Security and Industrial Clustering in Northeast Asia. 2015. Vol. 6. P. 227–240. doi: 10.1007/978-4-431-55282-6_17.
7. Ukiabayeva G. K., Kocherbayeva A. A., Temirbaeva G. R. et al. Cluster management technologies as the tendency for development of the agricultural industry // Journal of Environmental Management and Tourism. 2018. Vol. 9, №5. P. 895–906. doi: 10.14505/jemt.v9.5(29).01.
8. Abrham J. Clusters in tourism, agriculture and food processing within the Visegrad Group // Agricultural Economics. 2014. Vol. 60, №5. P. 208–218.
9. Yamashita T. The agriculture-food-tourism industry cluster in Japan: Case studies of tourism industry clustering in Okinawa and Aichi // A Multi-Industrial Linkages Approach to Cluster Building in East Asia: Targeting the Agriculture, Food, and Tourism Industry. Palgrave Macmillan, 2017. P. 73–90. doi: 10.1057/978-1-137-57128-1_4.
10. Cvijanovic D., Mihailovic B., Cavlin M., Cavlin G. Impact of marketing consulting on performances of agrarian clusters in Serbia // Sustainability. 2015. Vol. 7, №2. P. 1099–1115. doi: 10.3390/su7021099.
11. Ramirez M., Clarke I., Klerx L. Analysing intermediary organizations and their influence on upgrading in emerging agricultural clusters // Environment and Planning. 2018. Vol. 50, №6. P. 1314–1335. doi: 10.1177/0308518X17741316.
12. Souma T., Kminami L. Knowledge management in agricultural succession// Studies in Regional Science. 2011. Vol. 41, №4. P. 943–955. doi: 10.2457/srs.41.943.
13. Kranjac M., Sikimic U., Vujakovic M., Molnar I. Cross border protection of the clusters' intellectual property in the agricultural sector // Agricultural Economics. 2015. Vol. 61, №1. P. 23–30. doi: 10.17221/130/2014.
14. Shakya M. Clusters for Competitiveness – A Practical Guide & Policy Implications for Developing Cluster Initiatives. Washington, 2009.
15. Ермак С. и др. Пол-экономики поименно. Эксперт 400 // Эксперт. 2018. №43 (1094). С. 33–35.
16. Козлов В., Бакеев А. Урожай – растёт, прибыль – отстаёт, модернизация – еле тащится // Эксперт Юг. 2018. №11 (419). С. 12–14.
17. Гонтарь Н.В. Территориальная политика: структура и ее влияние на пространственную организацию общества и экономики // Известия Российской академии наук. Сер.: географическая. 2016. №2. С. 18–26.
18. Кисин С. Развилка для пшеницы // Эксперт Юг. 2017. №10 (408). С. 15–17.
19. Бакеев А., Калининченко К. «Донская усадьба» вырастит третью очередь // Эксперт Юг. 2019. №1-2 (421). С. 25–27.
20. Андреев Е. АПК на Юге: выйти на новый уровень // Эксперт Юг. 2018. №10 (418). С. 4–8.
21. Гуриева Е. «Кубань-Вино» заложило стратегию роста // Эксперт Юг. 2018. №11 (409). С. 6–7.
22. Ракуль Е. «Суровые тепличные условия»: что мешает развиваться овощеводам // Эксперт Юг. 2018. №3 (411). С. 11–14.

23. Кисин С. АПК ждет спроса на интеллект // Эксперт Юг. 2017. №6-7 (404). С. 19–22.
24. Тамагут П. Как работают инновации в АПК // Эксперт Юг. 2019. №3 (411). С. 11–14.
25. Бакеев А. Винный туризм становится драйвером туриндустрии // Эксперт Юг. 2018. №6 (414). С. 8–12.
26. Толмачева О.И., Филатова С.А. Виноградарство и виноделие Кубани: состояние и перспективы развития // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. Сер. 5. №2. С. 169–175.
27. Краснодарский край. Статистический ежегодник. 2017 : стат. сб. / Краснодарстат. Краснодар, 2018.
28. Статистический ежегодник. Ростовская область в цифрах 2017 : стат. сб. Ростов н/Д, 2018.

Об авторах

Николай Владимирович Гонтарь — канд. геогр. наук, доц., Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: passat01@mail.ru

Василиса Валерьевна Горочная — канд. экон. наук, Южный федеральный университет; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tunduk@hotmail.com

The authors

Dr Nikolay V. Gontar, Associate Professor, Southern Federal University, Russia.

E-mail: passat01@mail.ru

Vasilisa V. Gorochnaya, Associate Professor, Southern Federal University, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: tunduk@hotmail.com

А. С. Михайлов, А. А. Михайлова, Д. В. Хвалей

**РАЗУМНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ГОРОДА:
АДАПТИВНАЯ ПОЛИТИКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ГЕОГРАФИИ ЗНАНИЯ**

38

В условиях, когда знания становятся первостепенным ресурсом, а эффективное управление их созданием, использованием, трансфером и накоплением – важнейшей управленческой функцией, большую актуальность приобретают оценка и мониторинг способности территориальных инновационных систем к генерации нового научного знания. Если коммерциализация знаний в территориальном разрезе в первую очередь рассматривается на уровне региона в рамках производственного процесса, то генерацию знаний целесообразнее изучать на уровне городов как важнейших урбанизированных научных центров региона. В рамках данного исследования ставилась задача оценить территориальное распределение городов России по способности генерации нового научного знания с последующей разработкой рекомендаций по управлению их территориальным капиталом как основой конкурентоспособности. Для России решение указанной проблемы наиболее актуально ввиду большого разнообразия городов и невозможности и даже опасности применения унифицированных подходов к их развитию. Большая территориальная протяженность страны, удаленность отдельных городов друг от друга, их неоднородность по размеру, уровню развития, знаниевой специализации делает важным управление разнообразием и диверсификацией знаний. В исследовании использован наукометрический подход для оценки генерации знания на основе анализа данных публикационной активности за 2013–2017 гг. по международной реферативной базе данных научного цитирования Скопус. В выборку исследования вошло 440 городов, имеющих хотя бы 1 публикацию. Разработана типология городов России с выделением трех типов и отдельных подтипов, учитывающих их специфику. Для первого типа городов («выше среднего») отмечены высокие показатели научной продуктивности. При этом, если для первого подтипа они дополнены высокими показателями научной связности, цитируемости и качества публикаций, то для второго подтипа эти показатели существенно ниже. Второй тип городов – «средние» или «переходные», научные коллективы которых имеют значительный публикационный опыт. Однако недостаточный средний уровень цитирования и практически полное отсутствие публикаций в высокорейтинговых журналах из Топ-10 % не позволяют отнести их к ведущим национальным научным центрам первой группы. Третий тип («ниже среднего») с наиболее низкими значениями всех показателей был разделен на три подтипа: к первому отнесены города, научные группы которых публикуют небольшое количество статей с высоким уровнем цитирования и в журналах Топ-10 %; ко второму – города, имеющие при небольшом уровне научной продуктивности научные связи на национальном и международном уровне; к третьему – города-«молчуны», не проявившие себя ни по одному показателю.

When knowledge is a paramount resource, the effective management of its accumulation, use, and transfer becomes the most important function, which enables to assess and monitor the ability of territorial innovation systems to generate new scientific knowledge. While the commercialization of knowledge in the territorial context is primarily considered at the regional level as part of the production process, it is more appropriate to consider the knowledge generation at the level of a city where the city is the most important urbanized scientific regional centre. This study aims to assess the territorial distribution of Russian cities by their ability to generate new scientific knowledge with the subsequent development of recommendations for managing their territorial capital as the basis of competitiveness. For Russia, the solution to this problem is most relevant in the view of a wide variety of cities and the impossibility and even danger of using unified approaches to their development. The large territory of the country, the remoteness of individual cities from each other, their diversity in size, development level, knowledge specialization makes it important to manage the diversification of knowledge. In this study, a science-related approach was used to assess the knowledge generation based on the publication activity analysis of 2013 – 2017 according to the international abstract database of Scopus scientific citation. The study includes 440 cities with at least 1 publication. Based on the results of the study, Russian cities fall into three types and individual subtypes, considering their specific features. The first type of cities “above average” is specified with high indicators of academic productivity, while for the first subtype they are supplemented by high indicators of scientific connectivity, citation and quality of publications. For the second subtype, these indicators are significantly lower. The second type of cities, “medium” or “transitional” have significant publication experience. However, the insufficient average citation level and very few publications in high-ranking journals do not allow them to be attributed to the leading national scientific centres of the first group. The third type “below average” with the lowest values of all indicators is divided into three subtypes: the first group includes cities whose scientific groups publish a small number of articles with a high level; the second group brings together the cities with a low level of scientific productivity having scientific connections at the national and international level; the third, the “silent” cities, which do not show any activity in any way.

Ключевые слова: генерация научного знания, научный центр, интеллектуальный капитал, наукометрический подход, типология городов, научная сеть.

Keywords: knowledge generation, science centre, intellectual capital, spatial bibliometrics, city typology, research network, knowledge production function.

Актуальность исследования и постановка проблемы

Важнейшим трендом развития современной экономики является ее усложнение, проявляющееся в растущей сложности разработки и производства продукции, технологизации производственных процессов, потребности во все новых комбинациях знания для генерации инноваций. Результаты целого ряда исследований [8; 15; 19; 20] показывают, что чем сложнее знание, тем оно более «липкое» и труднее поддается кодификации, приобретая неявную природу и обуславливая рост сравнительных конкурентных преимуществ компаний как его облада-

телей. На смену жесткой вертикальной конфигурации взаимодействий приходят более гибкие гибридные модели, направленные на совместное создание стоимости, сопровождаемое перетоком знаний внутри отраслей и между ними [2; 7; 16; 28]. Формирование сетей горизонтальных и вертикальных связей вовлекает в процесс информационного обмена все большее число участников из различных институциональных сфер, позволяя реализовывать модели открытых инноваций и непрерывного коллективного обучения через доступ к разнообразным экспертным знаниям — важнейшему источнику дополнительных инноваций, прорывных технологий, креативных решений и др. [18; 33]. Чем выше институциональная плотность связей, тем больше возможностей для возникновения новых партнерств путем установления частых неформальных контактов [23].

Оптимальным пространством для формирования сетей передачи знаний являются города, изобретательская среда которых привлекает новаторов, предпринимателей и инвесторов, обеспечивая необходимую для инновационного процесса критическую величину разнообразия акторов и их локализацию [6; 10]. В данном контексте подход к изучению города как знаниевого центра [29] видится обоснованным, однако в каждом конкретном случае требует адаптации с учетом местной специфики: размера, степени урбанизации, уровня социально-экономического развития и научно-технологического потенциала [3]. Пространственные исследования [4; 24; 26; 31], сфокусированные на изучении распределения интеллектуального капитала, регистрируют его территориальную неравномерность с выделением зон повышенной концентрации знаниевых потоков (инновационные среды в [14; 25], творческие пространства в [35], инновационные экосистемы в [27; 30; 32], смарт города в [5; 12], живые лаборатории в [9; 22]) и периферии с их низкой плотностью.

Национальное инновационное пространство представляет собой сложную систему слияния территориально и институционально обусловленных местных инновационных сред, разнообразие которых усиливает друг друга, создавая в масштабе страны целостную мозаику компетенций, передовых возможностей, навыков, идей, практик и знаниевых ресурсов. С этих позиций сама разность в институциональном контексте [17; 21], территориальном капитале [11; 13], функционально-организационном построении инновационных систем [34; 36] отдельных городов является значимым конкурентным преимуществом, целенаправленное управление которым становится важной теоретической, методологической и практической задачей, решаемой в рамках динамично развивающегося научного направления — географии знания.

В данной статье объектом изучения выступило многообразие городов России, а предметом — специфика наращивания их территориального капитала на основе управления процессом создания знания. Наукометрические методы, использованные в исследовании, позволили идентифицировать территориальное распределение знаниевых цен-

тров с анализом многомерного набора показателей, охватывающих аспекты производительности, качества, спроса, влияния, сетевой связности, интернационализации. Исследовательская гипотеза заключалась в том, что размер города является значимым фактором, влияющим на его способность генерации нового научного знания. Результатом исследования стала типология городов России, отражающая разнообразие основных моделей создания новых знаний в территориальном контексте интеллектуального капитала, которая может быть использована в управленческих целях для реализации региональной политики по укреплению местных преимуществ и сил с учетом сложившегося уникального ландшафта научных центров.

Методика исследования

Объектом исследования выступили 1118 городов России, расположенных в 85 субъектах. Предмет исследования — их способность к созданию нового научного знания. В рамках статьи оценивались место и функциональная роль городов в национальном научном пространстве в аспекте генерации нового знания как важнейшего ресурса инновационной экономики. Для решения поставленной задачи был реализован новый для экономической географии подход к изучению городов как территориально распределенных научных центров, профиль которых выстраивался через систему наукометрических показателей (рис. 1).

Рис. 1. Важнейшие показатели оценки способности городов РФ к созданию нового научного знания

Источником данных выбрана крупнейшая реферативная база научного цитирования Скопус (Scopus), что обусловлено ее международным значением; обширным охватом публикаций, аффилированных с Россией; учетом только рецензируемых источников; наличием поискового и аналитического инструментария (SciVal) для формирования выборки публикаций в разрезе городов, в том числе наивысшего уров-

ня, представленных в высокорейтинговых журналах мирового класса. Период исследования включал 2013–2017 гг. В процессе сбора данных сформирована выборка из 440 городов РФ, для которых в эти годы была выявлена хотя бы 1 публикация, проиндексированная в Скопусе. Выгрузка данных осуществлена в апреле 2019 г. Севастополь и города Республики Крым были исключены из выборки в связи с несоответствием страны принадлежности, указанной в метаданных публикаций. Также в анализ не вошли статьи без указания территориальной принадлежности авторов (страны). Экспертно их доля не превышала 3 % от всех публикаций.

Формирование базы наукометрических данных осуществлялось на основе следующих принципов:

- для каждого населенного пункта создавался отдельный поисковый запрос;
- в случае если статья не была привязана к определенному населенному пункту, поиск дополнялся профилем организации;
- в поисковом запросе учитывались различные формы написания названий городов, идентификационных номеров и наименований научных организаций, имеющих профиль в Скопусе;
- территориальная принадлежность определялась для каждого автора статьи;
- учитывались не только университеты и институты РАН, но и другие научно-исследовательские организации и предприятия.

При интерпретации результатов была учтена разность между городами по размеру, поэтому они были предварительно классифицированы по методу Г.М. Лаппо [1] на 15 городов-миллионеров — свыше 1 млн чел.; 22 крупнейших — 500 тыс. — 1 млн чел.; 39 крупных — 250–500 тыс. чел.; 89 больших — 100–250 тыс. чел.; 102 средних — 50–100 тыс. чел.; 173 малых — до 50 тыс. чел. Мерой сравнения по каждому из 6 показателей были выбраны средние значения по России и миру, представленные в модуле «бенчмаркинг» инструмента *SciVal* за аналогичный период 2013–2017 гг. Города, вошедшие в выборку, были разделены по каждому показателю на группы: ниже среднего, среднее, выше среднего, на основе полученных для них значений. Средняя группа городов означает, что значения исследуемых показателей для них заключены в интервале между средними значениями по России и миру. Конечным результатом исследования стала разработка типологии городов по их способности к генерации нового научного знания на основе анализа и аналитической группировки полученных комбинаций значений.

Результаты исследования

Результатом исследования стало распределение городов выборки относительно их размера по 6 важнейшим наукометрическим показателям генерации нового научного знания в разрезе заданных интервалов значений, соотнесенных со среднемировым и среднероссийским уровнем (табл.).

**Группировка городов РФ по показателям генерации
нового научного знания в 2013 – 2017 гг.**

Показатель	Группа	Интервал	Тип города по размеру					
			Миллионер	Крупнейший	Крупный	Большой	Средний	Малый
П1 – общий показатель цитируемости, цитата / статья	Ниже среднего	[0 – 5,2]	12	22	38	83	93	150
	Среднее	(5,2 – 8,6]	3	–	1	2	3	13
	Выше среднего	(8,6 – 83,0]	–	–	–	4	6	10
П2 – взвешенное по области знания цитирование, цитата / статья	Ниже среднего	[0 – 0,74]	7	15	34	72	88	143
	Среднее	(0,74 – 1]	7	6	3	5	1	8
	Выше среднего	(1 – 6,89]	1	1	2	12	13	22
П3 – доля статей в международном соавторстве, %	Ниже среднего	[0 – 18,8]	7	15	31	73	83	127
	Среднее	(18,8 – 24,9]	4	5	5	7	4	2
	Выше среднего	(24,9 – 100]	4	2	3	9	15	44
П4 – доля статей с авторами из разных учреждений страны, %	Ниже среднего	[0 – 29,5]	9	16	34	61	72	135
	Среднее	(29,5 – 29,8]	–	–	–	1	–	–
	Выше среднего	(29,8 – 100]	6	6	5	27	30	38
П5 – доля статей, опубликованных в Тор-10% журналах Скопус, %	Ниже среднего	[0 – 10,1]	9	19	36	79	93	153
	Среднее	(10,1 – 24,8]	6	3	3	7	7	12
	Выше среднего	(24,8 – 100]	–	–	–	3	2	8
П6 – научная продуктивность, статьи / 1000 жителей	Ниже среднего	[0 – 1,96]	–	13	23	79	94	162
	Среднее	(1,96 – 2,4]	1	2	6	2	–	–
	Выше среднего	(2,4 – 1248,1]	14	7	10	8	8	11

Наибольшая доля всех исследуемых городов РФ по каждому из показателей вошла в группы со значениями «ниже среднего»: для П1 – 90,5 %; П2 – 81,6 %; П3 – 76,4 %; П4 – 74,3 %; П5 – 88,4 %; П6 – 84,3 %. Это свидетельствует о том, что подавляющая часть российских городов характеризуется сниженной эффективностью процесса генерации нового научного знания в контексте мировых тенденций. Распределение городов между группами со средним и выше среднего значениями не-

однородно. По показателям П1 и П5 превалирует средняя группа, с удельным весом городов в 5 и 8,6 % против 4,5 и 3 % по группе лидеров. По показателям П2–П4, П6 наблюдается уверенный перевес в сторону городов со значениями «выше среднего» относительно попавших в коридор средних значений.

Существенный интерес представляет распределение городов по рассматриваемым показателям относительно численности жителей, поскольку оно характеризуется специфическими закономерностями. Города-миллионеры, представляя крупные научные центры России и генерируя наибольший поток статей в национальном масштабе, имеют высокую научную продуктивность. Поэтому по показателю П6 14 из них вошло в группу «выше среднего» и 1 — в «среднюю». Значительный объем научной деятельности, ведущейся локализованными в этих городах научными коллективами в разных областях знания, трудно поддается прямому управлению, в большей степени характеризуясь самоорганизующейся природой. Это нашло яркое отражение в показателях П1–П5 (табл.). При большом объеме статей трудно обеспечить, чтобы все они издавались в журналах Топ-10 % и имели высокий уровень взвешенного по области знания цитирования. Сильная неоднородность исследовательских коллективов и отдельных ученых по опыту, компетенциям, областям наук, научным стратегиям и сформированным кооперационным связям обусловила ситуацию, когда произошло усреднение итоговых значений между прорывными и низко цитируемыми исследованиями с перемещением самого города-миллионера в группу «ниже среднего» или «среднюю». Так среди городов-миллионеров в группу со значениями ниже среднероссийских по П1 вошло 80 %, П2 и П3 — по 46,7 %, П4 и П5 — по 60 %. Однако в данном случае это не свидетельствует об их отсталости, а, скорее, отражает их масштаб. Кроме того, целенаправленное стремление достичь максимальных значений по некоторым показателям для этой группы городов было бы опасным ввиду большого объема статей. Так, например, завышенная доля статей, написанных в соавторстве с учеными из других стран и городов, демонстрировала бы ведомость научного центра, его неспособность самостоятельно генерировать публикационный поток. При этом полное отсутствие таких публикаций указывало бы на его изолированность. Отметим, что в пропорциональном соотношении города-миллионеры в большей степени интегрированы в национальное и международное пространство, нежели города других групп (табл.).

Сходства в распределении между значениями исследуемых показателей были отмечены у крупнейших и крупных городов выборки. Будучи значимыми научными центрами РФ в межрегиональном и региональном пространстве, данные города характеризуются большей неоднородностью между собой. Если свыше 90 % городов-миллионеров демонстрировали наивысшие показатели научной продуктивности, то среди крупнейших и крупных городов таких только около трети, и еще от 10 до 15 % имеют средний уровень. Почти 60 % городов выборки с

населением от 250 тыс. до 1 млн чел. характеризуются сравнительно невысокой производительностью нового научного знания относительно численности жителей. При этом в абсолютном значении объем публикаций у этих городов все же значительный, что делает их заметными на карте науки. В отличие от городов других типов крупнейшие и крупные города в меньшей степени ориентированы на интеграцию в международное научное пространство: менее 10 % из них имеют высокую долю публикаций в соавторстве с иностранными учеными. Несколько выше вовлеченность в российские научные сети. Однако в целом можно заключить, что их генеративная функция в области нового научного знания реализуется достаточно обособленно (табл.). Анализ распределения крупнейших и крупных городов по показателям П1, П2 и П5, а также его сравнительная оценка с аналогичным у городов-миллионеров свидетельствует о более низком уровне востребованности мировым сообществом публикаций первых.

Процесс генерации нового научного знания в городах с численностью населения до 250 тыс. чел. имеет свою специфику, которая прослеживается по исследуемым наукометрическим показателям. Во-первых, между ними наблюдается сильная поляризация: от динамичных научных центров с высокой эффективностью до по-настоящему слабых в научном плане городов, количество которых превалирует. Во-вторых, доля больших, средних и малых городов по публикациям в Скопусе в национальном масштабе мала, однако научная продуктивность некоторых из них существенно опережает города других групп. Так из Топ-10 городов по показателю П6—8 с численностью населения менее 110 тыс. чел. В-третьих, ввиду малого количества статей продуманная реализация научной стратегии «меньше да лучше» позволяет добиться некоторым городам предельно высоких позиций по доле публикаций в журналах Топ-10 % и уровню средневзвешенного цитирования. Интересны пропорции распределения доли больших, средних и малых городов по величине статей, опубликованных в соавторстве (П3 и П4). Чем меньше размер городов, тем выше их интегрированность в международные научные сети и ниже в национальные. Так, если среди больших городов имеют долю статей в международном и национальном соавторстве выше среднего 10,1 и 30,3 % соответственно, то среди средних — уже 14,7 и 29,4 %, а среди малых — 25,4 и 22,0 %.

Обсуждение результатов

В процессе оценки полученных результатов выявлено, что все разнообразие случаев по уровню совокупного развития научных коллективов городов РФ на основе важнейших наукометрических показателей может быть сведено к трем генеральным моделям: передовых (группа 1), переходных (группа 2) и локальных (группа 3) научных центров. Группы 1 и 3 ввиду их большей многочисленности и лучшего отображения специфических особенностей были дополнительно представлены в дробном делении (рис. 2).

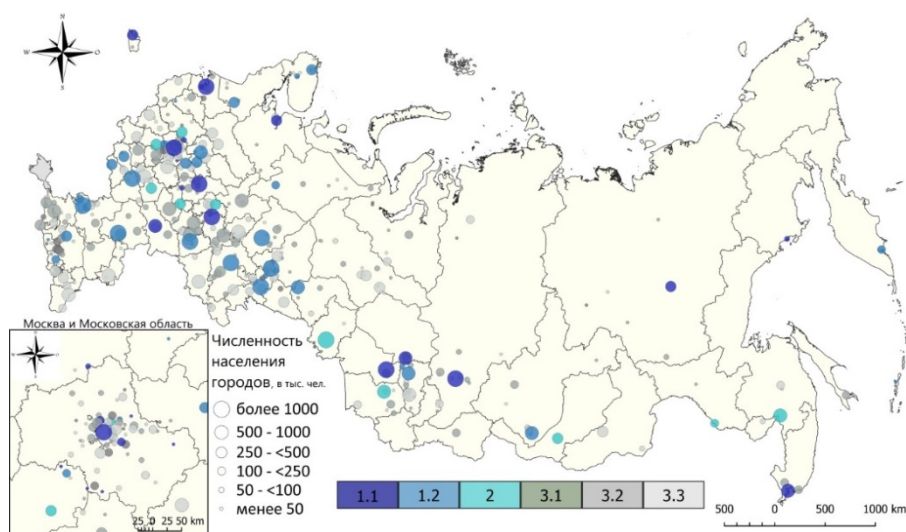

Рис. 2. Типология научных центров — городов РФ по важнейшим наукометрическим показателям, 2013—2017 гг.

В первую группу передовых научных центров вошло 13 % всех городов выборки, которые продемонстрировали научную продуктивность свыше 2,4 статьи на 1 тыс. чел. населения, что превосходит среднемировой и среднероссийский уровень. На эти города приходится наибольший объем всех генерируемых в России публикаций в журналах из базы Скопус. При реализации целенаправленной государственной политики по развитию территориального капитала в первую очередь необходим фокус на эти города как значимые в национальном масштабе научные центры в одной или нескольких областях знания. При этом необходимо отметить неоднородность между городами, вошедшими в эту группу, что обусловило выделение двух подгрупп.

Первая подгруппа (1.1) вобрала в себя 24 города (Москва и 7 ее спутников (Шатура, Жуковский, Протвино, Пушкино, Черноголовка, Долгопрудный, Дубна), Санкт-Петербург и Гатчина, Новосибирск, Томск, Казань, Нижний Новгород, Владивосток, Красноярск, Саратов, Архангельск, Калининград, Якутск, Саров, Магадан, Боровск, Иннополис), у которых высокий уровень научной продуктивности поддержан показателями качества, прежде всего значительной долей публикаций в журналах Топ-10 % и сравнительно большой востребованностью результатов проводимых исследований, отразившейся в показателе взвешенного по области знания цитирования. Научные коллективы, локализованные в этих городах, могут быть оценены как сложившиеся конкурентоспособные команды, имеющие опыт и компетенции в проведении исследований и представлении их результатов в соответствии с мировыми стандартами. Следует отметить, что в подгруппу 1.1 вошли не только густонаселенные (6 миллионеров, 3 крупнейших, 3 крупных), но и 2 больших, 4 средних и 6 малых городов, которые при своем небольшом

размере продемонстрировали высокую публикационную активность. У этих городов сложились кооперационные связи на национальном и мировом уровне с доминированием международного направления сотрудничества.

Вторая подгруппа (1.2) несколько более многочисленна и объединила 34 города (8 миллионеров — Екатеринбург, Челябинск, Самара, Ростов-на-Дону, Уфа, Пермь, Воронеж, Волгоград; 4 крупнейших — Тюмень, Иркутск, Ярославль, Кемерово; 7 крупных — Курск, Ставрополь, Иваново, Белгород, Владимир, Мурманск, Петрозаводск; 6 больших — Таганрог, Сыктывкар, Нальчик, Петропавловск-Камчатский, Новочеркасск, Обнинск; 4 средних — Югра, Фрязино, Апатиты, Снежинск; 5 малых — Ростов, Кировск, Холм, Курильск, Нижний Архыз), которые также при своей неоднородности характеризуются высокой публикационной активностью относительно численности населения. Однако мировая востребованность результатов исследований, проводимых их научными коллективами, ниже, чем у подгруппы 1.1. Недостаток опыта публикаций в журналах из Топ-10 % Скопус. Позитивная динамика значений от общего к взвешенному по области знания цитированию указывает на существенную долю гуманитарного и общественного профиля в исследованиях. Уровень связности этих научных центров невысок с доминированием одного — международного или национального — направления.

Переходная (2) группа — наименьшая. В нее вошло 11 городов (1 миллионер — Омск; 2 крупнейших — Барнаул, Хабаровск; 6 крупных — Улан-Удэ, Тверь, Саранск, Калуга, Тамбов, Йошкар-Ола; 2 больших — Королев, Благовещенск), что составило 2,5 % выборки. Средняя научная продуктивность городов данной группы колебалась в интервале 1,96–2,4 статей на 1 тыс. чел. населения, превосходя среднемировые значения. Научные коллективы, локализованные в этих городах, уже имеют определенный опыт международной публикации, поэтому дальнейшее развитие их научного потенциала должно строиться вокруг содействия росту качества исследований и повышения мировой актуальности тематик. В настоящее время показатели общего и взвешенного по области знания цитирования и доли публикаций в журналах Топ-10 % Скопус невелики, как и имеющийся уровень интегрированности в национальные и международные научные сети сотрудничества.

Третья группа локальных научных центров (3), куда вошел 371 город (84,5 % выборки), — наиболее многочисленная и неоднородная по своему составу. Небольшая научная производительность (от 0,03 до 1,96 статей на 1 тыс. чел. населения) не позволила городам этой группы занять более высокие конкурентные позиции в составе первой и второй групп. Однако они также являются участниками процесса генерации нового научного знания в национальном научном пространстве России и имеют определенный уровень накопленного интеллектуального капитала в конкретной области знания, что обуславливает необходимость выработки дифференцированного подхода к управлению развитием

их территориального капитала в аспекте наращивания и повышения эффективности использования потенциала местных исследовательских коллективов. Для лучшего понимания различий между городами третьей группы была произведена дополнительная сегрегация с выделением трех подгрупп.

В подгруппу 3.1 вошло 27 городов с населением менее 250 тыс. человек, в том числе 8 больших (Кисловодск, Домодедово, Серпухов, Черкесск, Назрань, Раменское, Ессентуки, Пушкино), 5 средних (Новоуральск, Озерск, Шадринск, Туапсе, Кириши) и 14 малых (Салехард, Торжок, Мирный, Истра, Заречный, Лабытнанги, Старая Купавна, Покров, Ковдор, Пересвет, Теберда, Болгар, Игарка, Певек). В среднем их научные коллективы публикуют в Скопусе 1–2 статьи в год (реже 10–12), ряд из которых издается в журналах Топ-10 % и востребован мировым сообществом, что находит отражение в количестве цитат в расчете на статью. На основе сравнения общего и взвешенного показателя цитируемости может быть сделан вывод о доминировании гуманитарного и общественного направлений в исследованиях. Большая часть городов подгруппы 3.1 слабо интегрирована в научные сети сотрудничества. Среди тех, кто имеет крепкие научные связи, превалирует внешнее международное направление.

Подгруппа 3.2 характеризуется разнообразием вошедших в нее городов как по размеру, так и по абсолютному среднему значению количества ежегодно публикуемых статей в журналах из базы Скопус. Среди городов, которые в нее вошли, 6 крупнейших (Краснодар, Тольятти, Ульяновск, Набережные Челны, Пенза, Киров) с 200 публикациями в год; 7 крупных (Тула, Сочи, Волжский, Орловский, Стерлитамак, Новороссийск, Химки) с 50 публикациями в год; 36 больших с 14 публикациями в год; 44 средних с 4 публикациями в год и 63 малых с 1 публикацией в год. Эта группа представлена типичными для России научными центрами с низкой научной продуктивностью, отсутствием или очень малым количеством статей в журналах Скопус Топ-10 %, однако наличием отдельных научных связей с другими национальными или иностранными научными организациями.

В подгруппу 3.3 вошло 188 городов, в том числе 7 крупнейших, 16 крупных, 36 больших, 45 средних и 84 малых, из них у наиболее густонаселенного Ижевска выходит около 250 статей в год, еще у 29 — от 20 до 200 статей в год, у 45 — от 2 до 20 статей в год, и у 113 — менее 10 статей за 5 лет. Эти города на научной карте России находятся в положении «невидимок», не проявив себя ни по одному из рассмотренных показателей, значения которых за 2013–2017 гг. ниже среднего минимального уровня. Основной приоритет в развитии интеллектуального капитала как составной части территориального капитала этих городов должен быть отдан наращиванию компетенций в области проведения, представления и публикации результатов научных исследований в соответствии с международными стандартами качества, в том числе через стимулирование прироста абсолютного количества статей разного исследовательского уровня.

Выводы

Типология городов России по способности к созданию нового научного знания с учетом размера относительно численности населения позволила выявить ряд закономерностей в генеративном процессе. Их необходимо учитывать при управлении территориальным капиталом города в аспекте повышения эффективности использования интеллектуальных ресурсов на принципах содействия разнообразию. Во-первых, результаты исследования показали, что наблюдается сильная дифференциация между городами РФ по сложившейся специфике воспроизводства знания относительно их размера. Если разрыв между городами в группе миллионеров по рассматриваемым показателям был сравнительно небольшим, то с каждой последующей группой (крупнейшие, крупные, большие, средние, малые) он увеличивался. Во-вторых, несмотря на то что наибольший абсолютный прирост публикаций обеспечивается городами-миллионерами и их агломерациями (в первую очередь, Московской), наивысшая научная продуктивность отмечена для небольших специализированных научных центров, локализованных в малых и средних городах. В-третьих, достижение максимальных значений по отдельным показателям (например, 100 % публикаций в соавторстве или в журналах их Топ-10 % и др.) возможно для небольших городов с малым объемом публикаций. В случае крупных городов — это не только невозможно ввиду большого разнообразия тематик, авторов, статей, но и может иметь негативную оценку. Например, у городов с численностью населения свыше 500 тыс. человек, как правило, насчитывается большое количество статей, из которых в соавторстве с учеными из других стран менее трети. Если этот показатель вырастет, то можно будет констатировать их ведомую роль. В-четвертых, исследование показало, что чем меньше город, тем острее у него потребность в интеграции в научные сети. Как правило, в данном случае доля совместных публикаций с учеными из других городов России и стран больше, чем у городов с более высокой численностью населения.

По результатам исследования выделено три группы городов РФ: передовые, переходные и локальные, к которым применимы разные принципы содействия развитию способности по созданию нового научного знания. Первую группу городов можно рассматривать как конкурентоспособные точки роста российского научного и инновационного пространства, его локомотивы. Эти города в большей степени научно самодостаточны, однако следует содействовать укреплению их научных связей в национальной проекции в целях поддержки развития научных коллективов из городов, отнесенных к другим группам. Во вторую группу вошло наименьшее количество городов, которые заняли промежуточную позицию, достигнув средних значений по многим показателям. Теперь им необходим импульс для дальнейшего роста, чтобы перейти в группу лидеров за счет улучшения востребованности статей и повышения научной продуктивности. Третья группа наиболее

многочисленна и неоднородна, в нее вошли как небольшие научные центры с потенциалом роста, реализующие медленную научную стратегию («меньше статей, да лучше»), так и города, пока еще не накопившие достаточный уровень компетенций в проведении исследования и представлении их результатов в соответствии с международными стандартами. Научным коллективам данных городов необходим публикационный опыт, в том числе через сотрудничество с ведущими научными центрами. Им необходимо развиваться относительно себя самих с учетом окружающей их институциональной среды, а не через политику догоняющих с применением тех же критериев эффективности, что и для первой группы.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ 19-77-00053 «География знания: кластеризация и сетевые связи национальных центров компетенций».

Список литературы

1. Ланпо Г. М. География городов : учеб. пособие. М., 1997.
2. Михайлова А. А. Инновационный процесс: история и современные тенденции моделирования // Инновационный Вестник Регион. 2014. №37. С. 22 – 29.
3. Михайлов А. С. Институциональная архитектура территориальных инновационных систем: на пути к локально-адресной региональной политике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. №3. С. 43 – 52.
4. Михайлов А. С., Пекер И. Ю. Территориальное распределение интеллектуального капитала России // Высшее образование в России. 2019. №6. С. 28 – 39.
5. Albino V., Berardi U., Dangelico R. M. Smart cities: Definitions, dimensions, performance, and initiatives // Journal of Urban Technology. 2015. Vol. 22, №1. P. 3 – 21.
6. Athey G., Nathan M., Webber C., Mahroum S. Innovation and the city // Innovation: Management, Policy and Practice. 2008. Vol. 10, №2-3. P. 156 – 169.
7. Baccarani C., Cassia F., Rossato C., Cavallo D. Territory, firms and value co-creation synergies // Journal of Place Management and Development. 2019. Vol. 12, №2. P. 197 – 208.
8. Bathelt H., Malmberg A., Maskell P. Clusters and knowledge: Local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation // Progress in Human Geography. 2004. Vol. 28, №1. P. 31 – 56.
9. Bifulco F., Tregua M., Amitrano C. C. Co-governing smart cities through living labs. Top evidences from EU // Transylvanian Review of Administrative Sciences. 2017. №50. P. 21 – 37.
10. Boikova M., Ilyina I., Salazkin M. Urban futures: Cities as agents of globalization and innovation // Foresight Russia. 2011. Vol. 5, №4. P. 32 – 48.
11. Camagni R. Territorial capital, competitiveness and regional development // Handbook of regions and competitiveness / R. Huggins, P. Thompson (eds.). Cheltenham, 2017. P. 232 – 244.
12. Caragliu A., del Bo C., Nijkamp P. Smart cities in Europe // Journal of Urban Technology. 2011. Vol. 18, №2. P. 65 – 82.
13. Cojanu V., Robu R. The geography of territorial capital in the European union: A map and several policy issues // Transylvanian Review of Administrative Sciences. 2019. Vol. 15, №56. P. 23 – 40.
14. Crevoisier O. The innovative milieus approach: Toward a territorialized understanding of the economy? // Economic Geography. 2004. Vol. 80, №4. P. 367 – 379.

15. Einem E. Knowledge absorption in cities and regions [Wissensabsorption in Städten und Regionen] // *Jahrbuch für Regionalwissenschaft*. 2011. Vol. 31, №2. P. 131–153.
16. Etzkowitz H., Klofsten M. The innovating region: Toward a theory of knowledge-based regional development // *R and D Management*. 2005. Vol. 35, №3. P. 243–255.
17. Healey P. The treatment of space and place in the new strategic spatial planning in Europe // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2004. Vol. 28, №1. P. 45–67.
18. Huggins R. Forms of network resource: Knowledge access and the role of inter-firm networks // *International Journal of Management Reviews*. 2010. Vol. 12, №3. P. 335–352.
19. Inkpen A. C., Tsang E. W. K. Social capital networks, and knowledge transfer // *Academy of Management Review*. 2005. Vol. 30, №1. P. 146–165.
20. Kasper H., Lehrer M., Mühlbacher J., Müller B. Thinning knowledge: An interpretive field study of knowledge-sharing practices of firms in three multinational contexts // *Journal of Management Inquiry*. 2010. Vol. 19, №4. P. 367–381.
21. Lam A. Tacit knowledge, organizational learning and societal institutions: An integrated framework // *Organization Studies*. 2000. Vol. 21, №3. P. 487–513.
22. Lehmann V., Frangioni M., Dubé P. Living Lab as knowledge system: an actual approach for managing urban service projects? // *Journal of Knowledge Management*. 2015. Vol. 19, №5. P. 1087–1107.
23. Liu J. Regional institutions and their impact on the connectedness of firm's innovation networks // *Institutions and Economies*. 2016. Vol. 8, №1. P. 102–129.
24. López Ruiz V. R., Nevado Peña D., Alfaro Navarro J. L., Grigorescu A. Human development european city index: Methodology and results // *Romanian Journal of Economic Forecasting*. 2014. Vol. 17, №3. P. 72–87.
25. Maillat D. Territorial dynamic, innovative milieus and regional policy // *Entrepreneurship and Regional Development*. 1995. Vol. 7, №2. P. 157–165.
26. Maltseva A., Veselov I., Bukhvald E. Estimation of region's intellectual capital based on the system of indicators: Case of the Russian Federation // *Regional Science Inquiry*. 2019. Vol. 11, №1. P. 147–157.
27. Miller K., Mcadam R., Moffett S., Alexander A., Puthusserry P. Knowledge transfer in university quadruple helix ecosystems: An absorptive capacity perspective // *R and D Management*. 2016. Vol. 46, №2. P. 383–399.
28. Ngugi I. K., Johnsen R. E., Erdélyi P. Relational capabilities for value co-creation and innovation in SMEs // *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2010. Vol. 17, №2. P. 260–278.
29. OECD. Regions and Innovation Policy. P., 2011.
30. Oksanen K., Hautamäki A. Transforming regions into innovation ecosystems: A model for renewing local industrial structures // *Innovation Journal*. 2014. Vol. 19, №2, art. 5.
31. Popkova E. G., Yurev V., Stepicheva O., Denisov N. Transformation and concentration of intellectual capital as a factor of economic growth in the modern economy // *Regional and Sectoral Economic Studies*. 2015. Vol. 15, №1. P. 53–60.
32. Romano A., Passiante G., Vecchio P. D., Secundo G. The innovation ecosystem as booster for the innovative entrepreneurship in the smart specialisation strategy // *International Journal of Knowledge-Based Development*. 2014. Vol. 5, №3. P. 271–288.
33. Rondé P., Hussler C. Innovation in regions: What does really matter? // *Research Policy*. 2005. Vol. 34, №8. P. 1150–1172.
34. Sassen S. Global inter-city networks and commodity chains: Any intersections? // *Global Networks*. 2010. Vol. 10, №1. P. 150–163.

35. *Scott A.J.* Entrepreneurship, innovation and industrial development: Geography and the creative field revisited // *Small Business Economics*. 2006. Vol. 26, №1. P. 1–24.

36. *Taylor P.J., Derudder B.* Porous Europe: European cities in global urban arenas // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2004. Vol. 95, №5. P. 527–538.

Об авторах

Андрей Сергеевич Михайлов — канд. геогр. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: andrmikhailov@kantiana.ru

Анна Алексеевна Михайлова — канд. геогр. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

Дмитрий Витальевич Хвале́й — студ., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: DKHvalei1@kantiana.ru

The authors

Dr Andrey S. Mikhaylov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: andrmikhailov@kantiana.ru

Dr Anna A. Mikhaylova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

Dmitry V. Hvalei, student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: DKHvalei1@kantiana.ru

УДК 94(47).084.8

Д. В. Шуняков

ПОСЛЕВОЕННАЯ ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ПРОБЛЕМЫ (1945 – 1948 годы)

53

Анализируется процесс демобилизации офицерского состава Вооруженных сил СССР после окончания Великой Отечественной войны. Для сокращения численности Вооруженных сил в 1945 – 1948 гг. было проведено шесть очередей демобилизации и уволено более 1,3 млн офицеров. Предполагалось оставить в составе армии наиболее ценных по моральным и профессиональным качествам офицеров, не имевших ограничений по здоровью и возрасту. Всем демобилизованным выдавалось денежное вознаграждение, необходимые документы; бытовое обеспечение при передвижении осуществлялось за счет государства. Между тем беспрецедентность и масштабность демобилизации привели к проблемам в социализации возвратившихся фронтовиков. Опираясь на архивные документы и устные источники, автор изучает влияние военного прошлого демобилизованных на трудоустройство, отношение к учебе, государству, создание образа желаемого будущего. Показано, что в плане трудоустройства возвратившиеся офицеры находились в выгодном положении, поскольку целенаправленно назначались на руководящие должности в партийные и хозяйственные органы; молодые офицеры, ушедшие на фронт по мобилизации из учебных заведений, вернулись в вузы и техникумы. Подчеркивается трудная судьба уволенных по ранению и инвалидности, многие из которых нищенствовали. Возвращение с фронта большого количества людей, страдающих психическими расстройствами, сильно ухудшило криминогенную обстановку в стране. На основе изученных материалов сделаны выводы о том, что разоренное войной государство было просто не в состоянии одновременно социально обеспечить и трудоустроить большое количество демобилизованных. С течением времени значительная часть демобилизованных смогла адаптироваться к условиям мирной жизни.

The article analyses demobilization of officers of the USSR armed forces after the Great Patriotic war in 1945 – 1948. Six mobilization rounds were carried out to reduce the size of the Armed Forces during this period, and more than 1.3 million officers were dismissed. The original idea was to retain the officers special for their moral and professional qualities, who have no restrictions on health and age. All demobilized were given remuneration, the necessary documents, and the relocation was paid by the state. Meanwhile, the unprecedented and immense demobilization led to certain challenges in socialization for the returned front-line soldiers. Archive documents and oral sources demonstrate a military impact on employment, attitude to studies, the state, creating an image of the desired future. It is shown that in terms of employment, returning officers had clear advantages being appointed to leader-

ship positions in various institutions, young officers could return to universities and technical schools. The article emphasizes the difficult fate of those who were dismissed for injuries and disabilities, many of whom turned to begging. The influx of shell-shocked people greatly worsened the criminal situation in the country. The state devastated by the war was simply unable to socially provide for and employ such a large number of demobilized people in a single step. Gradually, over time, a significant part of the demobilized was able to adapt socially to a peaceful society.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, демобилизация, офицер.

Keywords: USSR, Great Patriotic war, demobilization, officer.

Великая Отечественная война явилась тяжелейшим испытанием для всего советского народа. Для уничтожения фашизма по мобилизации были призваны 29,5 млн чел., а с учетом кадрового состава Вооруженных сил на начало войны — фактически 34,5 млн чел. (37 % всего мужского населения СССР). Потери в войне составили 26,6 млн чел. [2, с. 36, 43]. СССР вышел из войны с десятками тысяч разоренных городов и сел, с поставленной на военные рельсы промышленностью, с нарушенной социальной сферой. Вопрос демобилизации военнослужащих из рядов Вооруженных сил и возвращения их в народное хозяйство становился важнейшей государственной задачей.

Численность Красной (после 25 февраля 1946 г. — Советской) армии по состоянию на май 1945 г. составляла 11 млн 365 тыс. чел. [2, с. 40]. Двадцать третьего июня 1945 г. началась демобилизация первой очереди тринадцати старших возрастов военнослужащих действующей армии, а с 6 сентября 1945 г. закон о демобилизации был распространен и на войска, находящиеся на Дальнем Востоке [5, с. 54—55]. Всего в период с 5 июля 1945 г. по 15 марта 1948 г. было демобилизовано 8 млн 491 тыс. чел. [3, с. 424].

Для сокращения численности офицерских кадров было проведено шесть очередей демобилизации: с августа по ноябрь 1945 г. (1-я); с ноября 1945 г. по март 1946 г. (2-я); с марта 1946 г. по январь 1947 г. (3-я); почти одновременно с предыдущей с октября 1946 г. по январь 1947 г. (4-я); с января по октябрь 1947 г. (5-я) и с октября 1947 г. по июнь 1948 г. (6-я). Количество уволенных офицеров по очередям демобилизации распределяется следующим образом: 1-я очередь — 114 394 чел. (9,2 % от общего количества демобилизованных); 2-я — 325 328 (26,3 %); 3-я — 530 559 (42,8 %); 4-я — 28 483 (2,3 %); 5-я — 138 185 (11,1 %) и 6-я — 100 415 (8,3 %). Общее количество демобилизованных офицеров, генералом и адмиралов составило 1 млн 237 тыс. 334 чел. В 1945 г. было уволено 181 847 чел. (14,7 %), в 1946 г. — 805 222 (65 %), в 1947 и 1948 гг. — 250 295 (20,3 %) офицеров [3, с. 432—433, 439].

Демобилизации подлежали специалисты народного хозяйства с высшим образованием, ограниченно годные к службе по состоянию здоровья, и офицеры, не имеющие военного образования, а также находящиеся за штатом и выслужившие сроки действительной службы

[3, с. 432—433]. В Вооруженных силах должны были остаться молодые, ценные по своим моральным и профессиональным качествам офицерские кадры. Однако вследствие сжатых сроков демобилизации и большого объема работы по аттестованию офицеров имелись многочисленные случаи нарушения требований руководящих документов. Командиры оставляли не лучших офицеров, а нужных и верных себе людей, искали любые предлоги для увольнения, невзирая на награды и почести фронтовиков. Многие офицеры, чтобы остаться в рядах Вооруженных сил, сознательно соглашались на должности со значительным понижением. Майор А.В. Пыльцын вспоминал о том, как прожил три месяца в Москве с семьей в ожидании должности: «Я постепенно становился все менее разборчив... и уже согласен был на любую должность. Вот когда с больным ребенком на руках и вновь беременной женой я "дозрел": будучи майором, дал согласие на должность старшего лейтенанта» [11, с. 452].

Демобилизованным офицерам выплачивалось единовременное денежное вознаграждение за каждый год службы в период войны из расчета: за один год — двухмесячный оклад, за два — трехмесячный, за три — четырехмесячный и за четыре — пятимесячный оклад [5, с. 55]. Каждому выдавалась продуктовая посылка весом 20 кг; кроме того, практиковались подарки — велосипеды, радиоприемники, фотоаппараты, часы и другие предметы, бывшие в наличии [3, с. 437]. «Июнь 1946 года. Получаю демобилизационные документы. У меня два чемодана, набитые трофеями, — вспоминал лейтенант-связист Л.Н. Рабичев. — Военторг распределял с реквизированных немецких складов то часы, то отрезы шелковых тканей, то дамские комбинации, то скатерти, даже вспомнить не могу, чего там только не было...» [12].

Увольнявшиеся в запас получали на руки комплект документов: отпускной билет, личное дело, выписку из приказа об увольнении, справку о состоянии здоровья или свидетельство о болезни, расчетную и вещевую книжки, продовольственный аттестат и требование на перевозку по железной дороге. Начиная с 1947 г. личные дела и справку о здоровье стали отправлять фельдсвязью в военные комиссариаты по месту учета офицеров [3, с. 438].

Перевозка демобилизованных производилась за счет государства. Отправка увольняемых осуществлялась организованно, сформированными группами воинскими эшелонами, до распределительных железнодорожных станций в отдельных вагонах пассажирских и товарно-пассажирских составах [3, с. 438]. Л.Н. Рабичев вспоминал: «В Яссах (Румыния. — Д.Ш.) формируются отдельно солдатские, отдельно офицерские составы для возвращающихся на Родину воинов-победителей» [12].

Для перемещения огромного количества людей на железнодорожных станциях было создано 68 военно-распределительных, 50 этапно-заградительных, 65 подвижных комендатур, а также военно-продовольственные пункты [17, с. 14]. Прибывшие в эшелоне демобилизованные получали горячую пищу, на крупных станциях было организовано санитарное и медицинское обслуживание (душ, бани, прачечные, па-

рикмахерские и мастерские по ремонту одежды и обуви), кратковременный отдых [4, с. 73–74]. О возвращении домой демобилизованный А. П. Уразов вспоминал: «В каком-то румынском городе поезд остановился надолго. Нас покормили в столовой горячим борщом, пловом, компотом, вымыли в бане, прожарили одежду... Здесь же мы получили продовольственные пайки на дальнейший путь» [15, с. 302].

Демобилизованным предоставлялись различные льготы. Закон о демобилизации обязывал органы местного управления, руководителей предприятий, колхозов, учреждений не позднее месяца со дня прибытия предоставлять работу, обеспечивать жильем (не менее 10 % жилой площади во вновь построенных или восстановленных домах отводилось для заселения демобилизованных офицеров, их семей, инвалидов войны и семей погибших воинов), выделять льготы для поступления в учебные заведения. В трудовой стаж демобилизованным засчитывалось время службы в Вооруженных силах, партизанских отрядах и народном ополчении, начислялись надбавки к заработной плате и т. д. [3, с. 441–442].

Несмотря на огромную потребность промышленности и сельского хозяйства в рабочих руках и различные льготы, предусмотренные правительством, при трудоустройстве офицеров повсеместно возникали трудности. Причины были следующие: демобилизация совпала по времени с переводом промышленности на мирные рельсы; многие предприятия в западных областях СССР были разрушены или эвакуированы; мобилизованные во время войны школьники не имели профессии и образования. А. В. Пыльцын вспоминал: «В Косогорском райвоенкомате я ведал учетом офицеров запаса... И что меня больше всего волновало — боевые офицеры, не имеющие гражданской специальности, вынуждены были идти на самые непрестижные должности... тем, кто не имел гражданской специальности, приходилось работать сторожами, дворниками, а то и, несмотря на тяжкие ранения, на самых тяжелых работах — навалотбойщиками в шахтах Тульского угольного бассейна. Помню даже случай, когда подполковник, бывший *начальник связи корпуса*, большой специалист-практик, но не имевший по этой отрасли специального образования, едва смог устроиться *дежурным телефонистом* в какую-то контору» [11, с. 454–455].

Трудоустройство генералов и старших офицеров по сравнению с рядовым, сержантским и младшим офицерским составом выгодно отличалось тем, что многие из них были целенаправленно назначены на руководящие должности в партийные, советские и хозяйственные органы. Так, 1067 генералов и офицеров стали начальниками главных управлений, 5691 — секретарями отделов городских и районных комитетов ВКП(б), 4975 — директорами заводов и фабрик, 4908 — главными инженерами заводов и фабрик, 15651 — начальниками цехов предприятий, 12627 — председателями колхозов [3, с. 441].

Особенно трудно приходилось уволенным по ранению и болезни. За годы войны по этой статье было уволено 3 млн 798 тыс. 158 чел., из них стало инвалидами 2 млн 576 тыс. Статистика показывает: в верхние конечности было ранено 35,2 % и в нижние конечности 35,6 %, что в

сумме составляет 70,8 % [2, с. 57]. Инвалиды были обязаны ежегодно проходить медицинскую комиссию для подтверждения инвалидности. Нищенство калек на базарах и вокзалах стало характерной приметой послевоенного времени [16, с. 32]. В. Кондратьев вспоминал: «И этих несчастных, даже безногих и безруких, гоняли каждый год на ВТЭК для подтверждения инвалидности, словно за это время могли отрасти руки и ноги. Чем, как не неприкрытым издевательством, являлся такой идиотский порядок?» (цит. по: [13, с. 58]). В. Кардин писал: «Инвалиды выстаивали в долгих очередях за протезами, наподобие деревяшек, на которых ковыляли потерявшие ногу под Бородино. Самых изуверченных собирали в колониях, размещенных в глухих, дальних углах. Дабы не портили картину общего процветания» [7, с. 7]. Министр внутренних дел генерал-полковник С.Н. Круглов докладывал 20 февраля 1954 г. о количестве задержанных: во втором полугодии 1951 г. — 107766 чел., в 1952 г. — 156817 чел., а в 1953 г. — 182342 чел. Среди задержанных нищих инвалиды войны и труда составляли 70 % [10].

Государство делало все возможное для оказания помощи инвалидам войны. В послевоенное время были разработаны новые методы диагностики и лечебно-профилактической работы с учетом специфики лечения инвалидности. Были внедрены новые конструкции протезов, проводились операции по устранению всевозможных изъянов и уродств тела. Создавались кооперации инвалидов, широкое распространение получило надомничество. Членам кооперативов государство предоставляло различные социальные льготы — льготные кредиты, сырье, укороченный до 6—7 ч рабочий день, дифференцированные по группам инвалидности нормы выработки. Для нуждающихся в постороннем уходе и врачебном наблюдении создавались инвалидные дома, находившиеся на полном государственном обеспечении, медицинском и культурном обслуживании [18, с. 103—104].

После демобилизации многие офицеры решили продолжить обучение. На начало войны в СССР числилось 811 тыс. студентов в 817 высших учебных заведениях, из них в первый год войны на фронт ушли почти 600 тыс., еще 100 тыс. — в 1942 г. Число аспирантов уменьшилось с 13 169 чел. в июне 1941 г. до 800 чел. в феврале 1942 г. Начиная с 1943 г. правительство СССР принимало меры по увеличению объема подготовки квалифицированных кадров путем ужесточения «брони» и частичного возврата студентов и аспирантов с фронта в вузы. Студенты-фронтовики поспешили в учебные аудитории. Характерной деталью их облика была военная форма — гимнастерка, галифе, сапоги, шинель. При приеме в вузы фронтовики проходили собеседование или сдавали экзамен [9, с. 73, 78]. Вот как вспоминал о своем зачислении на Высшие инженерные курсы Министерства угольной промышленности СССР демобилизованный А.П. Уразов: «На экзаменах я отвечал лишь в общих чертах на вопросы преподавателей; никаких формул не помнил и старался выпятить грудь с орденами Славы, Красной Звезды, медалью "За отвагу" и другими наградами. И это помогло» [15, с. 349]. Только в 1945/46 учебном году к занятиям вернулись не менее 100 тыс. демобилизованных фронтовиков [9, с. 78].

Первые послевоенные годы характеризуются ростом преступности. Нельзя сказать, что у этого явления не было предпосылок, тяжелая криминогенная ситуация складывалась на протяжении всей войны. Так, уровень преступности в 1942 г. по сравнению с 1941 г. возрос на 22 %, в 1943 г., по сравнению с предыдущим — на 21 %, а в 1944 г. соответственно — на 8,6 %. И хотя в первом полугодии 1945 г. уровень преступности снизился на 10 %, уже в 1946 г. он возрос на 20 %, а в 1947 г. прирост составил более 46 % [6, с. 358; 1, с. 7]. С войны домой возвращались фронтовики, длительное время находившиеся в опасности и в состоянии нервного напряжения, что неизбежно влекло за собой психические расстройства, которые отмечались у 38 % участвовавших в боевых действиях. Война наложила жестокий отпечаток на поведение фронтовиков, в различных ситуациях они тяготели к силовым методам решения проблем, проявляя так называемый фронтовой максимализм, что встречало в послевоенном обществе опаску и непонимание [13, с. 56, 58]. Нередко ветераны злоупотребляли спиртным, вследствие чего совершали различные преступления, в том числе с применением оружия. К примеру, Герой Советского Союза, капитан С. С. Иванов был осужден по статье «Грабеж» на десять лет, вышел досрочно по амнистии [8, с. 52, 65]. Герой Советского Союза, командир взвода, гвардии младший лейтенант А. Г. Станев в состоянии алкогольного опьянения совершил преступление, попал в тюрьму и лишился всех наград [14]. Автору не удалось найти статистику совершения преступлений демобилизованными офицерами. Вне всякого сомнения, однако, демобилизация такого количества фронтовиков в сжатые сроки усугубила криминогенную ситуацию в послевоенные годы.

После окончания Великой Отечественной войны была быстро проведена беспрецедентная демобилизация огромного количества военнослужащих. Перемещение, снабжение, обеспечение передвижения в пределах страны и Восточной Европы, освобожденной от фашизма, происходило за счет государства. Масштабность происходящего приводила к различным недочетам в управлении этими процессами.

Демобилизованные офицеры возвращались в страну, разоренную одной войной и втянутую в новую — «холодную». Социальный вопрос для государства не являлся приоритетным, демобилизованные и их семьи сталкивались с жилищными проблемами, непониманием со стороны органов местного управления. Данные проблемы были неодинаковы в разных регионах: в западных районах, с разрушенным жилищным фондом, в крупных городах социальный вопрос был очень актуален, в центральных и восточных районах стоял менее остро. Благодаря предпринимаемым государством мерам в социальной сфере градус напряженности постепенно шел на убыль.

Большое количество прибывших с войны сталкивалось с проблемами при трудоустройстве. Экономика, перешедшая на военный лад, возвращалась в мирное русло. В мирное время предъявлялись повышенные требования к качеству и технологичности продукции, вследствие чего предприятиям требовались квалифицированные специали-

сты. Трудоустройство офицерского состава шло менее болезненно благодаря целенаправленному назначению демобилизованных на руководящие и хозяйственные должности.

Инвалиды войны являлись самой социально незащищенной категорией демобилизованных. Государство было просто не в состоянии одномоментно социально обеспечить такое количество ограниченно годных или нетрудоспособных фронтовиков. Пенсии были ничтожными, домов инвалидов не хватало, трудоустроиться было сложно, поэтому многие фронтовики нищенствовали.

Большое количество демобилизованных имели психические расстройства, что затрудняло их социализацию, ухудшало криминогенную ситуацию. С течением времени значительная часть фронтовиков смогла интегрироваться в мирное общество, однако первые послевоенные годы были самыми напряженными.

К сожалению, опыт проведения демобилизации после окончания Великой Отечественной войны и решения многочисленных связанных с этим проблем не был тщательно проанализирован. Многие участники войны в Афганистане (1979–1989), первой (1994–1996) и второй (1999–2000) «чеченских войн» испытывали аналогичные проблемы социализации при возвращении к мирной жизни.

Список источников и литературы

1. Богданов С. В. «Теневая» грань советской повседневности первых послевоенных лет: власть, общество, уголовная преступность // Известия РГПУ. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2009. №103. С. 7–15.
2. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андронников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. М., 2010.
3. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. А. П. Белобородова. М., 1963.
4. Градосельский В. В. От парада Победы к демобилизации Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2002. №5. С. 71–75.
5. Двенадцатая сессия Верховного Совета СССР. 22–23 июня 1945 г. : стеногр. отчет. М., 1945.
6. Зефиоров М. В., Дёгтев Д. М. Всё для фронта? Как на самом деле ковалась победа. М., 2009.
7. Кардин В. К вопросу о белых перчатках : публицистика. М., 1991.
8. Конев В. Н. Герои без Золотых Звезд. Прокляты и забыты. М., 2008.
9. Ларионов А. Э. Проблемы реадaptации студентов-фронтовиков к учебному процессу после Великой Отечественной войны // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. №1. С. 72–81.
10. О мерах по предупреждению и ликвидации нищенства : доклад МВД СССР в Президиум ЦК КПСС от 20 февраля 1954 г. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1007415> (дата обращения: 17.03.2019).
11. Пыльцын А. В. Главная книга о штрафбатах. М., 2009.
12. Рабицев Л. Н. Война все спит. Воспоминания офицера-связиста 31 армии. 1941–1945 гг. URL: <https://scisne.net/a-1693?pg=22> (дата обращения: 15.03.2019).

13. *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
14. *Станев Анатолий Георгиевич.* URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=111642 (дата обращения: 20.03.2019).
15. *Уразов А. П.* Судьба штрафника. «Война все спишет»? М., 2012.
16. *Федченко М. Н.* Повседневная жизнь советского человека (1945–1991 гг.) : монография. Курган, 2009.
17. *Феськов В. И., Голиков В. И., Калашников К. А., Слугин С. А.* Вооруженные Силы СССР после Второй мировой войны: от Красной Армии к Советской. Томск, 2013.
18. *Юсупов Р. Г.* Исторический аспект социальной интеграции инвалидов после Великой Отечественной войны (1946–1950-е гг.) // Вестник УГАЭС. Сер.: Экономика. 2012. №1. С. 102–105.

Об авторе

Дмитрий Викторович Шуняков — канд. ист. наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия.
E-mail: konigsberg039@mail.ru

The author

Dr Dmitry V. Shunyakov, the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russia.
E-mail: konigsberg039@mail.ru

И. П. Максимов**ИСТОКИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
НЕМЕЦКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА**

61

Число федеративных государств в современном мире крайне невелико. Федеративная Республика Германия является наиболее крупной и известной федерацией Европы. Однако немецкая демократия и немецкий федерализм часто воспринимаются как политические ценности, навязанные извне в результате поражения страны во Второй мировой войне. Такой подход нуждается в пересмотре. Хотя Германия не обладала столь глубокими традициями парламентаризма, как Франция или Великобритания, или федерализма, как Соединенные Штаты Америки, немецкая история не была лишена определенных предпосылок как демократии, так и федерализма. Разумеется, государственно-территориальное устройство кайзеровской Германии существенным образом отличалось от США и имело свою специфику. В настоящей статье освещены исторические предпосылки немецкого федерализма, сложившиеся в конце XIX в. в ходе образования Северо-германского союза и Германской империи в 1871 г.

The number of federal states in the modern world is extremely small. The Federal Republic of Germany is the largest and most famous federation in Europe. However, German democracy and German federalism are often perceived as externally imposed political values as a result of the country's defeat in World War II. Such an attitude needs revising. Of course, Germany did not have the same deep tradition of parliamentarism as France or Great Britain, or federalism like the United States of America, but German history was not deprived of certain prerequisites for both democracy and federalism. Of course, the state-territorial structure of Kaiser Germany was significantly different from the United States and had its own specifics. In this article, the author attempts at illuminating the historical origins of German federalism that developed at the end of the 19th century during the formation of the North German Union and the German Empire in 1871.

Ключевые слова: Германская империя, Пруссия, федерализм, унитаризм, О. фон Бисмарк.

Keywords: German Empire, Prussia, Federalism, Unitarism, O. von Bismarck.

Сегодняшняя Германия — наиболее крупная западноевропейская федерация, обладающая собственной моделью федерализма. Конечно, немецкий федерализм воспринимается как продукт деятельности союзников после Второй мировой войны, однако немецкая союзная традиция имеет куда более глубокие корни.

О появлении традиций федерализма с некоторыми оговорками можно говорить уже при рассмотрении Священной Римской империи. Однако Германия как единое государство возникла гораздо позже. В августе 1866 г. в результате австро-прусской войны был создан Северо-

германский союз, возглавляемый Пруссией. В него вошли двадцать два германских государства, расположенных к северу от реки Майн. Управление союзом отдавалось прусскому королю («президенту»), канцлеру и двум палатам, нижняя из которых избиралась на основе всеобщего избирательного права. Вне Союза оставались южные немецкие государства: Бавария, Саксония, Вюртемберг, Баден и другие. Через несколько лет процесс объединения страны завершился, и в 1871 г. на базе Северо-германского союза была провозглашена Германская империя: 16 апреля 1871 г. рейхстаг утвердил конституцию нового государства.

Германская империя представляла собой довольно сложное государственное образование. Конституция не называла прямо форму государственного устройства, но содержала ряд положений, которые указывали на федеративный характер создаваемого государства. Так, во вводной части конституции империя определялась, как «вечный союз», заключенный между прусским королем от имени Северогерманского союза, с одной стороны, и королями Баварии, Вюртемберга, великими герцогствами Бадена и Гессена — с другой. Территория империи рассматривалась в качестве «союзной территории», а государства, вошедшие в состав империи, — как «союзные государства». Важным имперским органом стал Союзный совет (бундесрат).

Своеобразие нового образования состояло в том, что его юридической основой являлись договоры, заключавшиеся исключительно между монархами «союзных государств». Сама конституция определяющим признаком союзного государства признавала наличие отдельной династии. Так, Саксен-Кобург-Гота состоял из двух частей — Кобурга и Готы, имевших собственные ландтаги, но одну герцогскую династию, и поэтому он считался одним союзным государством. В Мекленбург-Шверине и Мекленбург-Стрелице, наоборот, действовал один общий ландтаг, но они считались самостоятельными союзными государствами, так как имели разные династии. Таким образом, в основу создания федерации был положен династический принцип.

Германская империя состояла из двадцати двух монархий, трех вольных городов (Любек, Гамбург, Бремен) и имперской земли (Эльзас и Лотарингия). Таким образом, в новое государство входили династические государства самого разного уровня (королевства, великие герцогства, герцогства, княжества), республики — вольные города, а также земли на особом положении. Но кроме различных форм государственного устройства, субъектов Германской империи разделяло и совершенно разное экономическое и политическое положение.

Роль первой скрипки в Германии играло королевство Пруссия, которое полностью доминировало в стране. По территории и населению Пруссия была крупнейшим государством империи (65 % территории, 62 % населения на 1905 г.) [11, S. 1]. Совершенно ясно, что экономический вес оставшихся субъектов империи был несоизмеримо ниже: на долю семнадцати других государств приходился всего 1 % территории и 10 % населения. По меткому выражению американского правоведа А.Л. Лоуэлла, конституция Германской империи представляла собой

«договор между львом, полудюжиной лисиц и двумя десятками мышей» (цит. по: [3, с. 103]). Свое экономическое и политическое господство Пруссия закрепила конституционно.

Главой государства был император, который одновременно являлся прусским королем (ст. 11) [8, S. 389]. Император обладал законодательной инициативой, созывал, открывал и распускал рейхстаг. Он являлся президентом союзного совета (бундесрата), имел широкие полномочия в сфере внешней политики, исполнительной власти, осуществлял исключительное руководство военными силами империи. Он же назначал имперского канцлера, которому отводилась весьма значимая роль в немецкой политической жизни.

Канцлер был единственным ответственным министром, назначался и снимался императором и был ответственен только перед ним. Одновременно он являлся прусским министр-президентом (хотя в конституции это совмещение не было закреплено, но на практике оно превратилось в правовую обычай, исключения составили Бисмарк в 1873 г. и Каприви в 1892—1894 гг.). В соответствии с законом от 17 марта 1878 г., канцлер получил возможность иметь заместителей, которые превратились в статс-секретарей. Вице-канцлером считался статс-секретарь внутренних дел. К началу нового века сложилось семь ведомств, возглавлявшихся статс-секретарями. Военного ведомства в империи не было, фактически эту роль исполнял генеральный штаб [5, с. 35]. Координирующим органом работы имперских ведомств выступала имперская канцелярия. Правительство как коллегиальный орган отсутствовало.

Таким образом господство Пруссии в системе исполнительной власти империи было доминирующим. Но конституция отражала только одну сторону дела. Реально на практике политический вес прусских министров был подчас серьезнее, чем у имперских статс-секретарей, от которых реально мало что зависело. Это, например, целиком и полностью касалось ведомства финансов, так как статс-секретари менялись слишком часто, и прусские министры имели возможность перенаправлять внутренние финансовые потоки в пользу Пруссии.

Таким же существенным было влияние Пруссии и в системе законодательной власти. Законодательных органов в стране было по сути два — рейхстаг и бундесрат. Несмотря на то, что между ними была определенная законодательная взаимосвязь, они не являлись палатами одного парламента [6, с. 284]. Бундесрат назначался правительствами немецких государств, прусских депутатов соответственно назначал король Пруссии (Раздел III конституции) [8, S. 388—389]. Из 58 депутатов бундесрата 17 представляли Пруссию. При этом она могла воспрепятствовать любому изменению конституции, так как для отклонения изменений достаточно было подачи 14 голосов «против». Бундесрат имел право на издание без санкции рейхстага указов (ст. 7), имеющих силу закона. Любой отклоненный рейхстагом законопроект мог быть передан в бундесрат, отредактирован и принят как его указ. Все законы рейхстага утверждались бундесратом, который также обладал правом вето. Досрочный роспуск рейхстага предусматривался и по постанов-

лению бундесрата. В ведении последнего находились также бюджетные и финансовые вопросы. В связи с полным доминированием Пруссии в бундесрате многие депутаты мелких немецких земель зачастую не посещали его заседания [8, S. 388]. Председательствовал в союзном совете имперский канцлер. Без его согласия не допускалось изменение законов о таможенных пошлинах и ряде налогов, голосу председателя придавалось решающее значение во всех случаях разделения голосов в бундесрате.

Вторым законодательным органом империи был рейхстаг. Рейхстаг (Раздел V конституции), в отличие от бундесрата, избирался, а не назначался. В империи действовало всеобщее избирательное право, однако оно было весьма условным, так как не имели права голоса женщины, молодежь до 25 лет, военнослужащие — в целом избирательным правом пользовалось примерно 20 % жителей империи. При этом за весь период существования кайзеровской Германии население активно участвовало в выборах, и явка оставалась стабильно высокой (75,7 % в 1903 г.) [12, S. 328]. Рейхстаг избирался на пять лет, число депутатов составляло 397 человек. Его можно было распустить, что неоднократно совершалось в 1887, 1893, 1906 гг., депутаты рейхстага до 1906 г. не получали жалованья.

Рейхстаг имел право интерpellаций (запросов) канцлеру, которые должны были быть поддержаны не менее чем 30 депутатами и передавались через бундесрат. Законодательная работа осуществлялась следующим образом: с инициативой могла выступить группа депутатов (не менее 15 человек), потом законопроект через канцлера передавался на обсуждение в рейхстаг, где рассматривался в трех чтениях. Первое чтение было общим, и по его результатам назначалась комиссия, разрабатывавшая детальный проект. Во втором чтении обсуждались поправки к коммиссионному проекту, в третьем — поправки, за которые высказалось не менее 30 депутатов. Заседания рейхстага были открытыми, но по решению депутатов, в соответствии с §36 «Основами распорядка» рейхстага от 21 марта 1871 г., могли быть и закрытыми [7, S. 423—434].

Таким образом, роль имперского канцлера в законотворческом процессе не ограничивалась бундесратом, но распространялась и на рейхстаг. Все это приводило к тому, что не только исполнительная, но и законодательная система власти в империи, контролировалась Пруссией.

Гегемония Пруссии закреплялась тем, что она располагала силовыми средствами давления — ей была подконтрольна армия. Император имел право вводить военное положение на любой территории страны и, в случае надобности, направлять туда войска (ст. 66). Руководство армией, вопросы назначения на высшие армейские посты и т.д. — все это находилось в ведении кайзера. Необходимо также отметить, что остальные субъекты Германии не имели собственных воинских сил — исключение составляла Бавария. Вся территория Германии была разделена на 19 армейских округов, к которым добавлялись три отдельных баварских округа. Баварская армия имела собственное командование, свою униформу, но численно ни при каких обстоятельствах не могла тягаться с Пруссией [1; 2].

Распределение полномочий между субъектами и империей фиксировалось в ст. 4, и было в пользу последней. К ведению империи относились такие важные вопросы, как паспортный режим, переселение в другие страны и передвижение внутри государства, таможенное, торговое и налоговое законодательство, определение системы мер, веса и денежной системы, выпуск бумажных денег, банковское дело (характерно, что Прусский банк был преобразован в имперский), международные связи, транспортная система, почта, телеграф, гражданское и уголовное судопроизводство, судоходство и пр. В качестве уступки южногерманским государствам высшая судебная инстанция — имперский суд — располагался в саксонском городе Лейпциге.

В компетенции членов империи находилось все, что не было указано в ст. 4. Но и в этом случае общеимперские законы при их применении имели в соответствии со ст. 2 конституции, преимущество перед местными законами. Вопросы местного самоуправления, основные права и свободы граждан регулировались местными конституциями. При этом конституции субъектов федерации очень сильно отличались друг от друга. Традиционно южногерманские государства обладали довольно либеральными конституциями, а местные права и свободы их граждан были гораздо шире, чем у жителей Пруссии и северо-восточной части страны.

Характерной особенностью «федерализма» Германской империи было не только доминирование Пруссии, но и ее более консервативное политическое устройство, что накладывало глубокий отпечаток на всю политическую систему страны. Политическая система Пруссии строилась на основе Конституционной хартии 1850 г. [4; 15]. По сути, это была первая конституция в истории Пруссии. Документ, принятый сразу после победы контрреволюции, отличался значительной реакционностью. Верховной властью в стране, естественно, обладал король, который созывал и распускал ландтаг, имел законодательную инициативу (ст. 64) и право вето на решения ландтага (ст. 62), решал вопросы войны и мира, командования вооруженными силами [15, S. 507]. Законодательным органом являлся двухпалатный ландтаг, состоявший из палаты господ и палаты депутатов. Палата господ наполовину избиралась, наполовину назначалась, однако со временем она превратилась в полностью назначаемый орган. Со временем верхняя палата ландтага стала прибежищем для отставных политиков, которые заканчивали там свою карьеру. Палата депутатов избиралась на основе двухступенчатых выборов, избиратели определяли выборщиков, а те голосовали за депутатов (ст. 71) [15, S. 508]. Избиратели делились на три категории (курии) в зависимости от величины уплачиваемого налога, и каждая из них избирала одинаковое количество выборщиков. Деление это происходило крайне неравномерно, фактически на выборах в ландтаг 1908 г. голос избирателя из первой курии приравнивался к 22 голосам избирателей из третьей курии. Правом голоса обладали мужчины, достигшие 24 лет и проживавшие на одном месте не менее полугода.

Такая система давала возможность консервативным партиям, представлявшим юнкерство, проводить в ландтаг значительное число своих кандидатов. После выборов 1903 г. из 433 депутатов 201 представлял две

консервативные группы, Центр имел 98 мандатов, национал-либералы — 75, леволиберальные партии — 34, социал-демократы вообще не имели представительства [13, Bd. 282, S. 27; 14]. И хотя консерваторы не имели в ландтаге даже простого большинства, на практике их часто поддерживали католики и национал-либералы, поскольку в рядах этих партий имелось немало депутатов, стоявших на близких к консерваторам позициях. Это приводило к тому, что в конечном счете ландтаг отстаивал точку зрения консерваторов, которые в основной своей массе представляли юнкерство. Главный печатный орган немецкой социал-демократии «Форвертс» остроумно называл прусский ландтаг «юнкерским домом» [16].

Прусские министры фактически не подчинялись ландтагу и не несли коллективной ответственности. Кроме того, их функционал во много дублировал функционал имперских статс-секретарей, что приводило к трениям и соперничеству между министрами и статс-секретарями.

Декларируемые хартией права и свободы во многом были условны. Так, например, объявлялось право собраний, однако они могли проводиться только «под крышей» (ст. 29), то есть в помещении, причем в помещении, которое не принадлежало человеку, назначившему собранию [15, S. 504]. На практике это приводило к тому, что для собраний необходимо было арендовать помещения, что многим было не по карману. В начале XX в. либерально настроенная немецкая общественность постоянно роптала, что империя по сути управляется либерально, а Пруссия — консервативно [10, S. 421; 9, S. 396].

Конституция 1871 г. предусматривала санкции в случае невыполнения членами империи своих конституционных обязательств, причем решение об их использовании должен был определять бундесрат, задуманный как орган представительства субъектов империи.

Наиболее широкие права в федерации помимо Пруссии имела Бавария, которая, как уже упоминалось, обладала собственными воинскими силами, на имела определенную финансовую независимость, сохраняла определенную автономию в области законодательства, управления почтой, телеграфом, а также собственное налогообложение производства водки и пива, которое было единым для всей остальной империи. Наконец Бавария, как и некоторые члены союза (Вюртемберг), сохраняла в других государствах свои дипломатические представительства. Нелишне напомнить, что и в сегодняшней ФРГ Бавария занимает особое место, отличающее ее от других членов федерации. Помимо этого, члены союза имели своих представителей в других субъектах империи, обладали ландтагами и местными конституциями.

Подводя итоги, необходимо признать, что «немецкий федерализм» имел явно неравноправный характер и выглядел скорее промежуточной случайностью, нежели законченной политической системой. Ряд противоречий между субъектами империи и центральной властью, а также между самими субъектами ставил на повестку дня вопрос о трансформации федеративной системы Германии. Сложность и противоречивость созданной Бисмарком федерации упростили развал политической модели после Ноябрьской революции, но, что характер-

но, не поставили крест на традициях немецкого федерализма, поэтому доминирование Пруссии сохранилось в веймарский и нацистский периоды. И только Вторая мировая война, прекратившая существование Пруссии как государственно-территориального образования, создала условия для формирования принципиально иной модели федеративного устройства.

Список источников и литературы

1. Герлиц В. Германский генеральный штаб. История и структура. 1657—1945. М., 2005.
2. Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650—1945. М., 2007.
3. Кастель Е.Р. Некоторые специфические черты конституционализма в Германской империи 1871 г. // Государственное управление и право: история и современность. Л., 1984.
4. Конституционная хартия Пруссии // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. Н. А. Крашенинниковой. М., 2003. Т. 2. С. 292—297.
5. Максимов И.П. Внутренняя политика канцлера Германской империи Бернгарда фон Бюлова в 1900—1909 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2008.
6. Прокопьев В.П. Государство и армия в истории Германии X—XX вв. Калининград, 1998.
7. *Geschäftsordnung für den Reichstag* // Dokumente zur deutsche Verfassungsgeschichte. Stuttgart ; Berlin ; Köln ; Mainz, 1986. Bd. 2. S. 423—434.
8. *Gesetz betreffend die Verfassung des Deutschen Reiches* // Dokumente zur deutsche Verfassungsgeschichte. Stuttgart ; Berlin ; Köln ; Mainz, 1986. Bd. 2.
9. Holstein F. v. Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Göttingen ; Berlin ; Frankfurt a/M, 1963. Bd. 4.
10. Monts A. Erinnerungen und Gedanken. Berlin, 1932.
11. *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich*. 1907. Berlin, 1907.
12. *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich*. 1913. Berlin, 1913.
13. *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Preussischen Herrenhauses*. Berlin, 1900—1909.
14. *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Preußischen Haus des Abgeordneten*. 1902. Drucksachen.
15. *Verfassungsurkunde für den Preußischen Staat* // Dokumente zur deutsche Verfassungsgeschichte. Stuttgart ; Berlin ; Köln ; Mainz, 1978. Bd. 1. S. 501—514.
16. *Vorwärts*. 25 июня 1909.

Об авторе

Илья Павлович Максимов — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: iliamaks@mail.ru

The author

Dr Ilya Maksimov, Assistant Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: iliamaks@mail.ru

М. Е. Мегем

ИСТОРИЯ ЛИТВЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

68

Рассмотрен процесс создания дореволюционных отечественных научных школ, специализирующихся на исследовании истории Великого княжества Литовского. В XVIII — первой половине XIX в. история Литвы воспринималась российскими учеными как «чужая» и не вызывала большого интереса. Ситуация изменилась после Январского восстания (1863 — 1864 гг.): внимание политиков к литовской истории предопределило формирование дореволюционных литуанистических научных центров в университетах Киева, Москвы и Санкт-Петербурга. Благодаря стараниям таких историков, как Н.Д. Иванишев, М.Ф. Владимирский-Буданов, Ф.И. Леонтович, В.Б. Антонович, К.Н. Бестужев-Рюмин и др., литовская история стала самостоятельным исследовательским направлением, органично вписанным в контекст дореволюционной отечественной историографии. Венцом развития изучения литовской истории становится творчество М.К. Любавского и А.Е. Преснякова, многие выводы которых не устарели по настоящее время.

The article discusses developing pre-revolutionary national academic schools which studied of the history of the Grand Duchy of Lithuania. In the 18th — the first half of the 19th century the history of Lithuania was perceived by Russian scholars as “alien” and did not receive much interest. The situation changed after the “January Insurrection” (1863 — 1864): the attention of politicians to Lithuanian history predetermined the establishment of pre-revolutionary lithuanistic research centers at the universities of Kiev, Moscow and St. Petersburg. Due to the efforts of such historians as Nikolay Ivanishew, Mikhail Vladimirovsky-Budanov, Fyodor Leontovich, Vladimir Antonovich, Konstantin Bestuzhev-Ryumin et al., Lithuanian history became a specific research area, naturally inscribed in the context of pre-revolutionary national historiography. The works of Matvey Lyubavsky and Alexander Presnyakov, whose conclusions in many aspects are still relevant, achieved the paramount importance in Lithuanian historical studies.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, дореволюционная российская историография второй половины XIX — начала XX в., Киевская школа историков, дореволюционная литуанистика, В.Б. Антонович, К.Н. Бестужев-Рюмин, М.К. Любавский, А.Е. Пресняков.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, pre-revolutionary Russian historiography of the second half of the 19th — early 20th century, Kiev history school, pre-revolutionary lithuanism, Vladimir Antonovich, Konstantin Bestuzhev-Ryumin, Matvey Lyubavsky, Alexander Presnyakov.

История Великого княжества Литовского (ВКЛ) вызывала и вызывает пристальный интерес со стороны отечественных исследователей. Но так было не всегда. В XVIII — первой половине XIX в. к литовскому

прошлому российские историки обращались нерегулярно и эпизодически. Как правило, это происходило лишь в контексте описания русско-литовских взаимоотношений¹. Ситуация изменилась во второй половине XIX в. Второе польское восстание² (1863—1864), получившее широкую поддержку со стороны литовского населения, произвело огромное впечатление на российскую интеллигенцию, которая задалась вопросом, почему литовцы неожиданно выступили на стороне поляков. Так восстание и последовавшая за ним рефлексия по поводу того, в каком отношении к России находится литовский народ, привели к разработке предмета «История Литвы» в отечественной историографии³. В рамках данной статьи на основе сравнительно-исторического и историко-генетического методов рассматривается процесс оформления и институционализации отечественных дореволюционных научных центров, на базе которых изучение литовского Средневековья приобрело системный характер.

Во второй половине XIX в. одним из ведущих центров, разрабатывавших историю Литвы, становится Киевский университет им. Св. Владимира. Большая заслуга в этом принадлежит декану юридического факультета Н.Д. Иванишеву, который подготовил целую плеяду талантливых ученых, занимавшихся изучением различных аспектов прошлого ВКЛ. Среди его учеников стоит выделить историков-юристов М.Ф. Владимирского-Буданова, Ф.И. Леонтовича и историка В.Б. Антоновича, которые составили первое поколение киевской школы. Научные изыскания ее представителей базировались на сравнительно-историческом методе, а в тематическом отношении акцент был сделан на анализе истории государства и права ВКЛ. Очень подробно освещалось прошлое юго-западных русских земель, оказавшихся в составе Литовско-Русского государства [25, с. 3—4].

М.Ф. Владимирский-Буданов в 1868 г. выпустил работу «Немецкое право в Польше и Литве», на основании которой через год защитил магистерскую диссертацию [12]. Автор касается проблематики магдебургского права и его воздействия на городское самоуправление. Уже возглавляя кафедру истории русского права юридического факультета Киевского университета, М.Ф. Владимирский-Буданов написал «Очерки из истории литовско-русского права», где помимо юридических моментов затронул проблему вхождения Северо-Западных и Юго-Западных русских земель в состав Литвы [13]. Его перу также принадлежит сочинение «Население Юго-Западной России от половины XIII до

¹ За единственным исключением — работы Н.Г. Устрялова «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское». Подробнее об этом: [24].

² В историографии второе Польское восстание также называют Январским восстанием.

³ Под отечественной дореволюционной историографией в статье подразумевается комплекс трудов, написанных на русском языке в контексте русской исторической традиции. Сочинения дореволюционных литовских и польских ученых не включаются в поле исследования.

половины XVII вв.», где он уделяет внимание вопросам, связанным с влиянием Литвы на население, этнографический и социальный состав Юго-Западной России [11].

Крупной фигурой в области исследования истории Литвы был Ф.И. Леонтович, опубликовавший множество работ, посвященных различным правовым аспектам литовско-русского прошлого. В одном из основных своих сочинений, «Очерки истории Литовско-Русского права: Образование территории Литовского государства», он проанализировал процесс формирования территории Литовско-Русского государства [22]. Преподавая в Новороссийском университете, Ф.И. Леонтович включил историю права ВКЛ в общий курс истории русского права.

История Литвы привлекла внимание В.Б. Антоновича, который внес важный вклад в становление отечественной литуанистики. В 1878 г. он с успехом защитил диссертацию «Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда». В том же году появилась книга «Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия» [1], а в 1885 г. ученый издал монографию, в которой объединил все свои научные штудии по истории Западной и Юго-Западной России [2]. Основным предмет исследования для В.Б. Антоновича — это взаимодействие и взаимовлияние русского и литовского народов, входивших в состав ВКЛ.

Исторический кругозор Н.П. Дашкевича сложился под влиянием первого поколения киевских историков. В первой половине 1880-х гг. в произведении «Заметки по истории Литовско-Русского государства» он подверг серьезной критике некоторые положения В.Б. Антоновича по литовско-русской истории [14, с. 31, 34, 101]. В конечном счете В.Б. Антонович был вынужден пересмотреть ряд пунктов своей концепции о борьбе русского и литовского начал в истории Литвы.

Благодаря стараниям В.Б. Антоновича из стен университета были выпущены такие специалисты в области прошлого земель Древнерусского государства, вошедших в состав ВКЛ, как А.М. Андрияшев, Д.И. Багалей, П.В. Голубовский, А.С. Грушевский, М.С. Грушевский, В.Е. Данилевич, М.В. Довнар-Запольский. На ниве истории права ВКЛ трудились последователи М.Ф. Владимирского-Буданова Н.А. Максимейко, И.А. Малиновский, М.Н. Ясинский [25, с. 50–60].

Венцом карьеры представителя киевской школы историков и специалиста в области права ВКЛ Ф.И. Леонтовича стала работа в Новороссийском университете, где он служил ректором и деканом юридического факультета. Как раз в это время в университете начинал трудиться экстраординарный профессор русской истории М.П. Смирнов, перебравшийся в 1865 г. в Одессу из Санкт-Петербурга. Именно его сочинение стало первой в российской историографии докторской диссертацией, защищенной по литовской тематике. В 1868 г. он получил степень доктора благодаря первой части своей книги «Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею», опубликованной в Записках Императорского Новороссийского университета. В своей диссертации историк прослеживает взаимосвязь между причинами заклю-

чения Кревской унии и личностью литовского князя Ягайло [31, с. 9]. Вторая часть так и не увидела свет из-за скоропостижной смерти автора в 1877 г.

Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета имел давние в России традиции изучения литовской старины. У истоков этого центра литуанистики в первой половине XIX в. стоял Н.Г. Устрялов, который впервые в отечественной науке попытался ответить на вопрос: какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? В 1859 г. кафедру русской истории в связи с отставкой Н.Г. Устрялова занял вернувшийся из ссылки этнограф и историк Н.И. Костомаров, который выдвинул литовско-жмудскую теорию происхождения Руси: за правым рукавом р. Неман проживал народ, именуемый «русью», являвшийся одним из литовских племен и принесший с собой название Русь на наши земли [18, с. 5–7]. С такими умозаключениями не согласился именитый ученый М.П. Погодин, что привело к публичному диспуту, состоявшемуся между ними в 1860 г. По воспоминаниям активиста организации «Земля и воля», выпускника университета тех лет Л.Ф. Пантелеева, «все лекции, вместе взятые, не дали столько студенческой кассы, как диспут Погодина с Костомаровым» [26, с. 164–165].

Известный русский источниковед и историограф К.Н. Бестужев-Рюмин продолжил работу своих предшественников в сфере изучения истории ВКЛ. Вслед за Н.И. Костомаровым, будучи заведующим кафедрой русской истории Петербургского университета, в своем двухтомнике «Русской истории» он осветил вопросы, связанные с историей Литвы. Во второй том вошла большая глава о Литве, не опубликованная в первой книге из-за значительного объема [9]. Историк считал, что история Западной России поможет понять историю Киевской Руси, «великорусское племя и его последующую историю» [10, с. 494]. Именно К.Н. Бестужеву-Рюмину принадлежит заслуга в подготовке большой группы исследователей Петербургского университета, разрабатывавших историю ВКЛ. Образовательная и научная деятельность ученого оказалась толчком к развитию литуанистического направления.

Его воспитанниками были А.И. Барбашев, который получил степень магистра за диссертацию «Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы 1410 г.» [3], и И.П. Филевич, отстаивавший положения своего магистерского труда «Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие» [32]. В итоге А.И. Барбашев посвятил все свое творчество периоду правления литовского князя Витовта. Из-под его пера помимо упомянутой диссертации вышли следующие произведения: «Витовт последние двадцать лет княжения 1410–1430» [6], «Таненбергская битва 1410 г.» [4] и «Торнский мир» [5]⁴. И.П. Филевич, получив образование в Санкт-Петербурге, оказался на кафедре русской

⁴ Научное творчество А.И. Барбашева подвергалось значительной критике со стороны научного сообщества. Так, например, его исследование, посвященное литовскому князю Витовту и представленное на получение степени доктора в Петербургском университете, было отклонено.

истории в Варшавском университете. В Царстве Польском он написал книгу «История древней Руси: территория и население», в которой, описывая литовское прошлое, заострял внимание на русской сущности ВКЛ [33, с. 138–140].

Любимым учеником К.Н. Бестужева-Рюмина был Е.Ф. Шмурло, концепция российской истории которого была создана под влиянием наставника. Е.Ф. Шмурло, так же как и его научный руководитель, придерживался позиции, в соответствии с которой в Средние века существовало два центра объединения раздробленных русских княжеств — Москва и Литва [34, с. 7–8, 18–19].

С.Ф. Платонов за годы учебы в Петербургском университете равным образом очень многое почерпнул от К.Н. Бестужева-Рюмина. Несмотря на то что С.Ф. Платонов специально не занимался историей ВКЛ, тем не менее он затрагивал ее в рамках своих лекций по русской истории. Его учебник, написанный для средней школы, был одним из самых лучших и востребованных пособий на заре XX в. [29]. Таким образом, большинство учащихся школ предреволюционной России воспринимали историю сквозь призму концепции петербургского исследователя.

С.Ф. Платонов сумел передать увлечение своего учителя литовским прошлым талантливому ученому И.И. Лаппо. В 1901 г. И.И. Лаппо представил в Петербургском университете магистерскую работу «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория» [20], а в 1911 г. в Московском университете защитил докторскую диссертацию «Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: литовско-русский повет и его сеймик» [21]. До революции И.И. Лаппо основной упор делал на научных изысканиях феномена Люблинской унии. В своих работах он отстаивал национальную самостоятельность ВКЛ от Польши.

Развитие научных исследований в области литуанистики на историко-филологическом университете Петербургского университета привело к появлению такой знаменательной фигуры, как А.Е. Пресняков, который был замечен С.Ф. Платоновым еще на студенческой скамье. В университете он разработал один из лучших курсов лекций в России по истории Западной Руси и Литовско-Русского государства, который был прочитан студентам в 1908–1910 гг. [30]. Правда, как писал А.Ю. Дворниченко, «судьба этого курса была менее счастливой». Книга, основу которой составляли лекции ученого, была опубликована посмертно лишь в советское время — в 1939 г. Большая заслуга А.Е. Преснякова состоит в том, что он выделил отдельную тему, посвященную русским землям в составе Литовско-Русского государства [15, с. 22].

С именем М.О. Кояловича связано формирование западнорусской школы историков на кафедре гражданской истории Санкт-Петербургской духовной академии. В 1859 г. М.О. Коялович получил степень магистра в Санкт-Петербургской духовной академии за сочинение «Литовская церковная уния». В конце «предгрозовых» 1850-х — начале 1860-х гг. он напечатал серию исследований о Люблинской и Брестской униях. Конечным итогом его трудов были «Чтения по истории западной

России», вышедшие в 1864 г. и ставшие одной из первых книг, ознаменовавших глубокий интерес общественности к истории другой России — западной, долгое время входившей в состав ВКЛ. Главная цель, которую он перед собой поставил, — изучить «западнорусскую историческую жизнь, тесно связанную с восточнорусской жизнью» [19, с. 11].

Вслед за М. О. Кояловичем кафедру гражданской истории занимал П. Н. Жукович, опубликовавший работу «Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.)» [16]. Воспитанником П. Н. Жуковича был А. В. Ярушевич, который издал исследование «Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461—1530) и православная Литовская Русь в его время» [35], вызвавшее много нареканий со стороны современников.

Начиная с 1860-х гг. одним из важных институциональных звеньев, специализировавшихся на изысканиях в области литовской проблематики, стал Московский университет. Ключевая роль в этом принадлежала профессору кафедры русского законодательства И. Д. Беляеву, который по просьбе попечителя виленского учебного округа И. П. Корнилова составил «Очерк истории Северо-западного края России» [7]. При написании работы «Рассказы из русской истории», объясняющей образование Московского княжества, он изучал историю земель, вошедших в состав Русского государства. Так, в 1860—1870-е гг. из-под пера исследователя вышли книги, посвященные истории Полоцка, Новгорода и Пскова. В томе «История Полоцка, или Северо-Западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии» профессор подробно изложил свои представления о Литве и о ВКЛ [8].

Научный путь Д. И. Иловайского также проходил в одном из старейших университетов России. Будучи автором пятитомной «Истории России», он значительное место отводил истории Литвы. Такое внимание к этой теме ученый обосновывал тем, что литовское племя заняло «немаловажное место в Русской истории», так как объединило «Литву и Западную Русь» в Литовско-Русское княжество и возвело его «на степень сильного европейского государства» [17, с. 579].

В творчестве одного из самых выдающихся историков конца XIX — первой трети XX в. М. К. Любавского литовско-русская история являлась ключевой. По мнению советского историографа В. Т. Пашуто, он был «наиболее крупным представителем отечественной досоветской литванистики» [27, с. 186]. М. К. Любавский — первый историк Московского университета, который отказался от принципа централизма и стал разрабатывать прошлое Литовско-Русского государства. Для исследования русско-литовских отношений он обратился к изучению на тот момент еще не известной Литовской метрики, находившейся в московском архиве Министерства юстиции. Громадная источниковедческая работа позволила вскрыть пласт новых источников по истории Литовско-Российского государства, что существенно расширило информационную базу для научных изысканий. М. К. Любавский не только защитил магистерскую и докторскую диссертации по средневековой истории Литовско-Русского государства, но также разработал собственный лекционный курс «История литовско-русского государ-

ства до Люблинской унии включительно», который он читал в стенах Московского университета. В 1910 г. лекции М.К. Любавского были опубликованы в виде монографии под названием «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» [23]. Данный труд стал главным произведением ученого по истории Литовско-Русского государства, в котором он обобщил все свои основные выводы и изложил важнейшие положения относительно прошлого средневековой Литвы.

Последним представителем Московского университета, интересовавшимся литовской историей, был В.И. Пичета. В «дооктябрьский период» вышел ряд его первых трудов, среди которых необходимо выделить двухтомную монографию «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» [28].

Во второй половине XIX в. произошли серьезные изменения в отечественной литуанистике: М.О. Коялович и М.П. Смирнов защищают диссертации, в университетах появляются первые обзорные курсы по западнорусской истории. В Киевском университете св. Владимира студентов учит В.Б. Антонович; в Московском университете литовскую историю преподает сначала И.А. Линиченко, потом М.К. Любавский; в Петербургском университете в 1880-е гг. с литовским правом учащихся знакомит профессор С.А. Бершадский, а в начале XX в. свои знаменитые лекции по истории Западной Руси и Литовско-Русского государства начинает читать А.Е. Пресняков.

В заключение отметим, что осмысление литовского прошлого, его роли в русской истории после Январского восстания привело к появлению множества сочинений, затрагивающих те или иные моменты истории Литвы. Осознание необходимости изучения литовской истории способствовало формированию в университетах Киева, Санкт-Петербурга и Москвы научных центров, специализирующихся на изучении различных аспектов прошлого ВКЛ. Такие выдающиеся ученые, как М.Ф. Владимирский-Буданов, Ф.И. Леонтович, В.Б. Антонович и К.Н. Бестужев-Рюмин, подготовив плеяду высококлассных специалистов в области литовского Средневековья, сыграли важную роль в институциональном оформлении дореволюционной литуанистики. В конце XIX — начале XX в. дореволюционная отечественная литуанистика переживает свой расцвет. Именно в этот период на свет появляются ставшие классикой научные исследования А.Е. Преснякова и М.К. Любавского, которые не утратили своей актуальности по сей день.

Список источников и литературы

1. Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878.
2. Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1.
3. Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.). СПб., 1885.
4. Барбашев А.И. Таненбергская битва 1410 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. №12. С. 151 — 193.

5. Барбашиев А.И. Торнский мир // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. №11. С. 80—106.
6. Барбашиев А.И. Витовт последние двадцать лет княжения 1410—1430. СПб., 1891.
7. Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края России. Вильна, 1867.
8. Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. Кн. 4 : История Полоцка или Северо-западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872.
9. Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1885. Т. 2.
10. Бестужев-Рюмин К.Н. [Рец.:] Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен // Журнал министерства народного просвещения. 1889. №5. С. 492—505.
11. Владимирский-Буданов М.Ф. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XVII вв. // Архив Юго-Западной России. Киев, 1886. Ч. 7, т. 1. С. 1—85.
12. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868.
13. Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки из истории литовско-русского права. Киев, 1889. Ч. 1 : Поместья Литовского государства.
14. Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885.
15. Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993.
16. Жукович П.Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб., 1901.
17. Илювайский Д.И. История России. М., 1880. Т. 1.
18. Костомаров Н.И. Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории // Русское слово. 1860. №5. С. 1—100.
19. Коялович М.О. Чтения по истории западной России. Минск, 2006.
20. Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). СПб., 1901.
21. Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911.
22. Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского права: образование территории Литовского государства. СПб., 1894.
23. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910.
24. Мегем М.Е. «Русская Литва» в концепции Н.Г. Устрялова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. №12. С. 14—20.
25. Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии. Брянск, 1996.
26. Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905.
27. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959.
28. Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1917. Ч. 1—2.
29. Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы. СПб., 1910.
30. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2, вып. 1 : Западная Русь и Литовско-Русское государство.
31. Смирнов М.П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшею // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1868. Т. 2. С. 1—259.
32. Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб., 1890.

33. *Филевич И.П.* История древней Руси: территория и население. Варшава, 1896. Т. 1.

34. *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории: Русь-Литва. СПб., 1999. Т. 2.

35. *Ярушевич А.В.* Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461 – 1530) и православная Литовская Русь в его время. Смоленск, 1896.

Об авторе

Максим Евгеньевич Мегем — канд. ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: megem@yandex.ru

The author

Dr Maksim E. Megem, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: megem@yandex.ru

УДК 327:332.146/332.02

И. Н. Тарасов

ЭКСКЛАВНОСТЬ КАК ВЫЗОВ И РЕСУРС МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

77

Экславное положение Калининградской области является фундаментальным геополитическим фактором ее социально-экономического и социокультурного развития. С точки зрения международного позиционирования региона эксклавность — одновременно и вызов, и ресурс. Руководствуясь принципами факторного анализа и используя метод главных компонент, автор выдвигает несколько тезисов относительно возможностей и ограничений эксклавности в решении проблем международного позиционирования региона. Экономическая зависимость Калининградской области от вектора политики федерального правительства внутри и вне страны делает регион «хрупким» с точки зрения формирования и продвижения его социокультурного образа. В статье на примере трендов развития обрабатывающей промышленности региона показана жесткая зависимость от внешнеэкономических решений федеральных властей. Повышенная потенциальная конфликтность вокруг российского эксклава на Балтике замедляет конвергенцию региональных интересов в социально-экономической сфере с интересами стран-соседей. Компенсатором такого положения должна выступать интенсификация связей с другими регионами Российской Федерации. На практике такая интенсификация носит ограниченный характер, сопряженный с извлечением выгод сотрудничества в кратко- и среднесрочной перспективе. Если проблемы геополитической безопасности Калининградской области гарантированы военным превосходством российского государства над силами вероятного противника на Балтике, то в вопросах социальной и экономической безопасности сопоставимых гарантий не существует. Здесь, как ни парадоксально, открываются возможности возрастания когерентности узких, сузубо периферийных интересов российского эксклава и регионов стран-соседей, прежде всего Литвы и Польши.

The exclusive position of the Kaliningrad region is a fundamental geopolitical factor in its socio-economic and socio-cultural development. Given the region's foreign positioning, exclavity is both a challenge and a resource. Guided by the principles of factor analysis, through the method of principal components, the author puts forward several theses regarding the possibilities and limitations of exclavity in overcoming foreign positioning of the region. The economic dependence of the Kaliningrad region on the federal government policies inside and outside the country makes the region "fragile" in terms of promoting its sociocultural image. The article shows the tough dependence on the foreign economic decisions of the federal authorities using the development

trends of the manufacturing industry in the region as an example. The increased potential conflict around the Russian exclave in the Baltic slows down the convergence of regional interests in the socio-economic sphere with the interests of neighboring countries. Intensified relations with other regions of the Russian Federation could make up for the situation. In practice, such intensification is limited in nature, and results in some cooperation benefits in the short and medium term. While the Kaliningrad region is secured geopolitically by the military superiority of the Russian state over a potential adversary in the Baltic, there are no comparable social and economic guarantees. Here, paradoxically, the situation can open up opportunities for increasing the coherence of the narrow, purely peripheral interests of the Russian exclave and the regions of neighboring countries, primarily Lithuania and Poland.

Ключевые слова: Калининградская область, эксклав, международное позиционирование.

Keywords: Kaliningrad region, exclave, foreign positioning.

Калининградская область — российский эксклав на Балтике, что во многом обуславливает специфику его социально-политического и социально-экономического развития. Географический детерминизм в определении основных направлений развития региона составляет органичную часть восприятия эксклавного пространства соседями России. Однако следует указать, что ныне не существует устойчивой социальной оценки Балтийского региона как общего пространства. Расширение Европейского союза в 1995 г. и в 2004 г. создало новую ситуацию для российских регионов северо-западного побережья. «Общая ситуация в регионе Балтийского моря в очередной раз заметно изменилась, поскольку страны Балтии и Польша подали свои заявки на членство в ЕС, в то время как отношения с Россией по-прежнему носили более классический межправительственный характер. Тем не менее ЕС начал поддерживать сотрудничество с Севером России» [17, p. 30].

Различия в ориентации направлений сотрудничества с приграничными территориями России обнаружились даже на уровне стратегических подходов. Например, «подход Инициативы Северного Измерения выражал финскую ориентированность на северо-запад России и должен рассматриваться как в общем контексте, так и в контрасте ориентации Швеции и Дании на весь регион Балтийского моря, а также с акцентом Норвегии на арктические воды» [16, p. 681]. Соседи России по Балтике уже в ходе расширения ЕС пытались инициировать адаптивные варианты взаимодействия. «Ввиду предстоящего расширения ЕС был разработан второй План действий по Северному измерению на период 2004–2006 гг. В значительной степени охватывая те же проблемные области, но более структурированным и стратегически ориентированным на проект образом также представил две сквозные темы: Арктический регион и Калининградская область Российской Федерации как регионы с особыми потребности развития в большинстве проблемных сфер» [18, p. 56].

Калининградская область на протяжении всего периода интеграции стран Балтийского региона в евроатлантические структуры находилась в центре внимания. В это же время сложилось общее понимание невозможности глубокой интеграции российского эксклава в общеевропейский социально-политический контекст. Встала задача «определить тот баланс интересов, который позволит в максимальной степени вовлечь область в социально-экономические и иные процессы в Балтийском регионе, что важно для преодоления или минимизации негативных последствий эксклавности, без риска ослабления ее социально-экономических, политических и культурных связей с основной частью Российской Федерации» [4, с. 44].

И.М. Бусыгина и Е.Б. Лебедева выделяют три группы факторов, влияющих на характер международной деятельности регионов: 1) особенности географического положения региона; 2) уровень социально-экономического развития региона; 3) специфика политического режима [3, с. 17].

По большому счету, именно географический детерминизм обуславливает поиск оптимальных моделей международного позиционирования Калининградской области. Направленность этого позиционирования вполне понятна, его адресатом, в первую очередь, выступают страны Балтийского региона, который был и остается регионом сотрудничества, конкуренции и конфронтации одновременно. «В целях создания эффективной системы государственного управления процессами регионального развития, динамично развивающейся, конкурентоспособной и сбалансированной региональной экономики, условий для повышения уровня и качества жизни населения приграничное сотрудничество на уровне муниципалитетов, где нет "большой" политики, представляется наиболее перспективным механизмом стратегического наращивания и реализации геополитического потенциала Калининградской области» [7, с. 102]. С точки зрения такого подхода «речь может идти только о реализации сравнительно небольших проектов, прежде всего в сферах транспортной инфраструктуры (погранпереходы), охраны окружающей среды и гуманитарной сфере» [8, с. 119].

Непосредственно к «чистой географии» примыкают геополитические факторы. В качестве основных Ю.М. Зверев выделяет три:

1) геополитическое положение России в мире и характер ее отношений с ведущими мировыми акторами (для Калининградской области особое значение имеют отношения РФ с ЕС, НАТО и США);

2) геополитическое положение России в Балтийском регионе и характер ее отношений со странами этого макрорегиона (прежде всего с государствами, непосредственно граничащими с эксклавным регионом, — Польшей и Литвой, а также с Республикой Беларусь, Латвией и Эстонией);

3) геополитическое положение Калининградской области как субъекта РФ в Балтийском регионе и характер ее отношений с регионами соседних (отделяющих) государств, а также прочих стран макрорегиона [4, с. 39].

Г.М. Федоров к числу геополитических факторов относит приморское положение Калининградской области, которое открывает ей возможности доступа к основной части территории страны, минуя отдельные государства, а также приграничность, которая создает возможность трансграничной кооперации с регионами соседних стран и формирования новых форм международной экономической кооперации и интеграции (НФМЭКИ) с их участием [15]. С этой точки зрения эксклавность — не столько ущербность или уязвимость геополитического положения, сколько невостребованный до поры ресурс развития.

Отсюда проистекает сложный выбор стратегии международного позиционирования. На первоначальном этапе эксклавности сталкивались две линии, которые условно можно связать с именами Ю.С. Маточкина (в 1991—1996 гг. — глава администрации Калининградской области) и С.М. Шахрая (в 1991—1996 гг. — заместитель председателя Правительства РФ). До определенной степени условности «линия Маточкина» заключалась в позиционировании области как региона сотрудничества, открытости и партнерства со странами-соседями по Балтике, «линия Шахрая» — в восприятии региона как форпоста России, в первую очередь военного, на западе. Эти две линии, вначале конкурируя между собой, затем доказали, что для позиционирования Калининградской области нет, да и не может быть раз и навсегда установленной догмы. Ю.М. Зверев справедливо указывает, что применительно к Калининградской области можно говорить о своего рода «калининградских качелях», текущее положение которых прямо определяется состоянием отношений России с геополитическим Западом (прежде всего с США, ЕС и НАТО) и вытекающей из этого геополитической ситуацией в Балтийском регионе. При более или менее ровных и прагматичных отношениях трансграничное сотрудничество Калининградской области находится в верхней точке и она может выступать в роли «региона сотрудничества» России и ЕС или «коридора развития» между остальными регионами России и регионами стран — членов ЕС. При ухудшении отношений и превалировании военно-политических соображений над экономическими поднимается «вверх» другая доска условных качелей, связанная с повышением роли Калининградской области как самодостаточного форпоста (прежде всего военного) России на Балтике, а все, что связано с сотрудничеством с соседями, оказывается на «нижней точке» [4, с. 42—43].

Опора исключительно на примат геополитических факторов не может стать достаточной для выработки эффективной концепции международного позиционирования российского эксклава.

Наряду с внешними факторами международного позиционирования региона важнейшее значение имеют внутренние факторы развития Калининградской области. Главной компонентой здесь выступают социально-экономические кондиции.

Соглашаясь с мнением Р.Р. Ахунова и А.В. Янгирова о разделении процессов внешнеэкономической деятельности на центральные, кото-

рые обеспечивают наибольшие по объему потоки товаров и услуг из региона во внешнюю среду, а также потоки инвестиций, поступающих извне в регион, и вспомогательные, обеспечивающие центральные, подчеркнем, что для международного позиционирования часто именно вспомогательные процессы оказываются эффективным средством. К ним могут быть отнесены «международные и межрегиональные коммуникации с внешними рынками и сообществами; информационное обеспечение региона во внешней среде; формирование конкурентоспособных, экспортоориентированных ареалов; образовательная, культурная деятельность, ориентированная на внешние коммуникации; событийная деятельность; выставочная деятельность; прочие виды позиционирования региона» [2, с. 24].

81

Подчеркнем, что на развитие Калининградской области большое влияние оказывает ее экономико-географическое положение (приграничное, приморское и эксклавное), а также относительно близкое соседство по отношению как к развитым российским регионам (в том числе к Московской и Санкт-Петербургской агломерациям), так и к регионам стран ЕС [14, с. 13]. Спецификой экономики Калининградской области является функционирование особых режимов хозяйственной деятельности.

Свободные экономические зоны — часть территории государства, открытая (как составляющая хозяйственного комплекса страны) для оперирования специальными регулятивными механизмами. «Янтарь» (Калининградская область, Россия), Виргинские острова (Великобритания) и др. [1, с. 25]. «Структурные сдвиги в экономике промышленно развитых стран носят системный характер и представляют собой часть глобального макросдвига, который предопределяет переход от индустриального общества к постиндустриальному.

Изменение отраслевой структуры осуществляется по следующим основным направлениям:

- 1) принципиальное изменение технологий производства;
- 2) доминирование обрабатывающей отрасли по сравнению с добывающей;
- 3) развитие наукоемких отраслей национальной экономики;
- 4) смещение центра тяжести в сторону непроемких отраслей» [12, с. 30].

Теоретически верный замысел привел к несколько иному эффекту в Калининградской области. «Режим сначала свободной, затем особой экономической зоны (СЭЗ/ОЭЗ), который первоначально вводился для ускорения социально-экономического развития Калининградской области и повышения жизненного уровня ее населения, в дальнейшем де-факто превратился в механизм смягчения негативных последствий эксклавности региона» [4, с. 38].

Со временем стало очевидно, что внешнеэкономические ресурсы сами по себе, их существование и потенциал без должного позиционирования региона, его экономических и институциональных возможностей не приводят к необходимым эффектам развития.

Более того, в связи с консолидацией традиционализма в России и приходом к власти в ключевых странах Европы консервативных сил можно с высокой степенью уверенности прогнозировать снижение уровня и эффективности контактов в политической сфере. Вместе с тем возможна интенсификация сотрудничества в смежных областях, таких как координация действий правоохранительных органов, упрощение визового режима, увеличение товарооборота и обмена инвестициями [11, с. 29].

Отсюда следует вполне закономерный вывод о необходимости более полного использования внутренних ресурсов развития, природного и человеческого капитала, способности к производству инноваций. «Удобство географического положения области благоприятно для возникновения постоянно действующей площадки взаимодействия российских и зарубежных ученых, предпринимателей, политиков» [14, с. 13–14].

Калининградская область входит в число 25 субъектов федерации, в которых за последние три года создавались рабочие места. Число новых рабочих мест (2017–2019) выросло на 3,9 %¹, а уровень безработицы снизился в 2018–2019 гг. на 0,6 %² и составляет 4,1 %. В общероссийском рейтинге по качеству жизни Калининградская область занимает 9-е место (2019)³. При этом средняя зарплата в малых и средних городах составляет 31 600 руб., что на 14 % меньше, чем в целом по региону⁴. Приведенные данные о положении на рынке труда свидетельствуют о слабых темпах социально-экономического развития российского эксклава. Объективно существует потребность в поиске новых стратегических решений в этой сфере. В то же время очевидна узость возможностей даже для тактического маневра, который позволил бы преодолеть инерционные тенденции замедления развития региона в среднесрочной перспективе.

Брендинг региона в мировом инвестиционном пространстве — задача комплексной программы повышения инвестиционной привлекательности Калининградской области. «Понятие "имидж территории" можно трактовать как целенаправленно формируемый образ той или иной территории, обладающий определенными ценностными характеристиками и призванный оказывать воздействие на потребителей с целью обеспечения конкурентоспособности территории и привлечения в нее дополнительных ресурсов» [5, с. 30]. Российский эксклав не претен-

¹ Рейтинг регионов по числу созданных рабочих мест — 2020. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200414/630165163.html> (дата обращения: 19.10.2020).

² Рейтинг регионов РФ по уровню безработицы — 2020. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200317/630157723.html> (дата обращения: 19.10.2020).

³ Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2019. URL: <https://ria.ru/20200217/1564483827.html> (дата обращения: 19.10.2020).

⁴ Рейтинг регионов по уровню зарплат в малых и средних населенных пунктах. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200331/630160719.html> (дата обращения: 19.10.2020).

дует на какую-либо особую политическую идентичность, если под такой понимать совокупность представлений об интересах политических акторов, которая служит маркером политической субъектности и легитимирует ее [10, с. 452]. Вместе с тем простая пространственная идентификация как «совокупность различных качеств и характеристик, способных выделить территорию среди множества других» [13, с. 141] является для Калининградской области насущной необходимостью.

Значительную роль в продвижении имиджа региона играет региональная политическая элита. Объективными факторами ее вовлечения в процесс международного позиционирования являются: 1) глобализация экономических процессов; 2) высокие темпы экономического развития регионов; 3) особенности федеративной модели государства [9, с. 387], что характерно для положения Калининградской области. «Региональные правящие группы выступают инициаторами развития политических институтов. Активизируя международную деятельность региона, правящие элиты становятся субъектом международных отношений и повышают свой политический статус. Принципиально важно, что для региональных элитных групп участие в международной деятельности не только обеспечивает социально-экономическое развитие региона, но и становится их политическим ресурсом в диалоге с центральной властью» [9, с. 386–387].

Эксклавность Калининградской области предоставляет региональной политической элите уникальную возможность сохранить основные формы международного сотрудничества, осуществлять информационное и стратегическое позиционирование, что, в свою очередь, имеет огромное значение для развития региона и повышения его символической капитализации [6] в изменяющихся, часто неблагоприятных условиях. Повышенная потенциальная конфликтогенность вокруг российского эксклава на Балтике замедляет конвергенцию региональных интересов в социально-экономической сфере с интересами стран-соседей. Компенсатором такого положения должна выступать интенсификация связей с другими регионами Российской Федерации. На практике эта интенсификация носит ограниченный характер, сопряженный с извлечением выгод сотрудничества в кратко- и среднесрочной перспективе. Если проблемы геополитической безопасности Калининградской области гарантированы военным превосходством российского государства над силами вероятного противника на Балтике, то в вопросах социальной и экономической безопасности сопоставимых гарантий не существует. Здесь, как ни парадоксально, открываются возможности возрастания когерентности узких, сугубо периферийных интересов российского эксклава и регионов стран-соседей, прежде всего Литвы и Польши.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калининградской области в рамках научного проекта №19-411-390003 «Международное позиционирование Калининградской области в продвижении политических и экономических интересов России в Балтийском регионе».

Список литературы

1. Андреева Е.Л., Воронкова О.Н., Глухих П.Л. и др. Позиционирование региона в системе новых форматов международной экономической интеграции. Екатеринбург, 2016.
2. Ахунов Р.Р., Янгиров А.В. Направления позиционирования региона в межрегиональном и международном пространстве (на примере Республики Башкортостан) // Евразийский Союз: Вопросы международных отношений. 2016. №3 (17). С. 21–29.
3. Бусыгина И. М., Лебедева Е. Б. Субъекты федерации в международном сотрудничестве // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. 2008. №3. С. 1–31.
4. Зверев Ю.М. Геополитические факторы развития Калининградской области // Проблемы регионального развития в начале XXI века / под ред. Г.М. Федорова, Л.А. Жиндарева, А.Г. Дружинина, Т. Пальмовского. Калининград, 2019. С. 37–47.
5. Логунцова И.В. Имидж российских территорий как объект управления // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (Государство и общество). 2011. №1. С. 29–38.
6. Мартынов В.С. Дискурс будущего уральских мегаполисов: к стратегии глобального города // Дискурс-Пи. 2013. №1-2. С. 15–22.
7. Межевич Н.М., Тарасов И.Н. Геополитический потенциал развития российского региона-эксклава: поиск ключевой стратегии и механизмов ее реализации в новых условиях // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. №1. С. 95–103.
8. Моделирование региональной системы долгосрочной устойчивости Калининградской области: монография / под ред. К.Ю. Волощенко, К.К. Гимбицкого, А.Л. Кузнецовой, Г.М. Федорова. Калининград, 2015.
9. Наронская А.Г. Роль региональной элиты в развитии международной деятельности субъекта федерации (опыт Свердловской области) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Т. 11, №3. С. 384–400.
10. Семененко И.С. Концепт идентичности в изучении политики // Современная политическая наука. Методология / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019. С. 446–463.
11. Тарасов И.Н. Конструирование новой «восточной политики» Европейского Союза // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2008. №2. С. 18–30.
12. Трофимова Н.В., Таймасов А.Р. Анализ структурных факторов развития российских регионов // Экономика и управление: науч.-практ. журнал. 2017. №4 (138). С. 30–33.
13. Тутаришева Ф.С. Стратегические приоритеты конкурентного преимущества региона на основе ее позиционирования в экономическом пространстве // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. 2018. №15 (39). С. 140–143.
14. Федоров Г.М. Калининградская область: периферийный эксклав или приморский коридор развития? // Проблемы регионального развития в начале XXI века / под ред. Г.М. Федорова, Л.А. Жиндарева, А.Г. Дружинина, Т. Пальмовского. Калининград, 2019. С. 5–16.
15. Федоров Г.М. Калининградская область: приграничное приморское положение как географический фактор развития экономики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2018. №4. С. 5–17.

16. *Arter D.* Small State Influence Within the EU: The Case of Finland's «Northern Dimension Initiative» // *Journal of Common Market Studies*. 2000. №38(5). P. 677—697.

17. *Heininen L.* Ideas and Outcomes: Finding a Concrete Form of the Northern Dimension Initiative // *The Northern Dimension: Fuel for the EU?* / H. Ojanen (ed.). Helsinki ; Berlin, 2001. P. 20—53.

18. *Schönweitz M.* Cross-border Cooperation of Urban Regions in the Baltic Sea Area : dissertation (Dr. Phil.). Berlin, 2013.

Об авторе

Илья Николаевич Тарасов — д-р полит. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ITarasov@kantiana.ru

85

The author

Prof. Ilya N. Tarasov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ITarasov@kantiana.ru

Е. П. Зимовина, А. В. Щекотуров, М. И. Кришталь

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ РЕФОРМЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ И ПОКОЛЕНИЯ МИЛЛЕНИАЛОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

86

Представлены результаты социологического исследования мобильности и миграционных установок реформенного поколения и поколения миллениалов Калининградской области. В связи с этим уделено внимание различным подходам, сформировавшимся в процессе разработки концепции поколений. Определены возрастные группы, составляющие реформенное поколение и поколение миллениалов. Выявлены особенности обозначенных поколений. Авторы статьи предприняли попытку совместить метод когортного анализа с концепцией поколений. Значительное количество респондентов оказались на территории области в результате миграций, поэтому им задавались вопросы о причинах переезда, а также было предложено сравнить уровень жизни в Калининградской области с другими регионами России и соседними странами. Были определены наиболее значимые для двух выделенных поколений факторы притяжения на территорию области. Одновременно задавались вопросы о факторах выезда из Калининградской области. Ответы продемонстрировали разные приоритеты в зависимости от возраста и пола участников опроса. В итоге проведенного исследования авторы вышли на проблему неоднородности состава как реформенного поколения, так и поколения миллениалов. Поэтому в статье обращается внимание, с одной стороны, на научную значимость, с другой — на дискуссионность концепции поколений.

This paper focuses on the results of a sociological study of mobility and migration intentions of the Reform Generation and Millennials in the Kaliningrad region. In this regard, different approaches to the theory of generations are analyzed. The authors define the age groups that make up the Reform Generation and the Millennials and identify features of the designated generations. The article makes an attempt to combine the method of cohort analysis with the theory of generations. A significant number of respondents happen to be in the region while migrating, so they were asked about the reasons for moving, and were asked to compare the standard of living in the Kaliningrad region with other regions of Russia and neighboring countries. The authors defined the most significant attraction factors for the two selected generations. At the same time, questions were asked about the factors of departure from the Kaliningrad region. The responses showed different priorities depending on the age and gender of the survey participants. As a result of the study, the authors came to the problem of heterogeneity in both the Reform Generation and the Millennials. Therefore, the paper draws attention, on the one hand, to the scientific significance, on the other hand, to the debatable theory of generations.

Ключевые слова: Калининградская область, миграции, концепция поколений, реформенное поколение, миллениалы.

Keywords: Kaliningrad Region, migrations, theory of generations, reform generation, millennials.

Обзор исследований. Постановка проблемы

Проблемам миграционной мобильности населения Калининградской области посвящен довольно широкий круг исследований. Причем миграционные процессы рассматривались как в исторической ретроспективе [6; 11 – 13; 19; 20], так и на современном этапе [1 – 5; 17; 18; 31; 32]. В работах анализировались направления миграционных потоков; причины миграции; возрастно-половой, образовательный и этнический состав мигрантов. Подробно рассматривались вопросы трудовой миграции. Обращалось внимание на специфику миграционного взаимодействия в пределах географического или административно-территориального региона. Все исследования внесли определенный вклад в развитие научного понимания миграционных процессов на территории Калининградской области.

Если говорить о российской миграциологии в целом, то исследователей интересовали не только основные тенденции, закономерности и направления территориальной мобильности населения. Большое значение всегда придавалось структуре мигрантов (в частности, их возрасту), а также влиянию миграций на возрастно-половую структуру населения как территории выбытия, так и места прибытия [8 – 10; 21 – 23]. В качестве «единиц измерения» брались либо возрастные когорты (как правило, пятилетние), либо возрастные категории по отношению к трудоспособному возрасту (молодежь и население пожилого возраста). Поскольку на сегодняшний день в общественных науках большой интерес вызывает концепция поколений, то нами была предпринята попытка проанализировать пространственную мобильность и миграционные установки населения Калининградской области в русле основных идей данного научного направления.

Теоретическое обоснование

Основываясь на концепции поколений, изложенной в работах У. Штрауса и Н. Хоува, отечественные исследователи Ю. А. Левада, В. В. Радаев, Н. П. Попов, Е. Шамис, Е. Никонов [14 – 16; 24; 25; 28; 29; 33; 34] предложили собственные классификации поколений в контексте исторического развития России на протяжении последнего столетия (табл. 1).

Таблица 1

Классификации поколений

Автор классификации	Название поколения	Годы рождения	Годы взросления***
У. Штраус, Н. Хоув*	Поколение победителей	1900 – 1923	Первая мировая война
	Молчаливое поколение	1923 – 1943	Великая депрессия, Вторая мировая война
	Бэби-бумеры	1943 – 1963	«Холодная война», война во Вьетнаме
	Поколение X	1963 – 1983	Мировой кризис и разрядка
	Поколение Миллениума (Y)	1983 – 2003	Конец «холодной войны», мировое лидерство США, теракты 11 сентября 2001
	Поколение Z	2003+	Мировой финансовый кризис

Окончание табл. 1

Автор классификации	Название поколения	Годы рождения	Годы взросления***
Ю. А. Левада**	«Революционный перелом»	...	1905 – 1930
	«Сталинская» мобилизационная система	около 1910	1930 – 1941
	Военный и послевоенный период	1920 – 1928	1941 – 1953
	«Оттепель»	1929 – 1943	1953 – 1964
	«Застой»	1944 – 1968	1964 – 1985
	Перестройка и «реформы»	с конца 1969	1985 – 1999
В. В. Радаев**	Мобилизационное	до 1938	1941 – 1956
	Поколение оттепели	1939 – 1946	1956 – 1964
	Поколение застоя	1947 – 1967	1964 – 1984
	Реформенное поколение	1968 – 1981	1985 – 1999
	Поколение миллениалов	1982 – 2000	1999 – 2016
Е. Шамис, Е. Никонов**	Поколение Z	2001 и позднее	2016 – ...
	Победители	1903 – 1923	Победили во Второй мировой войне и внесли большой вклад в послевоенное восстановление
	Молчаливое	1923 – 1943	Приучены контролировать свою речь и поведение
	Бэби-бумеры	1944 – 1963	Послевоенное поколение
	Поколение X	1964 – 1984	Нестандартное и эпатажное поколение
	Миллениумы	1985 – 2003	Заканчивали школу в новом тысячелетии
Н. П. Попов**	Поколение Z	2004+	Значительную часть жизни проводят в Интернете
	«Молчаливое поколение»	75 – 90 лет [1928 – 1943]	Коллективизация, индустриализация, репрессии, Великая Отечественная война
	«Беби-бумеры»	55 – 75 лет [1943 – 1963]	Послевоенный период, «холодная война», XX съезд, хрущевская «оттепель»
	«Поколение X»	35 – 54 года [1963 – 1983]	Брежневский «застой», ввод советских войск в Афганистан, неверие в идеалы социализма
	«Миллениалы»	18 – 34 года [1984 – 2000]	Перестройка, распад СССР, рынок, приватизация, чеченская война, избрание президентом РФ В. Путина, распространение компьютеров, внедрение Интернета

Примечание. * – классификация американских поколений; ** – классификация российских поколений; *** – краткое изложение основных идей указанных авторов.

Источники: [15, с. 31 – 32; 24, с. 312, 318 – 322; 25, с. 130; 28, с. 18 – 19; 29, с. 26, 28; 33, с. 12].

Одним из первых в современной российской социологии понятием «поколение» озадачился Ю. А. Левада. Анализируя результаты всероссийских опросов 1994 г. и 1995 г., он обозначил три поколения бывшего советского общества (60-, 40- и 20-летние) [14, с. 23]. Старшее поколение (60-летние) — «люди протеста и надежд 60-х годов»; среднее поколение (40-летние) — люди, переживающие второй кризис идентификации; наконец, молодежь (20-летние) — поколение «новой жизни» [14, с. 26–27]. Интересна характеристика, которую он дал людям «нового поколения»: «Они оптимистичнее всех смотрят на жизнь... они умеют зарабатывать... им лучше всех удастся "использовать новые возможности". Они более всех готовы начать собственное дело и открыты миру, мировым связям и опыту... И только эти самые молодые в большинстве чувствуют себя свободными людьми» [14, с. 27]. Характеристика, данная молодому поколению в середине 1990-х гг., очень схожа с характеристиками современных молодых людей, которых принято называть миллениалами. Поэтому вопрос, которым задавался Ю. А. Левада более двадцати лет назад, остается открытым: «...имеем ли мы здесь дело только с возрастным явлением... или с феноменом поколенческим?..» [14, с. 27]. Через несколько лет, видимо под влиянием теории поколений, Ю. А. Левада все же приходит к необходимости анализа поколений [15, с. 30]. Он высказывает мысль о том, что в рамках крупного исторического периода (например, столетия) выделяются поколения, которые формируют определенные образцы поведения, символы, смыслы. Это и есть *значимые поколения* [15, с. 30–31]. В российской истории он выделяет шесть значимых периодов и, соответственно, шесть таких поколений (табл. 1). Ю. А. Левада также придерживался мнения, что современная цивилизация «проспективна», то есть обращена в будущее, поэтому в ней старшие поколения как бы учатся у младших [16, с. 43].

Среди работ современных российских авторов следует выделить исследования В. В. Радаева [26–29]. Основная мысль исследователя заключается в том, что важнее сравнивать поколения, проходящие через аналогичный жизненный цикл, нежели возрастные когорты как таковые [28, с. 16; 29, с. 20]. В. В. Радаев предлагает классификацию поколений, ориентируясь на ключевые этапы развития страны (табл. 1). При этом выделяемые им поколения неравнозначны по набору возрастов. Например, поколение миллениалов включает 19 одногодичных возрастных групп, реформенное поколение — 14, поколение застоя — 21, поколение оттепели — 8 и т. д. Так как периоды исторического развития имеют разную продолжительность, то и количество возрастных групп, которые оказываются под влиянием этих исторических событий, также, по мнению В. В. Радаева, будет разным [28, с. 17–18; 29, с. 28]. Интересна его идея сравнения соседних поколений, которые ближе друг к другу и по возрасту, и по историческим событиям [28, с. 19; 29, с. 34]. На современном этапе следует обратить особое внимание на два таких соседних поколения (реформенное и миллениалов), которые выросли в «соседние» исторические эпохи (советское время и постсоветский период соответственно) [28, с. 31]. Оценивая результаты своих

исследований, В. В. Радаев признает, что концепция поколений не является бесспорной: «Полученные результаты не вписываются в единую схему, межпоколенческие различия проявляют себя по-разному» [28, с. 30].

Среди современных работ, написанных в русле концепции поколений, отметим статьи Н. П. Попова. Хотя он и критикует некоторые положения этого научного направления, тем не менее поколенческий подход принимается им за основу сравнительного анализа российской и американской молодежи. Исследователь отмечает: «В российской социологии, исследованиях общественного мнения с начала 1990-х годов эмпирические данные показали, что по большинству проблем и ценностей проходит заметная разделительная линия между людьми младше и старше 35 лет» [25, с. 130]. Это позволило автору обосновать возрастные рамки категории «молодежь» (18–34 года) и обозначить эту возрастную группу как «миллениалов». В целом Н. П. Попов выделяет четыре поколения в современной России (табл. 1).

В последние годы теория поколений является не только широко обсуждаемой научной концепцией. Интерес к ней проявляет бизнес-сообщество и свое воплощение она получает в русле маркетинговых исследований, а также научно-популярных изданий. В частности, несколько работ было издано в рамках проекта «RuGenerations — Теория поколений в России» Е. Шамис и Е. Никоновым [33; 34]. Авторы являются последовательными сторонниками теории поколений, и их классификация практически полностью совпадает с классификацией разработчиков концепции (табл. 1). В их понимании Е «поколение — это группа людей, рожденных в определенный период, испытавших влияние одних и тех же событий, особенностей воспитания, окружающего мира и обладающих одинаковыми ценностями... В классической теории поколений говорится не о возрасте, а о том, что поколения находятся в разных фазах: осваивать ценности, пробовать ценности или жить ими, управлять при помощи ценностей, создавать ценности, сохранять их» [33, с. 11, 14]. При этом Е. Шамис и Е. Никонов ясно осознают особенности и ограничения теории поколений. Так, они считают, что поколенческие ценности — лишь один из видов ценностей, которыми обладает конкретный человек (помимо гендерных, религиозных, национальных, профессиональных и др.). Люди, рожденные в периоды перехода, относятся в «пограничному» или «эхо-поколению» и обладают ценностями как одного, так и другого поколения [33, с. 15–16].

Итак, на сегодняшний день концепция поколений довольно популярна среди исследователей. Приведенные выше варианты классификаций (табл. 1) говорят о том, что среди их авторов нет единого мнения по поводу как названия поколений, так и набора входящих в них возрастных когорт. Более того, исследователи указывают на отдельные слабые места данного подхода, отмечают методологические шероховатости, выражают сомнения в аргументированности некоторых положений. Тем не менее поколенческий подход к изучению многих аспектов общественной жизни представляется новым ракурсом, который позволяет по-иному рассмотреть суть происходящих социальных процессов.

Объекты исследования. Терминология

Объектами нашего исследования стали два «соседних» поколения: реформенное поколение (1968–1981 годы рождения) и поколение миллениалов (1982–2000 годы рождения). Данная терминология и хронология заимствованы из работ В. В. Радаева, в которых рассматриваются постсоветские поколения, преобладающие в составе населения современной России. Процесс взросления представителей реформенного поколения происходил в период Перестройки и на протяжении 1990-х гг. Миллениалы вступали во взрослую жизнь в более стабильный и относительно благополучный период – с начала нового тысячелетия [29, с. 28–29]. В связи с этим основной задачей данного исследования является сравнение практик пространственной мобильности и миграционных устремлений двух обозначенных поколений.

91

Методика исследования

Информационной базой данного исследования стали результаты социологического опроса жителей Калининградской области в возрасте 19–37 лет (миллениалы) и 38–51 года (реформенное поколение), проведенного в мае-июне 2019 г. Были заданы вопросы о продолжительности проживания и причинах переезда в Калининградскую область; о миграционном взаимодействии как с соседними странами (Польшей и Литвой), так и с другими регионами России; о факторах, которые могут способствовать переезду из Калининградской области.

На начало 2019 г. генеральная совокупность представителей рассматриваемых поколений в регионе составила 467 370 человек. Опрос был проведен во всех муниципальных образованиях Калининградской области, в соответствии с рассчитанными квотами. В итоге участниками опроса стали 1483 человека. Из них мужчины составили 51,1 %, женщины – 48,9 %. Таким образом был соблюден принцип равнозначного гендерного представительства. Пропорциональным было и соотношение анализируемых возрастных когорт: 41,9 % респондентов относились к реформенному поколению и 58,1 % – к поколению миллениалов (рис. 1).

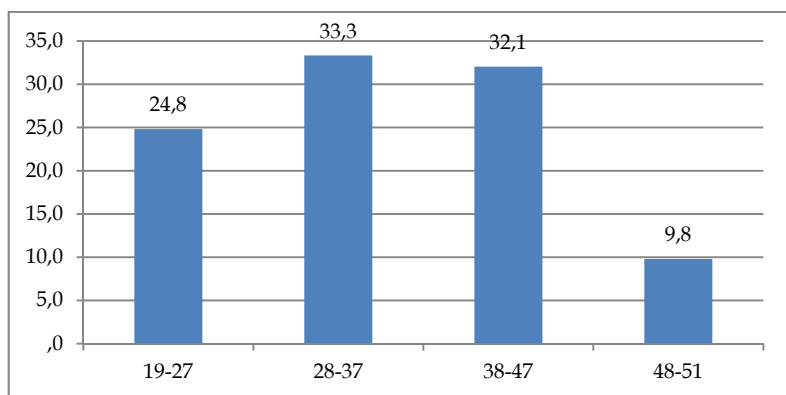

Рис. 1. Возрастная структура респондентов, %

Методологические пояснения

Как уже отмечалось, последователи концепции поколений вносят некоторые дополнения и корректировки к ее основным положениям. Так, В. В. Радаев говорит о значимости когортного анализа при изучении социальной динамики и подчеркивает, что каждое поколение включает несколько возрастных когорт [28, с. 16; 29, с. 21]. Н. П. Попов внутри поколения миллениалов выделяет «постмиллениалов» — людей в возрасте 18–24 лет [25, с. 130]. Мы также посчитали, что более дробное деление поколений позволит не только выявить их специфические черты, но и выяснить своеобразные «точки разграничения» в каждом поколении; лишний раз продемонстрировать как многослойность, так и дискуссионность самой категории «поколение». Иными словами, мы попытались совместить метод когортного анализа с концепцией поколений. Поэтому нами были определены две пары возрастных групп. Первая пара (реформенное поколение) включает в себя «младшую» (38–47 лет) и «старшую» (48–51 год) группы. Вторая (поколение миллениалов) — «младшую» (19–27 лет) и «старшую» (28–37 лет) группы. Оговоримся, что выделенные группы имеют разные возрастные интервалы в соответствии с особенностями исторических этапов, на которые приходились годы их рождения и взросления.

«Младшая» группа миллениалов (1992–2000 годы рождения) — это постсоветское поколение XX в. Все представители этой группы родились после распада Советского Союза, а период взросления пришелся на первые два десятилетия XXI в. «Старшая» группа миллениалов (1982–1991 годы рождения) представляет собой когорту, которая родилась в последнее советское десятилетие, но в силу возраста уже не помнила советских времен и не испытала на себе их влияния. Процесс взросления «старшей» группы миллениалов пришелся на годы, когда уже были сформированы постсоветские государства. Поэтому и те, кто родился и жил в России, и те, кто переехал в нашу страну в возрасте взросления, воспринимали постсоветское пространство как данность и находились под влиянием постсоветской действительности. В связи с этим возникает мысль, что дополнительным параметром при анализе поколений может быть не только *время*, но и *место* взросления современных россиян разных возрастов. Переезжая в Россию, эти люди не только пополняют ряды того или иного поколения, но также оказывают влияние на их качественные характеристики.

Представители «младшей» группы реформенного поколения (1972–1981 годы рождения) родились в период, который можно охарактеризовать как самое благополучное советское десятилетие. Воспоминания их детства и юности связаны с огромной страной — Советским Союзом. Однако процесс их взросления пришелся на трудное время — период Перестройки и первые годы после распада СССР. Наконец, представители «старшей» группы реформенного поколения (1968–1971 годы рождения) и родились, и сформировались в советский период. Это своеобразные когорты, время взросления которых пришлось на переломный момент — перестроечный период.

Основные результаты исследования

В формировании населения Калининградской области значение миграций трудно переоценить. Во-первых, именно за счет миграций население региона сформировалось в первое послевоенное десятилетие. Во-вторых, миграции позволили «смягчить» влияние неблагоприятной демографической ситуации на динамику численности населения в постсоветский период. На современном этапе численность населения области также увеличивается исключительно за счет миграций [30].

Чтобы иметь представление о пространственной мобильности двух обозначенных поколений, был задан вопрос о продолжительности проживания на территории Калининградской области. Подавляющее большинство респондентов (69,0 %) заявили, что являются уроженцами Калининградской области и проживают здесь постоянно. Причем среди представителей самой молодой возрастной группы (19–27 лет) доля родившихся и постоянно проживающих на территории региона была выше, чем среди остальных – 72,6 % (рис. 2). Как видим, чем старше возраст респондента, тем меньше в этой группе удельный вес уроженцев области. Эта тенденция также соответствует данным официальной статистики. Так, по результатам переписи 2010 г. доля уроженцев региона была меньше среди старших возрастов (50 лет и старше – 14,5 %; 40–49 лет – 30,4 %) и больше среди младших возрастов (30–39 лет – 41,3 %; 20–29 лет – 50,1 %) [7]. Эти показатели условны, поскольку охватывают только тех, кто указал продолжительность своего проживания. Более того, они несопоставимы с результатами нашего исследования, так как характеризуют другие возрастные группы. Тем не менее они довольно четко демонстрируют, что миграционный опыт в большинстве случаев накапливается с возрастом.

93

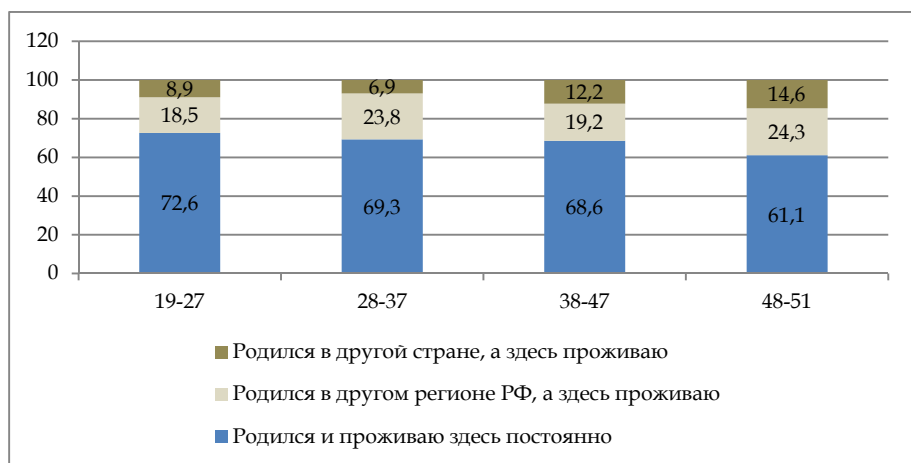

Рис. 2. Как долго вы проживаете на территории Калининградской области? (%)

Родившиеся в других регионах России составили почти четверть опрошенных (21,1 %). При этом в каждой из рассматриваемых возрастных групп их доля варьировалась незначительно (рис. 2). Пропорциональным было и представительство респондентов по количеству лет проживания в Калининградской области: 1–4 года – 27,7 %; 5–10 лет – 21,1 %; 11–20 лет – 24,0 %; 21 год и более – 27,2 %.

Удельный вес уроженцев других стран оказался небольшим – 9,9 %. Однако среди представителей реформенного поколения их доля была выше, чем среди поколения миллениалов (рис. 2). Здесь также был соблюден принцип пропорционального представительства респондентов по времени проживания в Калининградской области: 1–4 года – 21,4 %; 5–10 лет – 28,3 %; 11–20 лет – 24,8 %; 21 год и более – 25,5 %. Следует отметить, что ответ «Родился в другой стране» трактовался респондентами по-разному. Этот вывод сделан на основе устных комментариев некоторых участников во время анкетирования – они не считали себя уроженцами иного государства, поскольку родились в других республиках в период существования Советского Союза. Но даже с учетом данных суждений очевидно, что среди представителей реформенного поколения доля рожденных за пределами России значительно выше (рис. 2). Как правило, это выходцы из бывших союзных республик, которые после распада СССР переехали в Россию.

Таким образом, около трети опрошенных (31,0 %) оказались на территории самого западного региона России в результате миграции. Поэтому респондентам было предложено указать причины, по которым они выбрали Калининградскую область для переезда. Из предложенных вариантов ответов можно было выбрать не более трех. Кроме того, ответ «Другое» предоставлял возможность охарактеризовать собственную жизненную ситуацию. Такие пояснения дали 50 респондентов. В качестве основных причин переезда они указали следующие: демобилизация после прохождения срочной службы в армии на территории области (6 ответов); перевод по службе военного и членов его семьи (5); переезд вслед за супругом / родственниками (без пояснения причин) (13); учеба (5); программа переселения соотечественников (5); предложение работы (5); поиск лучшего места жизни (7); особые обстоятельства (по причине военных действий, а также из-за нерешенности национальных и языковых проблем в регионе выезда) (4).

Отметим, что значительное количество респондентов во всех четырех возрастных группах указали, что не делали выбор самостоятельно, а переехали вместе с родителями, скорее всего в детском или юношеском возрасте (19–27 лет – 45,1 %; 28–37 лет – 32,9 %; 38–47 лет – 35,4 %; 48–51 год – 31,9 %) (разграничение по гендерному признаку см.: табл. 2). Интересно, что никто из представителей «младшей» группы миллениалов (19–27 лет) и «старшей» группы реформенного поколения (48–51 год) на вопрос о причинах переезда не выбрал вариант «Затрудняюсь ответить». При этом и в «старшей» группе миллениалов (28–37 лет), и в «младшей» группе реформенного поколения (38–47 лет) около 4 % опрошенных затруднились дать ответ (табл. 2).

Таблица 2

Причины переезда в Калининградскую область, %

Вариант ответа	19—27 лет		28—37 лет		38—47 лет		48—51 год	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
У меня не было выбора, я переехал вместе с родителями	43,3	47,2	36,3	28,8	36,7	33,8	26,1	37,5
Красивая архитектура, интересное историческое прошлое	10,0	13,2	3,3	13,7	7,8	18,3	17,4	12,5
Наличие моря	18,3	18,9	29,7	42,5	26,7	26,8	34,8	25,0
Близость к странам Европы	25,0	28,3	33,0	31,5	21,1	25,4	21,7	25,0
Возможность получения качественного образования	18,3	22,6	9,9	5,5	5,6	2,8	4,3	4,2
Мягкий климат, красивая природа	13,3	20,8	13,2	32,9	8,9	15,5	21,7	33,3
Более высокий уровень жизни и размер зарплат	5,0	7,5	8,8	11,0	4,4	4,2	4,3	29,2
Здесь проживают мои друзья и родственники	18,3	15,1	23,1	27,4	23,3	32,4	17,4	25,0
Востребованность специалистов моей профессии	3,3	3,8	14,3	6,8	17,8	2,8	13,0	4,2
Затрудняюсь ответить	0	0	4,4	2,7	4,4	2,8	0	0

Если рассматривать предложенные ответы на вопрос о причинах переезда в Калининградскую область, то можно заметить, что наиболее популярными вариантами были: «Море», «Близость стран Европы», «Мягкий климат, красивая природа» и «Здесь проживают мои друзья и родственники». Однако расклад приоритетов отличался в зависимости от принадлежности к той или иной возрастно-половой группе.

Так, в «младшей» группе миллениалов (19—27 лет) наиболее часто встречающимся ответом на вопрос о причинах переезда является «Близость стран Европы» (табл. 2). Вторым по значимости — «Получение качественного образования». Обратим внимание, что это единственная возрастная группа, представители которой указали данный вариант в качестве одного из наиболее значимых аргументов переезда. И это неудивительно, так как именно в молодом возрасте люди стремятся обрести профессию, чтобы в перспективе устроиться на работу и иметь достойный заработок. В целом, в «младшей» группе миллениалов (19—27 лет) не отмечаются серьезные диспропорции между ответами мужчин и женщин. В этом возрасте девушки и ребята заняты учебой, поиском хорошей работы, обретением финансовой независимости, налаживанием личной жизни. И эти мотивы находят отражение в формировании практически одинаковых миграционных приоритетов.

В «старшей» группе миллениалов (28–37 лет) миграционные приоритеты женщин и мужчин явно отличаются друг от друга, хотя круг предпочтений ограничивается той же четверкой наиболее популярных ответов (табл. 2). Например, наиболее часто встречающимся ответом у женщин является «Море», у мужчин — «Близость Европы». Отметим, что если мужчины все-таки указывали на такой фактор, как возможность получения качественного образования (9,9 %), то у женщин он на самом последнем месте из предложенных вариантов ответов (5,5 %). Также мужчины больше, чем женщины, озабочены будущим профессиональным трудоустройством (14,3 и 6,8 %, соответственно). Такой расклад приоритетов объясняется тем, что в этом возрасте люди обычно уже имеют семьи с детьми и рассматривают потенциальные места миграции с точки зрения комфортности природно-климатических условий, близости культурно-исторических и бизнес-центров, а также наличию семейно-родственных связей. При этом мужчин интересуют более прагматичные вещи (возможность получения образования, востребованность профессии), а женщин — сама среда проживания (красивая архитектура, интересное историческое прошлое, мягкий климат, более высокий уровень жизни).

Если сравнивать миграционные установки двух групп миллениалов, то обращает на себя внимание именно разница в расстановке приоритетов. В «младшей» группе (19–27 лет) расстановка предпочтений практически одинаковая и у мужчин, и у женщин. В «старшей» группе (28–37 лет) предпочтения серьезно различаются в зависимости от гендерной принадлежности респондентов. Таким образом, мы видим, что поколение миллениалов не представляет собой монолитного образования. Скорее всего, оно многослойно, так что необходимо его более детальное ранжирование.

Обратимся к анализу миграционных предпочтений представителей реформенного поколения. Сравнивая ответы мужчин и женщин «младшей» возрастной группы (38–47 лет), отметим «гендерное единодушие» по набору приоритетов — наличие друзей и родственников; море; территориальная близость стран Европы (табл. 2). Как видим, представители данной возрастной группы при принятии решения о миграции высоко оценивают важность социальных связей (друзья, родственники, знакомые и т. д.). При этом большое значение придается и «факторам комфортности» Калининградской области (море, соседство Европы). Причем для женщин эти «факторы комфортности» имеют большее значение: 18,3 % в качестве одной из причин переезда указали красивую архитектуру и интересное историческое прошлое (против 7,8 % среди мужчин); 15,5 % — мягкий климат и красивую природу (против 8,9 % среди мужчин). В то же время для мужчин существенное значение имеет профессиональная востребованность (17,8 %), тогда как для большинства опрошенных женщин этот фактор не является приоритетным (2,8 %). Низкий интерес данной возрастной группы к получению образования объясняется тем, что подавляющее большинство людей уже имеют профессию и не нуждаются в получении образования.

И еще один момент. По сравнению со «старшей» группой миллениалов (28–37 лет), которые выбрали для переезда Калининградскую область по причине более высокого уровня жизни здесь, представители «младшей» группы реформенного поколения (38–47 лет) не питали иллюзий. Всего 4,2 % женщин и 4,4 % мужчин рассчитывали на более высокий уровень жизни и размер зарплат. Скорее всего, это связано с тем, что прибывшие в Калининградскую область имели достойный уровень жизни и размер доходов на прежнем месте жительства. А факторами притяжения в регион как раз и послужили те самые факторы комфортности.

Что касается «старшей» группы реформенного поколения (48–51 год), то большинство опрошенных также указали на благоприятные природно-климатические условия и наличие социальных связей (табл. 2). В результате — набор основных приоритетов среди мужчин и женщин был практически одинаковым, но их расклад оказался разный. Кроме того, мужчины в качестве весомой причины переезда упоминали возможность трудоустройства по специальности (13,0 %), тогда как женщины рассматривали это как один из самых незначительных факторов (4,2 %). Также следует отметить огромную разницу при оценке уровня жизни в Калининградской области между женщинами и мужчинами (29,2 % против 4,3 %, соответственно). Наименее значимым фактором переезда и для мужчин, и для женщин выступала возможность получения образования (мужчины — 4,3 %, женщины — 4,2 %).

Сравнивая миграционные приоритеты двух возрастно-половых групп реформенного поколения, следует отметить, что по сравнению с мужчинами женщины значительно выше оценивают значимость социальных связей на новом месте жительства, большее значение придают мягкому климату, красивой природе, территориальной близости Европы. В то же время при принятии решения о переезде они значительно меньше были озадачены такими вопросами, как возможность получения качественного образования и профессиональная востребованность. Мужчины, напротив, в значительно большей степени, чем женщины, обращают внимание на возможность получения образования и вероятность трудоустройства по специальности. Хотя они также признают и значимость социальных связей, и комфортность природно-климатических условий.

О пространственной мобильности населения свидетельствует как интенсивность передвижения в пределах своей страны, так и миграционное взаимодействие с иностранными государствами. Особый интерес представляют миграции между регионами-соседями. Эксклавно-анклавное положение Калининградской области вносит свою специфику в восприятие территориальной мобильности населения региона. Дело в том, что соседними территориями по отношению к Калининградской области являются не регионы России, а суверенные государства — Польша и Литва. Таким образом, взаимодействие с соседними территориями носит исключительно межгосударственный характер. Задавая респондентам вопрос «Бывали ли вы в Польше и Литве?», мы стремились определить, насколько активно население Калининградской обла-

сти взаимодействует именно с соседними территориями, даже если это территории других государств. Результаты опроса показали, что 75,6 % респондентов посещали Польшу или Литву. Это свидетельствует о достаточно высокой степени миграционного взаимодействия как между соседними территориями, так и между государствами. Отметим, что каких-либо кардинальных отличий между ответами мужчин и женщин в возрасте 28–37 лет и 38–47 лет не обнаружено. При этом некоторые различия можно заметить среди «младшей» группы миллениалов и «старшей» группы реформенного поколения. По сравнению с мужчинами удельный вес женщин в возрасте 19–27 лет, побывавших в Польше и Литве, был ниже, а в возрасте 48–51 года — выше (68,5 % : 77,5 % и 86,7 % : 74,3 % соответственно). Если рассматривать общие показатели, то чем старше респондент, тем выше зафиксирована доля побывавших в двух соседних государствах (рис. 3). Очевидно, что с возрастом либо жизненные обстоятельства, либо туристические маршруты, либо деловые поездки все чаще ставят перед необходимостью (или дают возможность) побывать жителям Калининградской области в Польше и Литве. Иначе говоря, с возрастом накапливается опыт таких поездок.

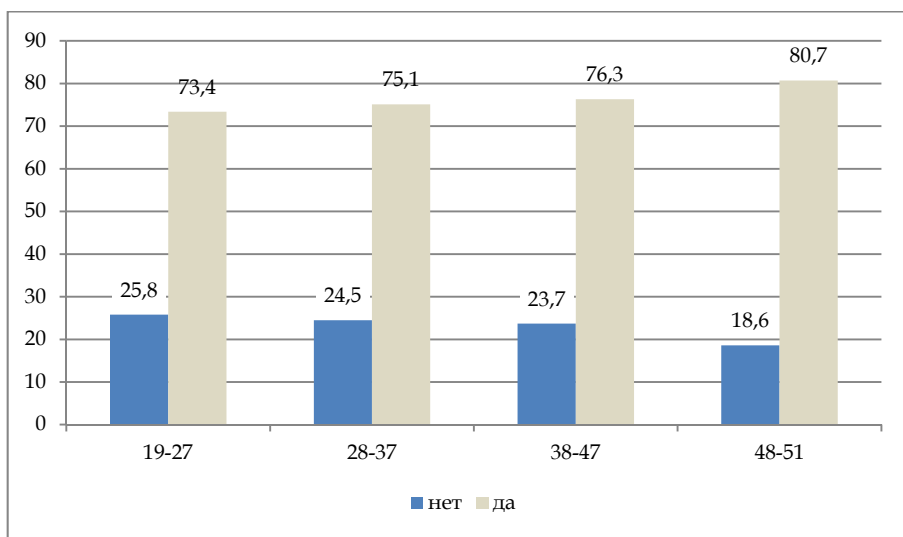

Рис. 3. Бывали ли вы в Польше и Литве? (%)

Сопоставляя уровень жизни, только 18,4 % респондентов отметили, что в Калининградской области он выше или немного выше; 26,5 % опрошенных выразили мнение, что он одинаковый и 37,9 % считают, что он ниже или немного ниже, чем в Польше и Литве. Правда, в устных комментариях на этот вопрос многие уточняли: если сравнивать с Польшей, то в Калининградской области уровень жизни ниже, а если с Литвой — выше. Значительная доля опрошенных (17,2 %) затруднились дать ответ.

Несмотря на территориальную обособленность Калининградской области, мобильность ее населения в пределах страны является довольно высокой — 82,3 % респондентов ответили, что бывали в других реги-

онах России. Обращает на себя внимание тот факт, что две пары *не соседних* возрастных групп (1-я пара: 19–27 лет и 38–47 лет; 2-я пара: 28–37 лет и 48–51 год) имеют практически схожие показатели (рис. 4). Сравнивая уровень жизни с другими регионами России, более половины опрошенных (57,0 %) считают, что он выше или немного выше в Калининградской области; 19,2 % не видят существенных различий и лишь 10,3 % полагают, что он ниже или немного ниже. Доля не определившихся с ответом составила 13,5 %.

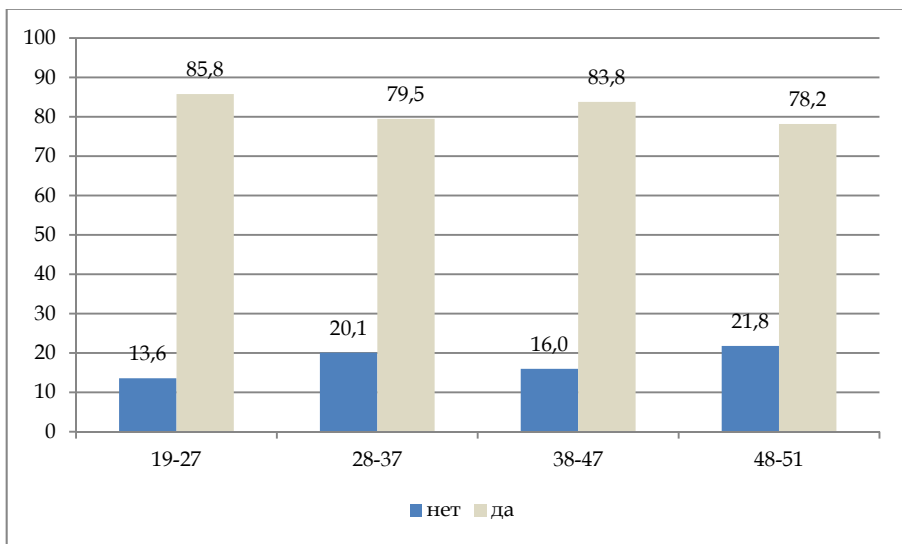

Рис. 4. Бывали ли вы в других регионах России? (%)

Таким образом, пространственная мобильность поколения миллениалов и реформенного поколения как за пределы страны, так и по России достаточно высока. Соседские миграции здесь имеют характер межгосударственных перемещений и, как правило, определяются такими факторами, как жизненные обстоятельства, туристические маршруты, деловые поездки. Передвижения по России позволяют жителям региона проводить сравнения в пользу Калининградской области, что косвенно свидетельствует о динамике ее развития.

Если говорить о миграционных установках респондентов, то задумывались о переезде 43,9 % опрошенных, не задумывались — 47,6 %, затруднились ответить 6,7 %. Планировали переехать в ближайшие 6 месяцев всего 22 человека, из них 11 человек (50 %) в возрасте 19–27 лет. Скорее всего, это студенты, которые переводились в учебное заведение в другом регионе страны, либо выпускники вузов, которые возвращались в свой регион или были нацелены на продолжение учебы (поиск работы) за пределами Калининградской области.

Чаще всего о переезде задумываются молодые люди. Наблюдается следующая закономерность — чем младше возраст, тем больше удельный вес тех, кто задумывается о переезде (рис. 5). Понятно, что это лишь намерения и далеко не у всех они будут реализованы, но сам

факт того, что молодые люди планируют переезд, свидетельствует о высокой степени их миграционной готовности. И такая миграционная готовность намного выше у поколения миллениалов. Напротив, чем старше возраст, тем большая доля людей не планируют переезд (рис. 5). Как видим, в целом для реформенного поколения (38–51 год) в большей степени характерна миграционная пассивность. Оговоримся, что она характерна на момент проведения опроса. Скорее всего, это связано не с принадлежностью к определенному поколению, а с приобретением к этому возрасту (38–51 год) определенного миграционного опыта. Возможно, многие из них на протяжении жизни уже бывали мигрантами, а некоторые и не один раз. В связи с этим большинство представителей реформенного поколения пытаются крепче обосноваться на территории своего нынешнего проживания и связывают свою дальнейшую жизнь именно с Калининградской областью.

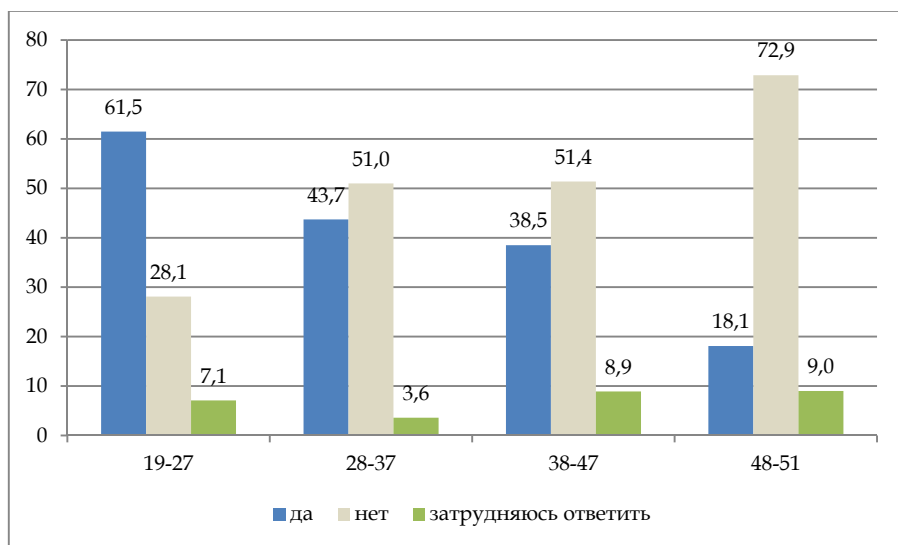

Рис. 5. Задумывались ли вы о переезде из Калининградской области? (%)

Заметим, что миграционные установки двух групп в каждом из рассматриваемых поколений совершенно разные (рис. 5). Более того, миграционные намерения «старшей» группы миллениалов (28–37 лет) и «младшей» группы реформенного поколения (38–47 лет) практически одинаковы и кардинальным образом отличаются от миграционных устремлений «младшей» группы миллениалов (19–27 лет) и «старшей» группы реформенного поколения (48–51 год) (рис. 5). И здесь снова выявляется проблема неоднородности состава как реформенного поколения, так и поколения миллениалов. Причем расклад ответов мужчин и женщин четырех возрастных групп демонстрирует то же самое – большее сходство наблюдается между ответами респондентов в возрасте 28–37 лет и 38–47 лет. Ответы респондентов в возрасте 19–27 лет и 48–51 года существенно отличаются как друг от друга, так и от ответов «соседних» возрастных групп (табл. 3).

Таблица 3

Задумывались ли вы о переезде из Калининградской области? (%)

Вариант ответа	19–27 лет		28–37 лет		38–47 лет		48–51 год	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Да	62,0	60,8	43,8	43,7	41,9	35,5	14,3	21,6
Нет	25,5	31,3	51,3	50,7	48,2	54,2	71,4	74,3
Затрудняюсь ответить	9,5	4,2	3,0	4,4	7,7	10,0	14,3	4,1
Планирую переехать в ближайшие 6 месяцев	3,0	3,7	1,9	1,2	2,2	0,3	0,0	0,0

101

Среди факторов, которые могли бы побудить жителей Калининградской области к переезду, большинство респондентов всех возрастов указали на низкий уровень заработной платы в регионе: 19–27 лет – 63,5 %; 28–37 лет – 58,7 %; 38–47 лет – 45,2 %; 48–51 год – 50,4 %. Причем среди самых молодых респондентов (19–27 лет) данный ответ выбрали подавляющее большинство и мужчин, и женщин. «Гендерное единодушие» проявили и другие возрастные группы (табл. 4). Вторым по значимости вытесняющим фактором был назван низкий уровень системы здравоохранения. Причем обе группы поколения миллениалов придали этому фактору большее значение, нежели реформенное поколение (табл. 4). Хотя, казалось бы, людей старших возрастов эта проблема должна волновать сильнее.

Таблица 4

Какие факторы могли бы побудить вас к переезду из Калининградской области на постоянное место жительства? (%)

Вариант ответа	19–27 лет		28–37 лет		38–47 лет		48–51 год	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Низкое качество системы образования	20,0	31,1	14,0	14,3	16,6	13,6	1,5	4,2
Угроза со стороны военного блока НАТО	12,5	13,8	12,8	15,6	13,0	14,0	10,6	19,7
Неразвитость культурного досуга	18,0	18,6	12,5	10,3	3,1	4,5	1,5	4,2
Низкий уровень заработной платы	62,5	64,7	58,5	58,9	44,8	45,5	50,0	50,7
Ограничения свободы слова, низкая политическая конкуренция	20,0	11,4	15,5	9,8	13,0	4,1	6,1	11,3
Неблагоприятная экология, плохой климат	5,0	15,6	15,8	22,8	10,8	12,4	9,1	12,7
Низкое качество системы здравоохранения	36,5	37,1	35,1	38,4	27,8	28,1	21,2	33,8
Затрудняюсь ответить	19,5	16,2	26,0	21,0	33,6	38,8	43,9	36,6

«Младшая» группа миллениалов (19–27 лет) и «младшая» группа реформенного поколения (38–47 лет) еще одним существенным фактором обозначили низкое качество системы образования (табл. 4). Для первых это важно, поскольку большинство респондентов этого возраста на момент анкетирования либо учились, либо планировали продолжить образование. Для вторых это имеет значение (хотя и не столь существенное), поскольку касается их детей. «Старшая» группа миллениалов (28–37 лет) на третье место поставила неблагоприятные природно-климатические и экологические условия. А «старшая» группа реформенного поколения (48–51 год) третьим фактором обозначила угрозу со стороны военного блока НАТО. Интересно, что чем старше был возраст опрашиваемых, тем большее количество респондентов затруднялись ответить на этот вопрос (табл. 4). Возможно, это связано со значительным количеством тех, кто не задумывался о переезде из Калининградской области (табл. 3, рис. 5).

Выводы

Подводя итоги, остановимся на нескольких важных моментах. Опрошенная часть населения Калининградской области продемонстрировала довольно активную пространственную мобильность по отношению как к другим регионам Российской Федерации, так и к соседним странам. Причем это было характерно для всех выделенных нами возрастных групп, с несущественными различиями по гендерному признаку. Опыт пространственной мобильности дал возможность респондентам сравнить уровень жизни в Калининградской области с другими российскими регионами, и с зарубежными странами. В то же время миграционные установки респондентов отличались в зависимости от принадлежности к той или иной возрастно-половой группе. Чем моложе был возраст опрошенных, тем выше наблюдался уровень миграционной готовности. Отвечая на вопросы о причинах переезда в Калининградскую область, респонденты делали акцент на факторах комфортности (море, близость стран Европы, мягкий климат, красивая природа), а также придавали большое значение собственной включенности в систему социальных связей (наличие друзей, знакомых, родственников). Перечисляя возможные причины переезда из Калининградской области, большинство участников опроса обратили внимание на социально-экономические факторы (низкий уровень зарплаты, низкое качество системы здравоохранения и образования). В то же время среди миллениалов значительную долю составили те, кто в качестве выталкивающего фактора указал экологическую проблему, а среди реформенного поколения – военно-политическую (угрозу со стороны НАТО). Таким образом, и поколение миллениалов, и реформенное поколение, на наш взгляд, являются достаточно объемными категориями и нуждаются в более детальном делении по ряду признаков.

В заключение хотим еще раз обратить внимание на неоднозначность концепции поколений. С одной стороны, она дает возможность исследователям выйти за рамки когортного анализа и продемонстри-

ровать процесс формирования поколений из конкретных возрастных групп в определенных исторических условиях. Данная концепция позволяет проследить динамику представлений и ценностей людей, поскольку рассматривает поколения именно в контексте исторического развития страны. С другой стороны, как это ни парадоксально прозвучит, поколенческий подход подводит исследователя к необходимости внимательнее рассматривать отдельные возрастные группы, не воспринимать категорию «поколение» как некий монолит, а осуществлять своеобразный «морфологический разбор» каждого из выделенных поколений. В любом случае концепция поколений привлекла внимание многих исследователей и, несмотря на критические замечания и дискуссии, утвердилась в качестве научно обоснованного подхода при изучении многих явлений общественной жизни.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калининградской области РФ в рамках научного проекта №19-411-390001.

Список литературы

1. Емельянова Л.Л. Анализ пространственной мобильности населения Калининградской области и вопросы миграционного регулирования. Калининград, 2006.
2. Миграционные процессы в юго-восточной части региона Балтийского моря : монография. Калининград, 2008.
3. Живенок Н.В. Региональные аспекты российской миграции (на примере Калининградской области) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 6. Вып. 3 (22). С. 63–70.
4. Зимовина Е.П. Миграции и процесс трансформации полиэтничной структуры населения Калининградской области в постсоветский период // Балтийский регион. 2014. №2 (20). С. 111–127.
5. Зимовина Е.П. Миграционные процессы в Калининградской области в постсоветский период: данные официальной статистики и архивные документы // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. ст. Калининград, 2015. Вып. 12. С. 205–221.
6. Зимовина Е.П. Миграционные процессы на территории Калининградской области в 1960–1980-е годы // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. ст. Калининград, 2016. Вып. 13. С. 111–124.
7. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 8 : Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.08.2019)
8. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002) // Географическое положение и территориальные структуры. М., 2012. С. 688–707.
9. Карачурина Л.Б., Иванова К.А. Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.) // Региональные исследования. 2017. №3 (57). С. 51–60.
10. Кашицкий И.С. Миграция молодежи в России: влияние на возрастные структуры // Современные исследования миграции населения : сб. ст. М., 2015. С. 79–93.

11. Костяшов Ю. В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарные науки в России: Соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография. М., 1996. Т. 2. С. 82–88.
12. Костяшов Ю. В. О формировании сельского населения Калининградской области в 1946–1951 гг. // Калининградские архивы: материалы и исследования : науч. сб. Калининград, 2001. Вып. 3. С. 227–236.
13. Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.
14. Левада Ю. А. Три «поколения перестройки» // Ищем человека : социологические очерки. 2000–2005. М., 2005. С. 23–29.
15. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Ищем человека : социологические очерки. 2000–2005. М., 2005. С. 30–39.
16. Левада Ю. А. Заметки о «проблеме поколений» // Ищем человека : социологические очерки. 2000–2005. М., 2005. С. 40–44.
17. Лялина А. В. География внешних миграционных связей Калининградской области в 1990-е и 2000-е годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2016. №1. С. 27–37.
18. Лялина А. В. Межрегиональные и межстрановые «перетоки» трудовых ресурсов в Калининградскую область: факторы и векторы в современном евразийском контексте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2018. №4. С. 47–64.
19. Манкевич Д. В. К вопросу о заселении сельских районов Калининградской области // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. науч. ст. Калининград, 2011. Вып. 9. С. 149–157.
20. Маслов Е. А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры ее населения // Балтийские исследования : сб. науч. тр. Калининград, 2002. Вып. 1. С. 17–33.
21. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Известия РАН. Серия геогр. 2013. №6. С. 19–32.
22. Мкртчян Н. В. О влиянии миграции на возрастной состав населения регионов, городов и районов России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2014. Т. 12. С. 381–396. URL: <https://ecfor.ru/publication/o-vliyanii-migratsii-na-vozrastnoj-sostav-naseleniya> (дата обращения: 12.08.2019).
23. Мкртчян Н. В. Возрастная структура населения России и ее влияние на внутреннюю миграцию // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. Т. 13. С. 209–221. URL: <https://ecfor.ru/publication/vozrastnaya-struktura-naseleniya-i-ee-vliyanie-na-vnutrennyuyu-migratsiyu> (дата обращения: 15.08.2019).
24. Попов Н. П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. №4. С. 309–323. doi: 10.14515/monitoring.2018.4.15.
25. Попов Н. П. Сравнительный анализ социально-политических взглядов российской и американской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. №1. С. 126–152. doi: 10.14515/monitoring.2019.1.06.
26. Радаев В. В. «Прощай, советский простой человек: социологический анализ межпоколенческой динамики» // Демографические вызовы XXI века : науч. семинар Института демографии НИУ ВШЭ. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0759/nauka01.php> (дата обращения: 20.08.2019).
27. Радаев В. В. Прощай, советский простой человек // Общественные науки и современность. 2018. №3. С. 51–65.

28. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. №3. С. 15–33. doi: 10.7868/S0132162518030029.

29. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М., 2019.

30. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: http://kaliningrad.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kaliningrad/ru/statistics/population/ (дата обращения: 20.08.2019).

31. Тюрюканова Е. Миграционные траектории и миграционные намерения жителей Калининградской области: результаты социологического исследования. М., 2008.

32. Федоров Г. М. Население Калининградской области. Демографические условия обоснования Территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Калининградской области и ее частей : монография. Калининград, 2001.

33. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений: необыкновенный икс. М., 2017.

34. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений: стратегия беби-бумеров. М., 2017.

Об авторах

Елена Павловна Зимовина — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EZimovina@kantiana.ru, zimelena@yandex.ru

Александр Вячеславович Щекотуров — канд. социол. наук, зав. социологической лабораторией Института региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ASHCHekoturov@kantiana.ru

Михаил Игоревич Криштал — канд. геогр. наук, науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

The authors

Dr Elena P. Zimovina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: EZimovina@kantiana.ru, zimelena@yandex.ru

Dr Aleksandr V. Shchekoturov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ASHCHekoturov@kantiana.ru

Dr Michail I. Krishtal, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

Е. С. Фидря, О. О. Фидря

УСТОЙЧИВОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ УСТАНОВОК ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В ОТНОШЕНИИ РИСКОВ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ «ГРУППА / РЕШЕТКА»

106

Исследование посвящено эмпирической проверке модели «группа / решетка» применительно к актуальной проблеме восприятия экологических рисков локальным сообществом (на примере разработки месторождения калийных солей в пос. Нивенское Калининградской области). Проверяется, насколько структура теоретически прогнозируемых культурных типов (иерархисты, эгалитаристы, индивидуалисты, фаталисты) воспроизводится в структуре культурных предпочтений локальных сообществ. Анализируются и тестируются несколько шкал, обосновывается применение двух из них для измерения различных параметров. Показано применение оригинальной методики для оценки устойчивости культурных типов в условиях интенсивной коммуникации, сделан статистически обоснованный вывод об устойчивости культурных установок респондентов. При помощи факторного анализа сравнивается структура эмпирически наблюдаемых взаимосвязей между различными утверждениями, составляющими целостные культурные типы. Выделено пять факторов, три из которых в целом соответствуют по своим наборам переменных теоретически сконструированным культурным типам — «иерархистскому», «эгалитаристскому» и «индивидуалистскому», один смешанный «патерналистский» фактор (демонстрирующий черты иерархического и эгалитаристского типа) и один менее выраженный «антиэтатистский» фактор, демонстрирующий черты индивидуалистского типа, однако не задающий четкого группового этоса.

The study focuses on the empirical test of the grid/group model applied to the actual perception of the environmental risks by the local community (the case of the potassium mine development in the village of Nivenskoe, the Kaliningrad region). It tests to what extent the structure of the theoretically constructed cultural types (hierarchical, egalitarian, individualist, fatalist) being reproduced within the structure of the cultural preferences of the local communities. Different scales are being analyzed and tested, the application of the two of them is proven to be good for measuring various parameters. An original methodology is being applied for the assessment of the cultural types consistency in intense communication. The authors give a statistical account for the consistency of the cultural attitudes of the respondents. Using factor analysis, we compare theoretical presuppositions with empirically observed interconnections between cultural types statements. Out of five factors which have been distinguished, three generally correspond to the theoretically constructed cultural types in their set of variables — hierarchical, egalitarian and individualist, one for the mixed paternalist factor (manifesting features both of hierarchical and egalitarian types) and one less expressed anit-ethatist factor (expressing some features of individualist type but not setting any fixed group ethos).

Ключевые слова: культурные типы, культурные установки, Калининградская область, риск-коммуникация, группа / решетка, культурная теория рисков, локальное сообщество.

Keywords: cultural types, cultural attitudes, Kaliningrad region, risk communication, grid-group, cultural risk theory, local community.

Введение

В 2012 г. в Калининградской области начались поисково-оценочные работы по изучению запасов калийно-магниевого солей, залегающих на территории Нивенского сельского поселения (Багратионовский городской округ), к концу 2014 г. разведочные работы были завершены — началась подготовка месторождения к разработке.

Уже в середине 2014 г. тема разработки будущего месторождения стала активно обсуждаться в региональном общественном поле: были проведены публичные слушания с приглашением местных жителей, НКО экологического профиля, ученых и представителей власти, появились первые публикации в местных СМИ. Несмотря на то что реализация проекта обещала значительные инвестиции в экономику не только региона, но и муниципального образования, серьезное обновление транспортной и социальной инфраструктуры, появление новых рабочих мест и другие блага, практически сразу стали подниматься и вопросы, связанные с потенциальными рисками разработки месторождения.

Жители поселка опасались потенциальных угроз, связанных с загрязнением почвы, воды и воздуха, нанесением ущерба экосистеме района и здоровью населения, чрезмерной близостью месторождения к поселку, что чревато неудобствами от сильного шума и вибрации, а также того, что извлечение полезных ископаемых приведет к возникновению глубокого провала, который создаст прямую угрозу жизни населения. Приводились негативные примеры последствий разработки других соляных месторождений. Ставились под сомнение и экономические выгоды реализации проекта — жители опасались, что на работу предприятие будет нанимать только специально привезенные кадры, а перечисленные угрозы снизят стоимость их жилья и не позволят им продать его и переехать на другое место жительства.

Несмотря на все уверения компании-разработчика в том, что в их проекте все возможные риски учтены, напряжение продолжало нарастать, и в поселке довольно быстро образовалась инициативная протестная группа, которая создала сайт и группы в социальных сетях, где аккумулировала публикации по проблеме, публиковала петиции, формировала дискуссионные площадки. Группа проводила общественные акции, вела наглядную агитацию и привлекла к себе достаточное внимание — в том числе и региональных СМИ. Представители компании-разработчика, в свою очередь, подозревали некоторых лиде-

ров группы в особых материальных и политических интересах. Действительно, некоторые из них выдвигались на выборы в законодательные органы различного уровня, но проиграли, после чего несколько снизили свою общественную активность. В итоге можно признать, что риск-коммуникация с локальным сообществом по поводу разработки данного проекта протекала сложно и успешно сложилась далеко не со всеми группами.

В целом экологические риски являются актуальной и чувствительной темой, остро воспринимаемой той локальной общностью, которая рассматривает себя как объект риска, что может вызвать социальную напряженность и даже общественные протесты, повлечь за собой политические и экономические издержки. При этом простое «разъяснение» технических и научных аспектов проблемы населению не является убедительным решением, поскольку участники коммуникации не рассматриваются друг другом как нейтральные субъекты высказываний, а восприятие и конструирование проблемы и действий участников коммуникации зависят от их положения в социальном пространстве, культурных и политических установок.

Проблема состоит в том, что в настоящее время не существует достаточного понимания механизмов влияния на процессы риск-коммуникации конфигурации социального пространства локального сообщества и агентов коммуникации, которые занимают как гомологичные, так и антагонистические позиции, что не может не воздействовать на формирование воспроизводимых ими установок по отношению к рискам.

В рамках данной работы мы предлагаем частично решить данную проблему путем раскрытия структуры локального сообщества, а также структурных позиций и культурных установок участников коммуникации, как и степени их устойчивости.

Теоретико-методологические установки

В данной работе мы следуем культурной теории риска, а точнее — предложенной М. Дуглас [1; 2] модели «решетка / группа» (grid-group model), которая в основе своей является структуралистской попыткой описать зависимость отношения к риску как один из способов социальной организации.

«Группа» и «решетка» являются своеобразными осями в системе координат, отражая некие «идеальные типы» логики восприятия риска и социальной организации. Ось «группа» соединяет два идеальных «полюса» — сильный групповой этос и слабый групповой этос, выражающие высоту барьера, который группа воздвигает между собой и окружающим миром. Общества с сильным групповым этосом делают акцент на групповой сплоченности и строго отделяют «своих» и «чужих», в то время как слабый групповой этос отличается индивидуализированностью и слабыми внутригрупповыми связями.

Ось «решетка» отражает вопросы власти и контроля поведения членов сообщества, связанные не только с членством в группе, но и с другими структурными факторами (класс, этничность, гендер). Индивиды в группах с сильным контролем подвергаются большему числу культурных ограничений, а со слабым — меньшим.

На основании этих двух осей выделяются четыре идеальных типа культур и, соответственно, четыре типа подходов к риску:

1) «иерархисты» (сильная группа и сильная решетка), которые уважают власть, сильно привержены групповым нормам и ожиданиям относительно риска и доверяют институтам;

2) «эгалитаристы» (сильная группа и слабая решетка), которые сильно отождествляют себя с группой и в рисках винят «чужаков», а также склонны к недоверию по отношению к нормам, устанавливаемым извне, и поддерживают социальное равенство и подход к коллективному разделению риска;

3) «индивидуалисты» (слабая группа и слабая решетка), отличающиеся индивидуализмом и предприимчивостью, поддерживают саморегуляцию риска, доверяют скорее индивидам, чем организациям, отвергая внешние ограничения, верят в рыночные силы, а риски рассматривают не только как источник опасностей, но и как возможность получения выгод;

4) «фаталисты» (слабая группа и сильная решетка), чьи группы отличаются слабой сплоченностью, но сильно ограничены в своем поведении и склонны полагаться на удачу и судьбу в отношении риска, считая, что мало его контролируют.

Данную модель критикуют за жесткость, статичность и неспособность учесть тот факт, что социальные субъекты обычно переключаются между различными режимами оценивания, а не принадлежат какому-то одному из них [9; 12]. Тем не менее ее важное достоинство состоит в том, что она представляет риск не как что-то объективно данное и независимое от наблюдателя, а как явление, подвергающееся культурной оценке и зависящее от восприятия. Так или иначе, данная модель дает основу для исследования культурных локаций, в рамках которых риск концептуализируется и регулируется в соответствии с конкретными социокультурными установками.

С помощью данной модели в этой статье мы попытаемся ответить на два основных вопроса: являются ли культурные предпочтения членов локальных сообществ устойчивыми и сохраняются ли они после вовлечения субъекта в групповую коммуникацию? Соответствуют ли культурные предпочтения локального сообщества структуре теоретически описанных культурных типов?

Ответы на данные вопросы получены в ходе фокус-групповых исследований и массового опроса населения г. Калининграда и пос. Нивенское, проведенных в июне-августе 2019 г. Каждая из 6 фокус-групп включала в себя 8–10 жителей (по примерно равному числу представителей каждого пола) пос. Нивенское или г. Калининграда в трех возрастных группах: 18–30; 31–50; старше 50 лет — всего 54 человека.

Массовый опрос проводился поквартирно методом личного интервью среди жителей старше 18 лет, постоянно проживающих по месту жительства, из расчета один респондент в домохозяйстве. Выборка квотная, репрезентативная по половозрастной структуре населения. В г. Калининграде было опрошено 1000 респондентов, в пос. Нивенское — 300 респондентов.

Устойчивость культурных предпочтений

Для ответа на второй вопрос мы внесли дополнительную процедуру в проведение фокус-групповых дискуссий: перед проведением фокус-группы и по ее окончании всем участникам раздавались опросные листы с одним и тем же содержанием: описанием каждого из четырех базовых культурных предпочтений по шкале, предложенной Х. Дженкинсом-Смитом и его коллегами [13; 14], и предложением оценить эти утверждения в отношении себя по шкале от -3 до +3 (где -3 — «совсем не похоже на меня»; +3 — «очень похоже на меня»). Таким образом, участники могли провести самооценку близости того или иного культурного типа своим личным предпочтениям до того, как вступили в коммуникацию с остальными участниками группы, а также измерить степень согласия с теми же установками (и в той же формулировке) уже после общения.

Оценки до и после фокус-групповой дискуссии можно рассматривать как зависимые выборки, поскольку они получены на выборке одних и тех же респондентов путем повторного измерения одних и тех же параметров. Соответственно, для сравнения устойчивости культурных предпочтений мы воспользовались t-критерием для зависимых выборок, где парами переменных выступили оценки близости культурных типов до (BHIE, BIND, BEGA и BFAT) и после дискуссии (AHIE, AIND, AEGA и AFAT) (табл. 1).

Таблица 1

Статистика парных выборок

Переменные		Среднее	N	Среднеквадратичное отклонение	Среднеквадратичная ошибка среднего
Пара 1	BHIE	1,98	54	1,486	,202
	AHIE	2,04	54	1,273	,173
Пара 2	BIND	1,59	54	1,879	,256
	AIND	1,69	54	1,646	,224
Пара 3	BEGA	,93	54	1,951	,265
	AEGA	1,15	54	1,966	,268
Пара 4	BFAT	-,17	54	2,108	,287
	AFAT	-,17	54	1,921	,261

Как мы видим, средние значения по оценке близости культурных предпочтений отличаются до и после дискуссии для трех пар перемен-

ных из четырех (кроме «фатализма»). Однако насколько значимы эти различия и можно ли считать устойчивыми предпочтения участников фокус-групп?

Таблица 2

Корреляции парных выборок

Переменные		N	Корреляция	Значимость
Пара 1	BHIE & AHIE	54	,778	,000
Пара 2	BIND & AIND	54	,891	,000
Пара 3	BEGA & AEGA	54	,795	,000
Пара 4	BFAT & AFAT	54	,883	,000

111

Как мы видим из таблицы 2, все пары демонстрируют сильную и статистически значимую корреляцию между собой, указывающую на то, что между оценкой своих предпочтений до и после дискуссии существует статистически значимая сильная связь.

При этом различия между средними значениями в парах культурных предпочтений оказались статистически незначимыми (табл. 3) — то есть недостаточными для того, чтобы говорить о том, что участие в дискуссии значительно повлияло на культурные предпочтения респондентов. Таким образом, выявленные культурные предпочтения следует признать устойчивыми.

Таблица 3

Критерий парных выборок

Переменные		Парные разности					Т-критерий	Степени свободы	Значимость (двухсторонняя)
		Среднее	Среднеквадратичное отклонение	Среднеквадратичная ошибка среднего	95 % доверительный интервал для разности				
					Нижняя	Верхняя			
Пара 1	BHIE – AHIE	–,056	,940	,128	–,312	,201	–,434	53	,666
Пара 2	BIND – AIND	–,093	,853	,116	–,325	,140	–,798	53	,428
Пара 3	BEGA – AEGA	–,222	1,254	,171	–,564	,120	–1,302	53	,198
Пара 4	BFAT – AFAT	,000	,991	,135	–,270	,270	,000	53	1,000

Однако при измерении устойчивости культурных предпочтений по разным шкалам среди участников фокус-групповых исследований мы обнаружили тот же эффект, который ранее описывался множеством исследователей [3; 10; 11], пытавшихся напрямую применять оригинальную типологию М. Дуглас и А. Вильдавского и методику К. Дейка: при измерении выраженности предпочтений по каждой шкале в отдельности респондент может демонстрировать противоречивые предпочтения — например, быть одновременно «иерархистом» и «индивидуалистом» или «индивидуалистом» и «эгалитаристом». И как мы уже обнаружили, даже групповая дискуссия, которая могла бы вскрыть

внутренние противоречия первоначальных установок и заставить респондентов четче артикулировать свою позицию, не меняет кардинальным образом их сложившиеся установки — они остаются практически теми же, что и были ранее. Дэн Кахане полагает, что корень проблемы лежит именно в том, что предлагаемые шкалы фактически измеряют каждый компонент отдельно, не выражая концептуальных противоречий между ними [8], и вместе с коллегами он предложил фактически новый подход к измерению культурных предпочтений в отношении рисков, впоследствии получивший название «теория культурно обусловленного познания» (*cultural cognition theory*) [4]. Принципиальное отличие данного подхода от предыдущих методов измерения состоит в том, что здесь две оси, лежащие в основе дифференциации культурных установок (*grid* и *group*) операционализированы именно в виде континуальных шкал с двумя полюсами, по отношению к которым респондент должен определить свою позицию, отвечая на вопросы о степени согласия с предлагаемыми утверждениями [8]. Таким образом, респондент последовательно обозначает свою позицию на двух шкалах: «иерархизм — эгалитаризм», отражающей установки по отношению к «вертикальной» шкале «*grid*» («решетка»), и «индивидуализм — коммунитаризм», отражающей доминирующий взгляд на слабую или сильную «горизонтальную» сплоченность группы («*group*»). Будучи протестирована на национальной выборке в США, данная методика показала довольно высокий уровень статистической надежности [5—8]. В массовом опросе населения г. Калининграда и пос. Нивенское при оценке культурных установок локальных сообществ мы использовали именно те измерительные инструменты, которые предлагаются теорией культурно обусловленного познания.

Эмпирическая оценка культурных установок локальных сообществ

Для проверки, насколько структура реальных культурных установок соответствует теоретическому распределению по шкалам «иерархизм — эгалитаризм» и «индивидуализм — коммунитаризм», воспользуемся факторным анализом.

Значения меры адекватности выборки Кайзера — Майера — Олкина составила 0,698 при статистической значимости критерия сферичности Бартлетта $p < 0,001$ для обеих подвыборок, что позволяет признать применение факторного анализа статистически правомерным. Факторы выделялись методом главных компонент, полученная матрица затем подвергалась вращению методом Варимакс, вращение сошло за 7 итераций.

Согласно полученной повернутой матрице компонент, полностью итоговая структура факторов не совпала с теоретической конструкцией: статистическая связь между реальными отдельными переменными (вопросами-утверждениями) оказалась несколько сложнее. Однако и утверждать, что распределение переменных по факторам не поддается логике культурного подхода, также неверно. Рассмотрим результаты факторного анализа подробнее.

Было выделено 5 факторов (процент суммарно объясненной дисперсии составил 45,2 %). Из 18 переменных пять не вошли ни в один из выделенных факторов, поскольку их связь с другими переменными оказалась слабее заданного нами порога в 0,5 (табл. 4).

Таблица 4

Факторный анализ — повернутая матрица компонентов

Переменные	1	2	3	4	5
(Е) Общество стало бы лучше, если бы материальные блага распределялись более равномерно	0,691				
(Е) Нам необходимо резко сократить неравенство между богатыми и бедными, людьми разных наций и полов	0,632				
(С) У людей должна быть возможность рассчитывать на помощь государства, когда это им необходимо	0,581				
(Н) Кажется, что преступникам и мошенникам все сходит с рук, в то время как порядочные граждане платят по счетам	0,567				
(Н) Большинство проблем в обществе возникает из-за отхода от традиционной модели семьи, где мужчина работает, а женщина остается дома		0,668			
(Н) Мы слишком далеко зашли в продвижении равноправия в нашей стране		0,652			
(Н) Общество в целом стало слишком мягким и женоподобным		0,599			
(I) Наше государство пытается сделать слишком много для слишком многих людей	—				
(I) Правительственные постановления почти всегда являются пустой тратой времени и денег			0,705		
(I) Государство должно перестать диктовать людям, как им жить			0,597		
(С) Обязанность общества — обеспечить удовлетворение основных потребностей каждого	—				
(Е) Дискриминация в отношении различных меньшинств является очень серьезной проблемой в нашем обществе				0,739	
(Е) Родители должны учить маленьких мальчиков быть более чуткими, менее грубыми и жесткими				0,562	
(С) Правительство должно ограничить выбор, который могут делать люди, для достижения общих целей	—				
(I) Свободные рынки, а не государственные программы, являются лучшим способом обеспечения людей необходимыми им вещами	—				
(Е) Мы живем в обществе, которое основано на дискриминации и угнетении женщин	—				
(I) Мы должны позволить людям самим о себе позаботиться					0,735
(I) Индивидуальная прибыль — главная мотивация для усердной работы					0,549

Фактор 1 составили переменные «Общество стало бы лучше, если бы материальные блага распределялись более равномерно» (Е), «Нам необходимо резко сократить неравенство между богатыми и бедными, людьми разных наций и полов» (Е), «У людей должна быть возможность рассчитывать на помощь государства, когда это им необходимо» (С) и «Кажется, что преступникам и мошенникам все сходит с рук, в то время как порядочные граждане платят по счетам» (Н). Таким образом, первый фактор оказался в основном сформирован переменными, выражающими эгалитаристские установки, а также одну коммунитарную и одну иерархистскую установку — в последнем случае, вполне возможно, сыграло роль восприятие самой формулировки утверждения, которую можно читать как запрос на более жесткий контроль соблюдения социальных норм со стороны государства, а можно и как запрос на справедливое и равное отношение ко всем членам общества. В целом, как ни странно, данный фактор выражает скорее *патерналистский запрос на установление справедливости* в обществе и соответствует высокой организации по шкале «решетка». При этом групповой этос данного фактора обладает чертами, характерными для эгалитаристских установок.

Фактор 2 целиком состоит из иерархических установок: «Большинство проблем в обществе возникает из-за отхода от традиционной модели семьи, где мужчина работает, а женщина остается дома» (Н), «Мы слишком далеко зашли в продвижении равноправия в нашей стране» (Н), «Общество в целом стало слишком мягким и женоподобным» (Н). В целом он выражает довольно жесткие *патриархальные ценности* и соответствует «иерархическому» набору с принятием четких социальных предписаний и высокой ориентацией на замкнутость и сплоченность группы.

Фактор 3 сформирован двумя индивидуалистскими установками: «Правительственные постановления почти всегда являются пустой тратой времени и денег» (І), «Государство должно перестать диктовать людям, как им жить» (І). В целом, впрочем, эти утверждения скорее можно охарактеризовать даже не столько как индивидуалистские, сколько как *антиэтатистские*, поскольку они выражают неприятие вертикальных предписаний, однако никак не отражают отношения к степени групповой сплоченности.

Фактор 4 образовали эгалитаристские установки «Дискриминация в отношении различных меньшинств является очень серьезной проблемой в нашем обществе» (Е), «Родители должны учить маленьких мальчиков быть более чуткими, менее грубыми и жесткими» (Е). В отличие от первого фактора, который характеризует запрос на социальную, нормативную и имущественную справедливость и равенство, здесь утверждения касаются установок, которые в публичном поле принято относить к «леволиберальным», направленным *против гендерной и этнической дискриминации*. Однако в целом этот фактор соответствует эгалитаристским характеристикам неприятия жестких социальных предписаний и высокой групповой солидарности.

Наконец, фактор 5 образован еще двумя индивидуалистскими установками: «Мы должны позволить людям самим о себе позаботиться» (I) и «Индивидуальная прибыль — главная мотивация для усердной работы» (I). Данные установки ярко выражают культурный тип *индивидуализма*, базирующийся на принципах конкуренции и экономического либерализма, и хорошо согласуются с предпосылками культурной теории, согласно которым для данного типа характерны неприятие социальных предписаний и ограничений и слабая ориентация на группу.

Выводы

115

В данной работе мы попытались дать оценку устойчивости культурных установок в отношении рисков, как их предсказывает культурная теория риска М. Дуглас и А. Вильдавски. Проанализировав имеющиеся инструменты эмпирической проверки теоретических положений, мы выбрали несколько шкал, которые способны наиболее удачно измерить отношение членов локальных сообществ к утверждениям, составляющим содержание того или иного культурного типа.

Кроме того, для оценки устойчивости культурных предпочтений респондентов, вовлеченных в интенсивную коммуникацию, мы также разработали и апробировали оригинальную методику, основанную на сравнительной оценке устойчивости предпочтений относительно шкал, выражающих сущность четырех культурных типов.

Нам удалось установить, что культурные предпочтения респондентов остаются устойчивыми в отношении всех четырех типов и после интервенции (в виде активной коммуникации в фокус-группе), полученные результаты статистически надежны.

Что касается соответствия теоретических предположений эмпирически наблюдаемой взаимосвязи утверждений, выражающих основные шкалы культурных типов, то на основании результатов факторного анализа можно заключить, что полностью итоговая структура факторов не совпала с теоретической конструкцией: статистическая связь между реальными отдельными переменными (вопросами-утверждениями) оказалась несколько сложнее, однако при этом нельзя утверждать, что распределение переменных по факторам не поддается логике культурного подхода.

Нами выявлено пять факторов, из которых в трех случаях наборы переменных в целом соответствуют теоретически сконструированным культурным типам — «иерархистскому», «эгалитаристскому» и «индивидуалистскому», один смешанный «патерналистский» фактор (демонстрирующий черты иерархического и эгалитаристского типа) и один менее выраженный «антиэтатистский» фактор, демонстрирующий черты индивидуалистского типа.

Полученные результаты требуют дальнейшего изучения в части их влияния на отношение локальных сообществ к конкретным рискам, предпочитаемые коммуникативные практики, поведенческие реакции,

однако имеющиеся данные уже можно использовать для разработки и корректировки стратегий риск-коммуникации в отношении различных групп локальных сообществ в соответствии с их культурными типами.

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31646 «Факторы эффективной риск-коммуникации в локальном сообществе: политический, цифровой и структурный контекст (на примере экологического протеста)».

Список литературы

116

1. Douglas M. Natural symbols: explorations in cosmology. L., 1970.
2. Douglas M., Wildavsky A. B. Risk and culture: an essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley, 1982.
3. Gastil J., Jenkins-Smith H., Silva C. Analysis of cultural bias survey items. New Mexico, 1995.
4. Johnson B. B., Swedlow B. Cultural Theory's Contributions to Risk Analysis: A Thematic Review with Directions and Resources for Further Research. Risk Analysis. 2019. doi: 10.1111/risa.13299.
5. Kahan D. M., Braman D., Gastil J. et al. Culture and identity-protective cognition: explaining the white-male effect in risk perception // Journal of Empirical Legal Studies. 2007. Vol. 4, №3. P. 465—505.
6. Kahan D. M., Braman D., Monahan J. et al. Cultural cognition and public policy: the case of outpatient commitment laws // Law and Human Behavior. 2010. №34. P. 118—140.
7. Kahan D. M., Braman D., Slovic P. et al. Cultural cognition of the risks and benefits of Nanotechnology // Nature Nanotechnology. 2009. Vol. 4, №2. P. 87—91.
8. Kahan D. M. Cultural cognition as a conception of the cultural theory of risk // Handbook of risk theory: Epistemology, decision theory, ethics, and social implications of risk / ed. by S. Roeser, R. Hillerbrand, P. Sandin, & M. Petersen. Dordrecht, 2012. P. 725—759.
9. Lupton D. Risk. N. Y., 2013.
10. Marris C., Langford I. H., O'Riordan T. A quantitative test of the cultural theory of risk perceptions: comparison with the psychometric paradigm // Risk Analysis. 1998. Vol. 18, №5. P. 635—647.
11. Sjöberg L. Explaining risk perception: an empirical evaluation of cultural theory // The earthscan reader in risk and modern society / R. E. Löfstedt, L. Frewer (eds.). L., 1998. Vol. 2. P. 115—132.
12. Social theories of risk and uncertainty: an introduction / ed. by J. Zinn. Oxford, 2008.
13. Swedlow B., Ripberger J. T., Liu L. Y. et al. Assessing the validity of different approaches to operationalizing cultural theory in survey research : paper presented at the Annual Meeting of the Midwest Political Science Association. Chicago, IL, 2016.
14. Swedlow B., Ripberger J. T., Liu L. Y. et al. Culture war? A theory and evidence of cultural conflict, coalition, and change in the US : paper presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association. Philadelphia, PA, 2016.

Об авторах

Ефим Сергеевич Фидря — канд. соц. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EFidrya@kantiana.ru

Ольга Олеговна Фидря — мл. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: OFidrya@kantiana.ru

The authors

Dr Efim S. Fidrya, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Efidrya@kantiana.ru

Olga O. Fidrya, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Ofidrya@kantiana.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук — 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов — не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

3) аннотацию на русском и английском языках (150–250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (4–8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (примерно 25 источников) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>.

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>.

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;
б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
№ 2

2020

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 30.0.2020 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,5
Тираж 1000 экз. (1-й завод 41 экз.). Цена свободная. Заказ 95
Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6